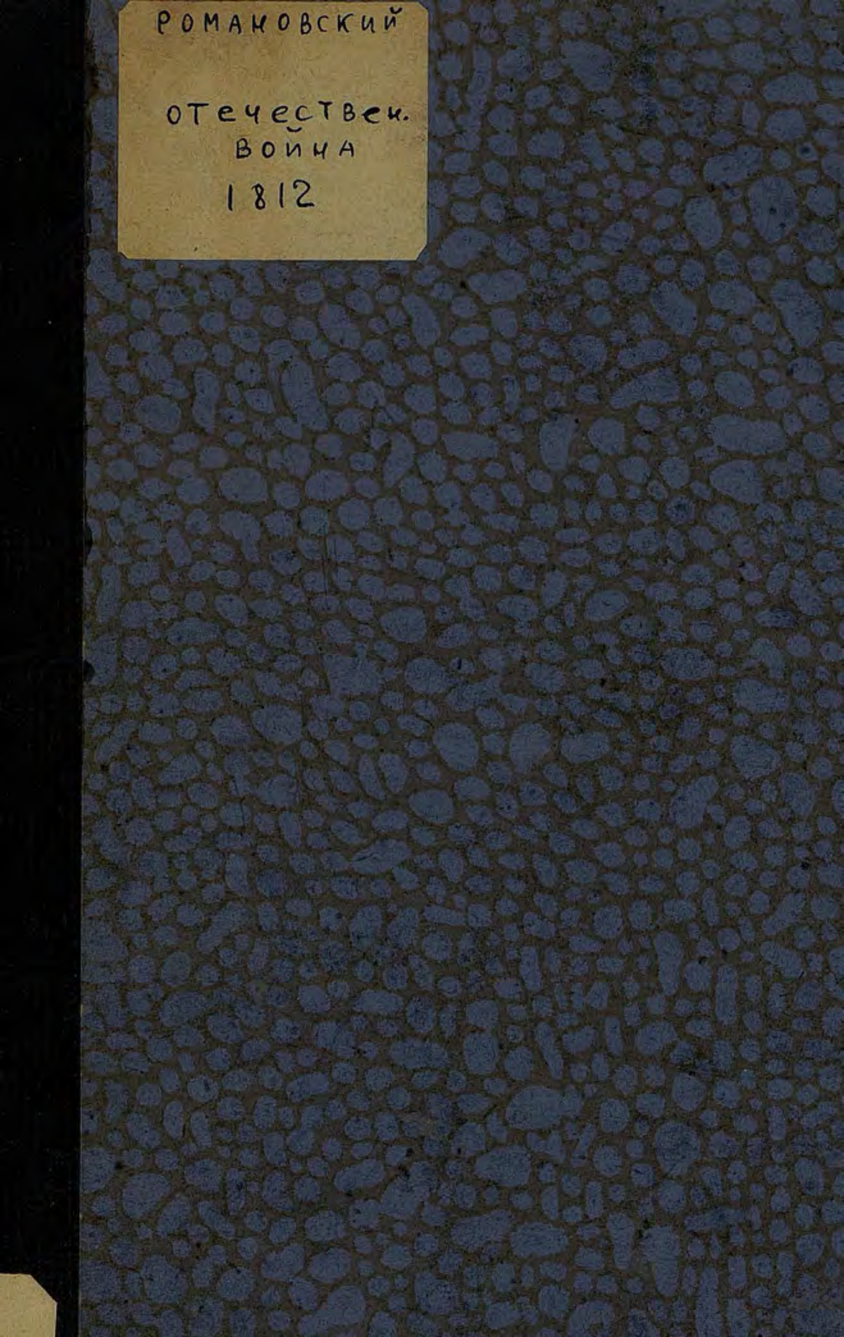
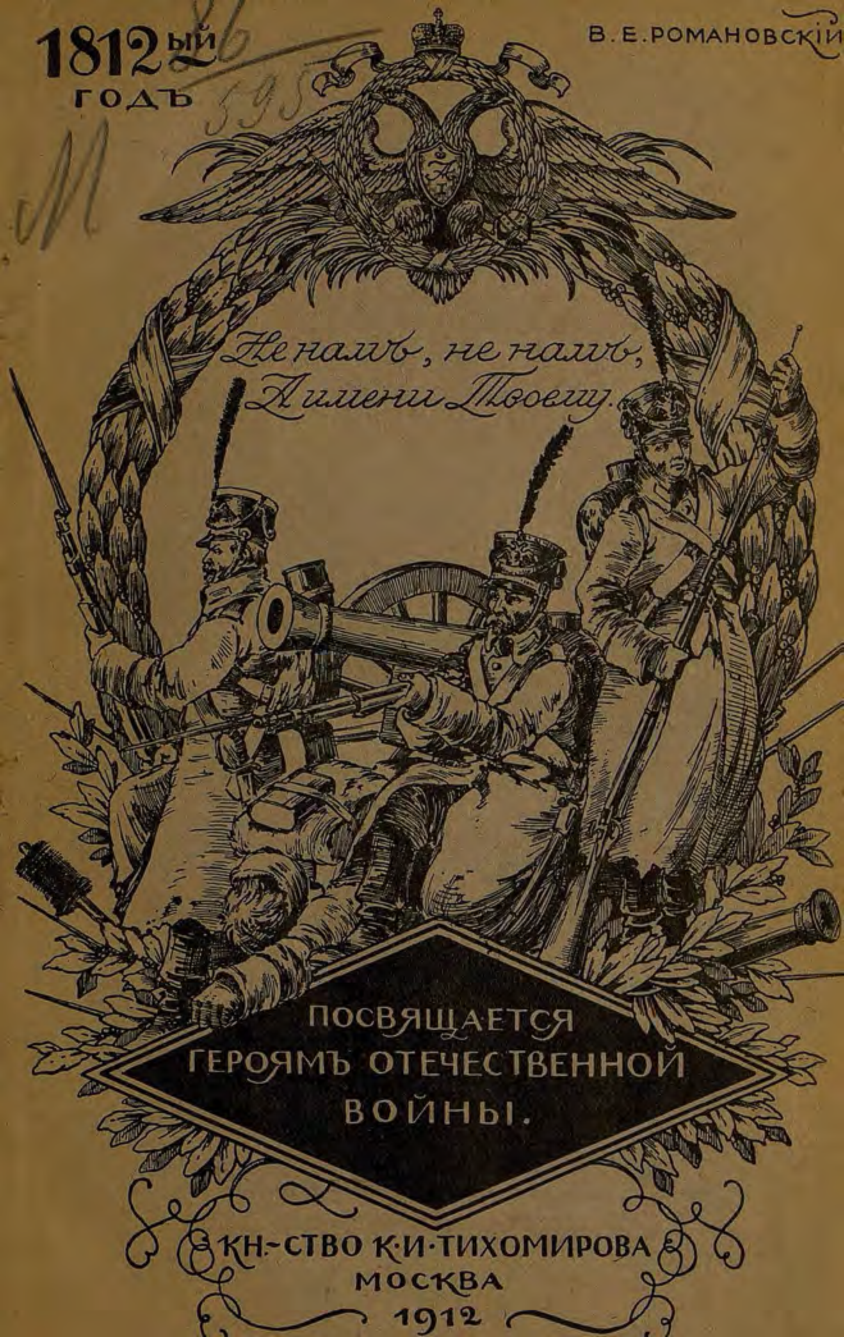

РОМАНОВСКИЙ
ОТЕЧЕСТВЕН.
ВОЙНА
1812

1812ый годъ
В. Е. Романовскій
Не намъ, не намъ,
А имени Твоему.
Посвящается героямъ Отечественной войны.
Кн-ство К. И. Тихомирова
Москва
1912

В. Е. Романовскій.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1812 ГОДА.

ЭПИГРАФЪ.
„Война есть мѣрило народныхъ силъ, матеріальныхъ и нравственныхъ".
С. М. Соловьевъ.

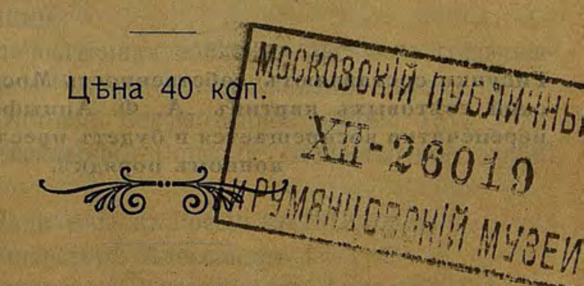

Съ 70 рисунками въ текстѣ.

Учен. Ком. Министер. Народ. Просв. допущена въ ученич. библ. городскихъ по положенію 31 мая 1872 г. и двухклассныхъ сельскихъ учил. и внесена въ списокъ сочиненій заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народн. читаленъ и библ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 40 коп.

Книгоиздательство К. И. Тихомирова.
Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захарьина.
1912.

Перечень рисунковъ, составляющихъ собственность мастерской свѣтовыхъ картинъ А. Ф. Анцыферовой:

1. Лагарпъ, наставникъ Александра I.
2. Графъ Сперанскій.
3. Кутузовъ.
4. Свиданіе императоровъ въ Тильзитѣ.
5. Александръ I—на Красномъ Крыльцѣ.
6. Бородинская Битва.
7. Наполеонъ на Поклонной горѣ.
8. Въѣздъ Александра I въ Парижъ.
9. Храмъ Христа Спасителя.
10. Князь Багратіонъ.
11. Графъ Витгенштейнъ.
12. Ратники 1812 г.
13. Прибытіе Кутузова къ войску.
14. Несеніе иконы Смоленской Божіей Матери и появленіе орла.
15. Милорадовичъ.
16. Жители покидаютъ Москву.
17. Давыдовъ.
18. Фигнеръ.
19. Старостиха Василиса.
20. Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

ТИП. ГРОСМАНЪ И ВЕНДЕЛЬШТЕЙНЪ, МОСКВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Война 1812 года, это столкновеніе Запада Европы съ Востокомъ,—одно изъ величайшихъ событій не только нашей, русской исторіи, но и исторіи общеевропейской.

Чтобы понять ея истинный смыслъ и историческое значеніе, необходимо ясно представлять себѣ тѣ обстоятельства, среди которыхъ она возникла, то положеніе, въ которомъ передъ этой войной находились не только двѣ воюющія стороны, Франція и Россія, но и другія, по крайней мѣрѣ главнѣйшія, государства Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ имѣть представленіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, руководившихъ дѣйствіями воюющихъ сторонъ. Наполеонъ I и Александръ I—центральныя фигуры этой великой борьбы. Мы постараемся въ краткомъ очеркѣ нарисовать ту обстановку, среди которой возникла борьба, и сдѣлать краткую характеристику двухъ императоровъ. Болѣе подробное изложеніе событій Наполеоновской эпохи и болѣе обстоятельную характеристику двухъ императоровъ читатель найдетъ въ другой нашей брошюрѣ: «Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 года».

При составленіи настоящей брошюры авторъ пользовался слѣдующими пособіями:

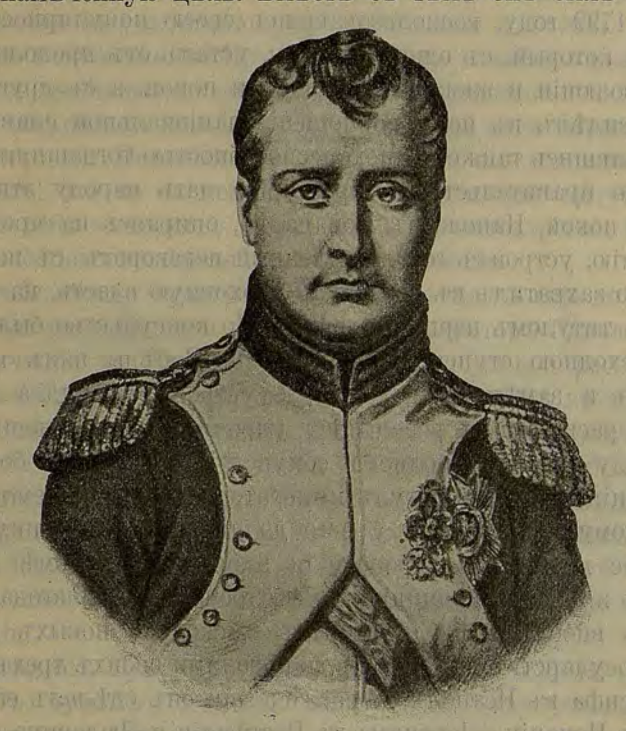
1) **Дубровинъ.**—Отечественная война въ письмахъ современниковъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ;
2) **Богдановичъ.**—Исторія Отечественной войны 1812 года;
3) **Михайловскій-Данилевскій.**—Описаніе отечественной войны 1812 года;
4) **Н. Полевой.**—Наполеонъ въ Россіи въ 1812 году;
5) **Соловьевъ.**—Императоръ Александръ I.
6) **Пыпинъ.**—Общественное движеніе при Александрѣ I.
7) **Драгомировъ.**—Очерки: «Разборъ Войны и Мира» Л. Н. Толстого и «Наполеонъ I-й»;

8) **Л. Н. Толстой.**—Война и миръ;
9) **Проф. Платоновъ.**—Лекціи по русской исторіи;
10) **Сегюръ.** — Походъ въ Москву въ 1812 году. Переводъ Брониславы Рунтъ. Изд. т-ва «Образованіе» въ Москвѣ. 1911 г.

Въ 1789 году во Франціи началась революція, уничтожившая весь «старый порядокъ», основанный на безграничномъ абсолютизмѣ и на господствѣ двора, бюрократіи и двухъ привилегированныхъ сословій, дворянства и духовенства, надъ средними и низшими классами. Король Людовикъ XVI Бурбонъ былъ казненъ, обвиненный въ томъ, что вызвалъ вмѣшательство иностранныхъ державъ, Пруссіи и Австріи, для прекращенія революціи и возстановленія стараго порядка. Война съ иностранными державами вызвала во Франціи небывалый подъемъ патріотизма и революціоннаго воодушевленія. Вожди молодой республики поставили своей задачей не только защитить Францію и расширить ея предѣлы до естественныхъ границъ (Рейнъ, Альпы и Пиренеи), но и поднять революціонное движеніе во всѣхъ европейскихъ государствахъ и повсюду дать торжество тѣмъ началамъ равенства и свободы, тѣмъ «правамъ человѣка и гражданина», которыя были положены въ основаніе французской республики. Началась «война—пропаганда», очень быстро приведшая къ образованію по сосѣдству съ Франціей и подъ ея покровительствомъ нѣсколькихъ «сестеръ-республикъ»,— Голландской, Швейцарской, Неаполитанской, Римской. Какъ всегда бываетъ, въ этой народной войнѣ стали быстро выдвигаться талантливые полководцы, среди которыхъ вскорѣ первое мѣсто занялъ Наполеонъ Бонапартъ, затмившій всѣхъ французскихъ генераловъ своими геніальными способностями и блестящими побѣдами.

Корсиканецъ,—т.-е. италіанецъ съ о-ва Корсики, — по происхожденію, получившій военное образованіе во Франціи и начавшій свою карьеру передъ началомъ революціи въ чинѣ поручика артиллеріи, онъ въ разгаръ борьбы Франціи съ иностранными державами, благодаря своимъ подвигамъ, въ 24 года былъ уже генераломъ и получилъ званіе главнокоманду-

ющаго армiей, дѣйствующей противъ австрiйцевъ въ Италiи. Такъ началась его блестящая карьера «изъ поручиковъ—въ императоры». Обладая генiальнымъ умомъ, проницательностью и наблюдательностью, умѣнiемъ схватывать самую сущность всѣхъ политическихъ отношенiй эпохи, онъ въ то же время былъ человѣкомъ желѣзной воли, настойчиво преслѣдовавшимъ намѣченную цѣль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чрезвы-

Наполеонъ I.

чайно честолюбивъ и властолюбивъ и въ стремленiи къ намѣченной цѣли не останавливался ни передъ какими средствами. Очень рано, въ самомъ началѣ своей карьеры, онъ поставилъ своею цѣлью захватить верховную власть во Францiи въ свои руки и черезъ Францiю господствовать надъ всею Европой. Надежда на осуществленiе этой цѣли при тогдашнихъ условiяхъ жизни ни на минуту не могла казаться ему несбы-

точный: революціонный потокъ, хлынувшій на Европу изъ Франціи, долженъ былъ, по его мнѣнію, разрушить старый порядокъ во всѣхъ государствахъ и дать ему возможность, съ помощью преданнаго ему побѣдоноснаго войска, утвердить господство надъ ними Франціи. Властитель Франціи долженъ былъ сдѣлаться и властителемъ Европы, и даже, черезъ Европу, властителемъ міра.

Въ 1799 году, воспользовавшись своею популярностью въ народѣ, который, съ одной стороны, усталъ отъ продолжительной революціи и жаждалъ порядка и покоя, а съ другой стороны—видѣлъ въ немъ воплощеніе національной славы; воспользовавшись также полною неспособностью тогдашняго французскаго правительства (Директоріи) дать народу эти порядокъ и покой, Наполеонъ Бонапартъ, опираясь на преданную ему армію, устроилъ государственный переворотъ, съ помощью котораго захватилъ въ свои руки верховную власть, на первый разъ съ титуломъ перваго консула. Но консульство было только переходною ступенью къ имперіи. Побѣды надъ врагами Франціи и замѣчательно быстрое устроеніе порядка внутри страны, расшатанной революціей, упрочили его положеніе, и въ 1804 году онъ, при полномъ сочувствіи громаднаго большинства націи, принялъ титулъ императора. Теперь стремленіе къ всемірному владычеству у него должно было окрѣпнуть. Въ короткое время всѣ европейскія государства, кромѣ Англіи, Швеціи и Россіи, подчинились его господству. Благодаря этому онъ впослѣдствіи образовалъ нѣсколько новыхъ небольшихъ государствъ, гдѣ посадилъ королями своихъ трехъ братьевъ: Іосифа въ Неаполѣ,—впослѣдствіи онъ сдѣлалъ его королемъ въ Испаніи,—Іеронима въ Вестфаліи и Людовика въ Голландіи, а зятя своего, маршала Мюрата, женатаго на его сестрѣ Каролинѣ, онъ сдѣлалъ Неаполитанскимъ королемъ, когда Іосифъ былъ переведенъ въ Испанію. Объявивъ себя королемъ Италіи, онъ назначилъ вице-королемъ своего пасынка Евгенія Богарнэ *).

*) Евгеній—былъ сыномъ первой жены Наполеона, Жозефины (вдовы казненнаго въ эпоху террора генерала Богарнэ). Съ нею Наполеонъ потомъ развелся и женился на дочери австрійскаго императора Маріи-Луизѣ.

Но установленію всемірнаго владычества Наполеона мѣшали главнымъ образомъ Англія и Россія. Желая подорвать политическое могущество Англіи, опиравшееся на ея господство въ морской торговлѣ, онъ придумалъ такъ называемую «континентальную блокаду», заключавшуюся въ томъ, что всѣ европейскія государства должны были запереть свои гавани для англійскихъ товаровъ. Континентальная блокада была принята всѣми государствами, кромѣ Швеціи и Россіи. Швеція особенно не безпокоила Наполеона; но его главной задачей становилось уничтоженіе политическаго могущества Россіи. Пока Россія оставалась независимой, не только идея міродержавія не могла для Наполеона осуществиться, но представлялась опасность, что съ ея помощью рано или поздно могутъ сбросить съ себя господство Наполеона и тѣ государства, которыя безпрекословно исполняли всѣ его требованія.

Борьба между Франціей и Россіей началась еще до захвата Наполеономъ верховной власти. Еще императоръ Павелъ I принялъ участіе въ коалиціи противъ французской республики, въ союзѣ съ Австріей и Англіей. Война началась въ то время, когда Наполеонъ, съ согласія Директоріи, предпринялъ экспедицію на Востокъ, въ Египетъ и Сирію, чтобы добраться до самой главной и богатѣйшей колоніи англичанъ—Индіи. Знаменитый нашъ полководецъ Суворовъ быстро вытѣснилъ французовъ изъ Италіи. Но затѣмъ Павелъ I, недовольный безтактными и своекорыстными дѣйствіями союзниковъ, вышелъ изъ коалиціи.

Преемникъ Павла, императоръ Александръ I, вступая на престолъ, думалъ посвятить себя всецѣло внутреннимъ преобразованіямъ, въ которыхъ такъ нуждалась Россія послѣ глубокой реакціи, пережитой ею въ царствованіе Павла. Воспитанникъ просвѣщеннаго республиканца, швейцарскаго гражданина Лагарпа, онъ проникнутъ былъ освободительными идеями просвѣтительной литературы XVIII вѣка и мечталъ о введеніи въ Россіи конституціонной монархіи. Въ сотрудничествѣ съ своими молодыми и либеральными друзьми, изъ которыхъ первое мѣсто занимали гр. Строгановъ, Новосильцевъ и извѣстный польскій патріотъ кн. Адамъ Чарторыйскій, онъ при-

нялся за составленіе проектовъ политическаго переустройства Россіи и приступилъ уже къ реформѣ центральнаго управленія, учредивъ Государственный Совѣтъ и министерства. Но вскорѣ захваты, производимые Наполеономъ въ Европѣ, отвлекли его отъ внутренней дѣятельности и втянули въ европейскую борьбу. Въ 1805 г. въ немъ стала назрѣвать мысль, что

Императоръ Александръ I.

его историческое призваніе и нравственный долгъ законнаго монарха заключается въ томъ, чтобы противопоставить политикѣ императора—авантюриста, основанной на обманахъ и насиліяхъ, политику правды, гуманности, законности и справедливости, при которой всѣ европейскія государства пользова-

лись бы полной независимостью и миромъ, необходимымъ для ихъ культурнаго развитія. Достигнуть же этого можно было общими усиліями всѣхъ европейскихъ монарховъ. Исходя изъ этой мысли, онъ энергично началъ хлопотать о союзѣ главныхъ европейскихъ государствъ противъ Наполеона и вскорѣ сталъ во главѣ новой коалиціи противъ Франціи, въ составъ которой вошли, кромѣ Россіи, Швеція, Англія и Австрія. Пруссія въ это время была совершенно порабощена Наполеономъ, и прусскій король боялся, что, въ случаѣ неудачнаго исхода борьбы, онъ лишится короны.

Борьба дѣйствительно кончилась неудачей. Послѣ пораженія русско-австрійскихъ войскъ при Аустерлицѣ Австрія

Лагарпъ.

заключила отдѣльный миръ съ Наполеономъ, исполнивъ всѣ его требованія. Между прочимъ, императоръ Францъ II отказался, по настоянію Наполеона, отъ титула «императора Священной Римской имперіи», который Габсбурги носили съ конца XIII вѣка, и принялъ титулъ императора Австрійскаго. Война прекратилась. Но въ слѣдующемъ году начавшееся сильное народное движеніе въ Пруссіи противъ французскаго господства вынудило прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III заключить съ Александромъ I союзъ противъ Наполеона. Въ союзъ этотъ теперь не вошли ни Англія ни Австрія, несмотря на всѣ усилія Александра I привлечь ихъ къ об-

щему дѣлу. И эта война окончилась неудачей. Наполеонъ, не ожидая, пока союзныя войска соединятся, быстро вторгнулся въ Пруссію и, разбивъ пруссаковъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, занялъ Берлинъ. Русскія войска, опоздавшія явиться на помощь пруссакамъ, стойко выдержали страшно кровопролитную битву съ французами подъ Прейсишъ-Эйлау,—которую самъ Наполеонъ назвалъ «рѣзнею»,—но затѣмъ потерпѣли пораже-

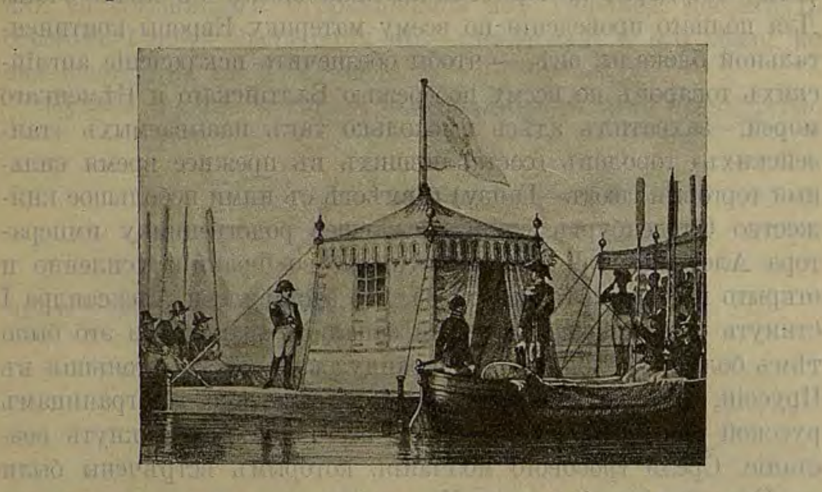

Францъ I, императоръ Австрійскій.

ніе подъ Фридландомъ. Пришлось заключить миръ съ Наполеономъ. Миръ этотъ былъ заключенъ въ Тильзитѣ въ 1807 г. послѣ личнаго свиданія двухъ императоровъ, при чемъ Александръ I согласился присоединиться къ континентальной блокадѣ, а Наполеонъ согласился на присоединеніе къ Россіи Финляндіи, въ случаѣ войны Россіи съ Швеціей, — которая

вскорѣ и началась,—и дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, принадлежавшихъ Турціи, съ которой Россія уже вела войну.

Но миръ этотъ не могъ быть прочнымъ. Наполеонъ не могъ примириться съ независимымъ образомъ дѣйствій Александра I, а Александръ I вскорѣ убѣдился, во-первыхъ,—въ томъ, что континентальная блокада приносила громадный вредъ русской торговлѣ и вообще экономическому состоянію Россіи, и,

Свиданіе Наполеона I съ Александромъ I около Тильзита.

во-вторыхъ, въ томъ, что Наполеонъ дѣйствовалъ неискренно, выжидая лишь болѣе удобнаго момента для новой борьбы съ Россіей, которая необходима была ему по двумъ причинамъ: ему необходимо было во что бы то ни стало уничтожить политическое могущество Россіи и, кромѣ того, только война, съ блестящими побѣдами, могла помочь ему содержать многочисленную армію и держаться на престолѣ. Ко всему этому присоединились и другія обстоятельства: Наполеонъ былъ недоволенъ постояннымъ заступничествомъ русскаго императора за Пруссію и его протестомъ противъ присоединенія прусской провинціи Силезіи къ французскимъ владѣніямъ, а Александръ I былъ недоволенъ тѣмъ, что Наполеонъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Пруссіи и отказывался категорически и

публично объявить, что онъ не будетъ поддерживать стремленій польскихъ патріотовъ превратить образованное имъ изъ польскихъ провинцій Пруссіи Варшавское герцогство въ самостоятельное Польское королевство *). Наконецъ, всѣ эти причины, подготовлявшія разрывъ между Александромъ I и Наполеономъ, обострились вслѣдствіе одного случая, въ которомъ ясно обнаружилось, что Наполеонъ бросаетъ вызовъ русскому государю, желая окончательно свести съ нимъ счеты. Для полнаго проведенія по всему материку Европы континентальной блокады, онъ, — чтобы обезпечить исключеніе англійскихъ товаровъ по всему побережью Балтійскаго и Нѣмецкаго морей,—захватилъ здѣсь нѣсколько такъ называемыхъ «ганзейскихъ» городовъ (составлявшихъ въ прежнее время сильный торговый союзъ—Ганзу) и вмѣстѣ съ ними небольшое княжество Ольденбургъ, принадлежавшее родственнику императора Александра I. Въ то же время во Франціи усиленно и открыто мобилизовались войска, что заставило и Александра I стянуть свои войска къ нашей западной границѣ, и это было тѣмъ болѣе необходимо, что французская войска, стоявшія въ Пруссіи, начали подвигаться по направленію къ границамъ русской Польши, гдѣ вслѣдствіе этого могло возникнуть возстаніе. Среди гробового молчанія, которымъ встрѣчены были въ Европѣ новые захваты Наполеона, раздался протестующій голосъ одного только русскаго императора, вступившагося за своего родственника, герцога Ольденбургскаго. Весною 1812 года Александръ I потребовалъ, чтобы Наполеонъ вывелъ свои войска изъ Пруссіи, а самъ отправился въ Вильну, гдѣ находилась штабъ-квартира русскихъ войскъ. Отвѣтомъ на это было внезапное вторженіе въ Россію Наполеона въ іюнѣ 1812 года.

Незадолго передъ вторженіемъ въ предѣлы Россіи Наполеонъ, въ припадкѣ увлеченія своими фантастическими планами о господствѣ надъ міромъ, говорилъ одному изъ близкихъ къ нему лицъ:

---

*) При Екатеринѣ II произошелъ раздѣлъ Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей. Польскіе патріоты надѣялись съ помощью Наполеона возстановить Польшу въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала до этого раздѣла. Варшавское герцогство было отдано Наполеономъ саксонскому королю.

— Черезъ пять лѣтъ я буду владыкой всего міра. Остается одна Россія; я раздавлю её.

Самый походъ въ Россію представлялся ему лишь началомъ грандіознаго предпріятія:

— Въ концѣ концовъ, — говорилъ онъ, — этотъ длинный путь ведетъ въ Индію... Представьте себѣ, что Москва взята; Россія побѣждена; царь—въ союзѣ съ Франціей или покорный ея слуга... Скажите: что помѣшаетъ тогда французской арміи или ея союзникамъ, отправившись изъ Тифлиса, достигнуть береговъ Ганга? Экспедиція эта—гигантская, я это знаю; но она исполнима въ XIX вѣкѣ...

Судьба, однако, показала неисполнимость этого предпріятія.

Отечественная война.

I.

Вторженіе Наполеона въ Россію. Военныя силы Наполеона и Россіи. Настроеніе Александра I и русскаго народа. Отступленіе 1-й и 2-й армій. Отъѣздъ Государя изъ арміи. Соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ. Побѣды Витгенштейна. Манифестъ о вооруженіи Россіи. Пребываніе Александра I въ Смоленскѣ и въ Москвѣ. Подъемъ патріотизма. Планъ народной войны. Заботы Александра I о защитѣ Петербурга. Взглядъ его на борьбу съ Наполеономъ, какъ на общее дѣло всѣхъ европейскихъ государствъ.

12-го іюня 1812 г. Наполеонъ перешелъ р. Нѣманъ и на другой день безъ сопротивленія занялъ оставленный русскимъ гарнизономъ г. Ковно. Передъ самымъ вторженіемъ въ Россію

Наполеонъ на р. Двинѣ 24 іюля 1812 г.

онъ издалъ приказъ по войскамъ, въ которомъ между прочимъ, было сказано: «Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она полагаетъ, что мы измѣ-

нились? Развѣ мы уже не воины Аустерлицкіе?.. Впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи... Миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы»...

Дѣйствительно, могло казаться, что Россія находится на краю гибели и что ее ожидаетъ судьба остальныхъ государствъ Европы, покорно склонившихся передъ повелителемъ Франціи, который восемь лѣтъ передъ тѣмъ, по его собственному выра-

Понятовскій.

женію. «подобралъ корону, валявшуюся на полу». Военныя силы, которыми располагалъ Наполеонъ, были громадны. Его «великая армія» состояла изъ 678 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ 356 тыс. было французовъ и 322 тыс. иностранцевъ; вмѣстѣ съ резервами, оставшимися по ту сторону Нѣмана, численность ея простиралась до 1,000,000 человѣкъ. Въ составъ великой арміи, кромѣ французовъ, входили бельгійцы, голландцы, нѣмцы, румыны, италіанцы, испанцы, поляки. Послѣднихъ было до 60 тыс. человѣкъ; ими предводительствовалъ кн. Понятовскій. Кромѣ поляковъ, въ арміи Наполеона

были и славяне изъ Илліріи, незадолго передъ тѣмъ присоединенной къ Франціи. Это была дѣйствительно армія «дванадесяти языковъ», какъ ее называли въ Россіи. Среди ея предводителей, изъ которыхъ особенно славою пользовались маршалы Даву, Ней, Удино, Макдональдъ, находились и коронованныя лица: вице-король Италіи Евгеній Богарнэ, вестфальскій король Іеронимъ Бонапартъ, неаполитанскій король Мюратъ, а также королевскіе и наслѣдные принцы почти всѣхъ царствовавшихъ европейскихъ домовъ.

Противъ этой громадной арміи Россія могла выставить, въ моментъ вторженія Наполеона, только 218 тыс. человѣкъ. Силы эти, стянутыя къ западной границѣ въ ожиданіи войны, были раздѣлены на три арміи. Первая армія, имѣвшая штабъ-квартиру въ Вильнѣ, находилась подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, второю командовалъ одинъ изъ храбрѣйшихъ русскихъ генераловъ, грузинъ по происхожденію, кн. Багратіонъ, отличившійся въ суворовскихъ походахъ, любимецъ Суворова. Третья армія, подъ начальствомъ Тормасова, стояла отдѣльно отъ первыхъ двухъ у г. Луцка. Кромѣ этихъ трехъ армій, была еще четвертая. Но она находилась въ Молдавіи и Валахіи, такъ какъ война съ Турціей еще не была окончена, и шли переговоры о мирѣ.

Первоначальный планъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы не дать соединиться первымъ двумъ русскимъ арміямъ, врѣзаться между ними и взять Вильну, центръ Литвы, откуда онъ предполагалъ руководить дальнѣйшими дѣйствіями своихъ войскъ.

Общій планъ военныхъ дѣйствій былъ намѣченъ и у Александра I. По этому плану предполагалось завлекать Наполеона внутрь страны и, ослабивъ его силы отдѣльными стычками и нападеніями, дать ему генеральное сраженіе на наиболѣе удобной для этого позиціи. Въ основаніе этого плана лежала мысль высказанная Александру шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ, который до своего избранія въ наслѣдники бездѣтному шведскому королю Карлу XIII былъ однимъ изъ маршаловъ Наполеона и одно время даже его военнымъ министромъ. «Я прошу императора,—писалъ Бернадотъ въ одномъ

изъ своихъ писемъ не задолго до вторженія Наполеона, — не давать генеральныхъ сраженій, маневрировать, отступать, длить войну; это — лучшій способъ дѣйствій противъ французской арміи. Если Наполеонъ подойдетъ къ воротамъ Петербурга, я буду считать его ближе къ погибели, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы ваши войска стояли на берегахъ Рейна. Особенно употребляйте казаковъ; они даютъ вамъ большое преимущество передъ французской арміей, которая не имѣетъ ничего подобнаго. Пусть казаки забираютъ все у французской арміи: французскіе солдаты дерутся хорошо, но теряютъ духъ при лишеніяхъ»... Той же ситемы военныхъ дѣйствій совѣтовали Александру I держаться и нѣкоторые французскіе эмигранты, нашедшіе себѣ пріютъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ нихъ, графъ д'Алонвиль, представилъ даже подробный планъ, въ которомъ настоятельно совѣтовалъ избѣгать генеральныхъ сраженій, отступать внутрь страны, увлекая за собою противника, держать по возможности силы свои сосредоточенными, наводнить области, которыя непріятель оставитъ у себя въ тылу, казаками, для дѣйствія противъ отдѣльныхъ французскихъ отрядовъ, посылаемыхъ для добыванія продовольствія. «Необходимо,—говорилъ д'Алонвиль,—держать непріятеля въ постоянномъ опасеніи, ограничиваться частными встрѣчами, которыя, поддерживая самоувѣренность собственныхъ войскъ, утомляютъ противника, ослабляютъ его и, во всякомъ случаѣ, болѣе вредны для арміи, отдалившейся на 2,000 верстъ отъ своихъ границъ, нежели для арміи, ведущей войну въ собственной странѣ».

Эти мнѣнія, какъ увидимъ, отразились въ дѣйствіяхъ не только Барклая-де-Толли, но и замѣнившаго его передъ Бородинскимъ сраженіемъ Кутузова. Да иной системы дѣйствій и быть не могло, когда приходилось бороться съ втрое сильнѣйшимъ врагомъ...

Но при вторженіи непріятеля важно не столько количество регулярнаго войска, которое можетъ выставить противъ него страна, сколько настроеніе народа, который надолго можетъ сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ для пополненія вооруженныхъ силъ; важна и та увѣренность въ народныхъ сред-

ствахъ обороны, которая вдохновляетъ главу государства. Посмотримъ, съ какимъ настроеніемъ встрѣчали врага русскій царь и русскій народъ.

До 1812-го года Александръ I становился во главѣ коалицій, составлявшихся противъ Наполеона. Теперь Наполеонъ велъ противъ него страшную коалицію, и тѣ державы, посредствомъ которыхъ Россія обыкновенно дѣйствовала противъ Франціи, державы, ближайшія къ Россіи, Австрія и Пруссія, были теперь членами наполеоновской коалиціи. Россія была одна, и, несмотря на это, принимала борьбу. Незадолго до вторженія Наполеона, когда шли еще дипломатическіе переговоры, Александръ I говорилъ французскому послу:

— Я вооружаюсь, потому что вы сами вооружаетесь. У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какіе у васъ; самъ я не такой генералъ и не такой администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня добрые солдаты, у меня преданный народъ, и мы помремъ всѣ съ мечемъ въ рукахъ, а не позволимъ обходиться съ собою, какъ съ голландцами или гамбургцами. Но увѣряю васъ, что я первый не начну войны: я не хочу войны, мой народъ также не хочетъ войны; но когда на него нападутъ, онъ не отступитъ.

И Александръ былъ силенъ въ это время. Эту силу давало ему убѣжденіе въ неизбѣжности войны, ясное пониманіе характера Наполеона, и вслѣдствіе этого — увѣренность, что съ такимъ человѣкомъ равенство положенія невозможно. Силу давалъ ему и самый характеръ предстоящей войны, войны оборонительной: сколько бы войска ни навелъ противникъ, оно будетъ поглощено этимъ сухимъ океаномъ, который называется Россіей. Планъ военныхъ дѣйствій, заключавшійся въ завлеченіи противника вглубь этого океана, былъ установленъ, и Александръ въ іюнѣ 1812 года писалъ Бернадоту: «Разъ война начата, мое твердое рѣшеніе не оканчивать ее, хотя бы пришлось сражаться на берегахъ Волги».

Александръ I бодро смотрѣлъ въ будущее, зная силы своего народа и его глубокій патріотизмъ.

Нельзя однако сказать, чтобы въ русскомъ народѣ, въ ожиданіи предстоящей войны, господствовала безпечная самоувѣ-

ренность. Русскій человѣкъ вообще осторожен при наступленіи опасности и не любитъ, даже за грѣхъ считать впадать въ самоувѣренность. Убѣжденіе въ непобѣдимости Наполеона, основанное на постоянныхъ его успѣхахъ, господствовало не только во Франціи; оно господствовало нѣкоторое время и въ Германіи и въ Россіи. Современники свидѣтельствуютъ, что имя Бонапарта поселяло въ нашемъ простомъ народѣ таинственный ужасъ, подобно имени злого духа. Съ приближеніемъ войны всякій пожаръ, всякое естественное бѣдствіе приписывалось вліянію Наполеона и его агентовъ. Въ 1811 году явилась комета. «Не къ добру эта звѣзда,—говорили у насъ,—она помететъ русскую землю». Открылось обширное поле для воображенія: разсказывали о небесныхъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ нѣчто чрезвычайное; многіе полагали, что уже наступало время Страшнаго Суда. Въ самомъ имени Наполеона, переложенномъ на цифры, по библейскому счисленію, думали отыскать «апокалипсическаго звѣря» (Антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666. И не только простой народъ относился такъ къ переживаемымъ событіямъ. Въ нашемъ образованномъ обществѣ, при господствовавшемъ въ то время мистическомъ настроеніи, находилось достаточное количество людей, которые, подобно Пьеру Безухову въ романѣ Л. Н. Толстого «Война и Миръ», раздѣляли эти воззрѣнія.

Но, не впадая въ самоувѣренность, русскій народъ съ торжественнымъ спокойствіемъ ожидалъ событій, готовый, какъ говорилось въ старину, «испить послѣднюю чашу». Всѣ одушевлены были мыслью, что «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», и готовились дать врагу отпоръ. И для суевѣрныхъ людей, приходившихъ въ ужасъ отъ могущества «апокалипсическаго звѣря», было чѣмъ себя успокаивать: въ одномъ мѣстѣ Апокалипсиса опредѣленъ былъ предѣлъ славы Антихриста числомъ 42. Надѣялись, что 1812 годъ, въ которомъ Наполеону шелъ 43-й годъ, будетъ временемъ его паденія...

А людямъ, знавшимъ русскую старину, вспоминались и пережитые въ прошломъ Россіей опасные моменты: борьба съ татарами, 1613 годъ, нашествіе Карла XII. Это историческое самосознаніе лучше всего сказалось въ томъ рѣзкомъ и остро-

умномъ отвѣтѣ, который далъ Наполеону посолъ русскаго императора генералъ-адъютантъ Балашовъ въ бесѣдѣ съ нимъ въ занятой французами Вильнѣ. Въ разговорѣ съ Балашовымъ, — въ которомъ закончились послѣднія объясненія между Наполеономъ и Александромъ I, — Наполеонъ поинтересовался узнать кое-что о Москвѣ и, желая произвести на него впечатлѣніе полной увѣренности въ успѣхѣ своего предпріятія, спросилъ Балашова о кратчайшей дорогѣ въ Москву.

— У русскихъ, — отвѣтилъ ему Балашовъ, — существуетъ та же поговорка, что и у французовъ: всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Въ Москву можно пройти разными дорогами. Но... Карлъ XII шелъ черезъ Полтаву.

А въ своемъ манифестѣ о всеобщемъ народномъ ополченіи, изданномъ вскорѣ послѣ вторженія Наполеона, Александръ I, призывая всѣ сословія на защиту отечества противъ опаснаго врага, между прочимъ говорилъ: «Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина».

Въ то же время онъ писалъ Барклаю-де-Толли: «Прошу Васъ, не робѣйте передъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и на правосудіе. Не унывайте, но укрѣпите вашу душу великою цѣлью, къ которой мы стремимся: избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ оно стонетъ, и освободить Европу отъ цѣпей».

— Я не помирюсь,—говорилъ онъ передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій,—покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ...

Выше мы говорили о свиданіи Балашова съ Наполеономъ. Свиданіе это было вызвано миролюбіемъ Александра I и желаніемъ снять съ себя отвѣтственность за всѣ несчастія, сопряженныя съ войною. Балашовъ доставилъ Наполеону письмо Государя, въ которомъ тотъ дѣлалъ послѣднюю попытку избѣжать войны. Онъ соглашался вступить съ Наполеономъ въ мирные переговоры и, повидимому, готовъ былъ на нѣкоторые уступки; но для начала этихъ переговоровъ онъ ставилъ условіемъ удаленіе французскихъ войскъ изъ Россіи. «Если Ваше Величество не намѣрены проливать крови изъ-за недо-

разумѣній и согласитесь удалить войска ваши изъ русской земли,—писалъ Александръ I,—все прошедшее почту я какъ бы не бывшимъ, и соглашеніе между нами будетъ еще возможно. Въ противномъ случаѣ Ваше Величество принудите меня видѣть въ васъ непріятеля, котораго ничѣмъ не вызывалъ я на вражду. Отъ васъ зависитъ избавить человѣчество отъ тревогъ новой войны».

Но попытка Александра I не имѣла успѣха: Наполеону во что бы то ни стало необходима была война, а предложеніе

Атаманъ Платовъ.

удалить войска изъ Россіи, какъ говорится, только подлило масла въ огонь. «Жребій брошенъ,—писалъ Наполеонъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Александру, — и Провидѣніе рѣшило наше дѣло, какъ многія другія... Языкомъ, какимъ говорили со мною въ послѣднее время, могла говорить только Екатерина съ послѣднимъ королемъ польскимъ. Война объявлена. Самъ Богъ не можетъ остановить начатаго»...

Чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ дѣйствій русскихъ полководцевъ, Александръ I, уже послѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ, рѣшилъ оставить войска и

уѣхать въ Петербургъ. Изъ столицы своего государства онъ думалъ руководить общимъ направленіемъ борьбы съ Наполеономъ. Но пока онъ оставался при І-й арміи.

При движеніи Наполеона къ Вильнѣ, 1-я армія начала отступленіе и на нѣкоторое время остановилась въ Дриссѣ, гдѣ и укрѣпилась. По направленію къ Дриссѣ, согласно приказанію Государя, двинулся и Багратіонъ со своею 2-ю арміей. Чтобы отрѣзать Багратіона отъ 1-й арміи, Наполеонъ отрядилъ противъ него громадныя силы подъ начальствомъ Даву, Іеронима и австрійскаго главнокомандующаго Шварценберга, а самъ съ великой арміей сталъ преслѣдовать Барклая. Послѣдній, не успѣвъ соединиться, какъ предполагалось, у Дриссы съ Багратіономъ, — искусно ускользавшимъ съ помощью донскихъ казаковъ атамана Платова отъ трехъ французскихъ армій,—двинулся далѣе къ Полоцку. За р. Двиною оставленъ былъ только корпусъ Витгенштейна, которому было приказано наблюдать за движеніями непріятеля въ сѣверныя области Россіи, куда двигались отдѣлившіяся отъ великой арміи корпуса маршаловъ Удино и Макдональда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Витгенштейнъ долженъ былъ охранять дорогу къ Петербургу.

Около Полоцка Александръ оставилъ 1-ю армію и, передавъ командованіе ею всецѣло Барклаю-де-Толли, уѣхалъ въ Смоленскъ. Барклай рѣшилъ продолжать отступленіе до тѣхъ поръ, пока удастся соединиться съ Багратіономъ. Преслѣдуемый главными силами Наполеона, онъ отошелъ къ Витебску и здѣсь занялъ позицію, ожидая съ часа на часъ прибытія 2-й арміи, которой, по слухамъ, удалось благополучно добраться до Могилева. Но эти слухи оказались невѣрными. Маршалъ Даву предупредилъ Багратіона въ Могилевѣ, и послѣднему пришлось повернуть на Смоленскъ. Узнавъ объ этомъ, Барклай, послѣ трехдневнаго боя съ авангардомъ великой арміи, которымъ командовалъ Мюратъ, тоже отступилъ къ Смоленску. Здѣсь, наконецъ, въ началѣ августа обѣ русскія арміи соединились.

Это была первая неудача Наполеона, виновникомъ которой былъ храбрый и находчивый Багратіонъ, уничтожившій его

планъ разбить обѣ арміи поодиночкѣ. Трудно описать тотъ гнѣвъ Наполеона, который обрушился на головы Даву, Іеронима и Шварценберга, упустившихъ Багратіона. Со стороны Багратіона его уходъ отъ трехъ непріятельскихъ армій былъ великимъ подвигомъ, славу котораго раздѣлялъ съ нимъ донской атаманъ Платовъ. Здѣсь казаки впервые показали французамъ свое искусство прикрывать отступленіе войска и путать всѣ расчеты непріятеля.

Барклай де-Толли.

Послѣ нѣсколькихъ частичныхъ сраженій подъ Витебскомъ Наполеонъ занялъ этотъ городъ и прожилъ въ немъ до половины августа, обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. И было о чемъ подумать. Русская армія отступала, но отступала въ стройномъ порядкѣ, успѣшно отражая нападенія французскаго авангарда. Теперь Наполеонъ угрожалъ Смоленску. Но передъ нимъ стояли русскія войска, уцѣлѣвшія, бодрыя духомъ, требовавшія отъ своихъ начальниковъ битвъ и надѣявшіяся на побѣды. Эти надежды подкрѣплялись извѣстіями

объ успѣхахъ Витгенштейна, разбившаго неожиданно для всѣхъ армію маршала Удино и оттѣснившаго ее къ Полоцку. Въ битвахъ съ Витгенштейномъ французы потеряли до 10 тыс. человѣкъ, въ то время какъ потери русскихъ едва превышали 4 тыс. Начало было хорошее.

Но важнѣе этихъ первыхъ побѣдъ былъ подъемъ народнаго духа по всей Россіи и особенно въ мѣстностяхъ, составлявшихъ

Витгенштейнъ.

театръ военныхъ дѣйствій. Александръ I энергично принялся за организацію народной обороны. На другой же день послѣ выступленія изъ Дрисскаго лагеря къ Полоцку онъ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ о вооруженіи всего государства.

Его первый призывъ былъ обращенъ къ первопрестольной столицѣ потому, что «она, — сказано было въ воззваніи, — всегда была главою городовъ россійскихъ; она всегда изливала изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по ея примѣру изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для его защиты». Теперь Государь призывалъ черезъ Москву дворянство и всѣ прочія

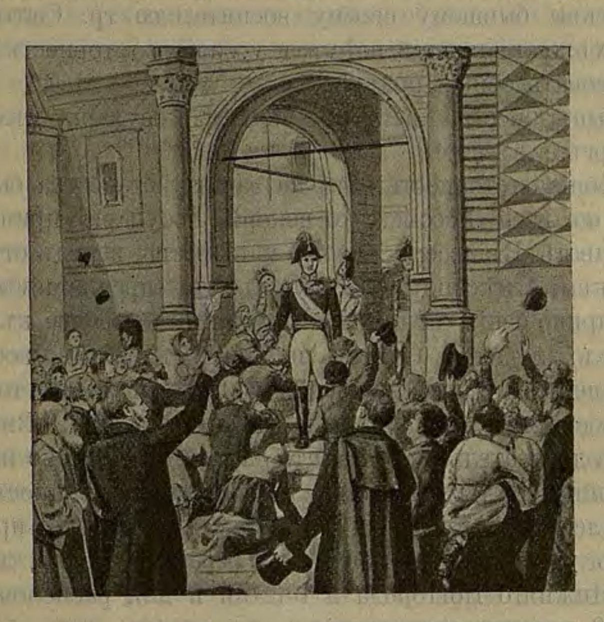
сословія «къ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная церковь». Онъ обѣщалъ «стать посреди своего народа для совѣщанія и руководствованія всѣми ополченіями». Это воззваніе заканчивалось словами: «Да обратится погибель, въ которую врагъ мнитъ низринуть насъ, на главу его, и *освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!*» Тотъ же призывъ ко всему русскому народу повторенъ былъ и въ манифестѣ о вторженіи Наполеона, въ которомъ Государь объявлялъ, что «при всей твердой надеждѣ на храброе воинство» онъ считаетъ необходимымъ собрать внутри государства новыя силы, которыя могли бы составить подкрѣпленіе войскамъ. «Народъ русскій! — сказано было въ этомъ манифестѣ,—храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!»

Въ началѣ іюля Александръ I пріѣхалъ въ Смоленскъ. Населеніе этого стариннаго города встрѣтило его съ неописуемымъ восторгомъ. Смоленское дворянство, еще до манифеста просившее Государя о дозволеніи ему составить изъ своихъ крестьянъ 20-ти тысячное ополченіе, немедленно принялось за дѣло...

День пріѣзда Александра I въ Смоленскъ ознаменовался и радостнымъ извѣстіемъ изъ Турціи: нашему главнокомандующему Кутузову удалось, несмотря на всѣ происки Наполеона, заключить съ султаномъ почетный для Россіи миръ, что давало возможность двинуть для защиты государства съ береговъ Дуная и 4-ю армію, испытанную въ бояхъ въ теченіе шестилѣтней войны.

Изъ Смоленска Александръ I отправился въ Москву, повсюду встрѣчаемый народомъ съ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ Смоленскѣ. Уклоняясь отъ торжественной встрѣчи въ Москвѣ, онъ въѣхалъ въ нее ночью, а утромъ на другой день Кремлевская площадь передъ дворцомъ наполнилась народомъ, ожидавшимъ выхода Государя на Красное крыльцо. Его появленіе передъ народомъ вызвало бурю восторга. Поклонив-

пись московскимъ святынямъ, Государь созвалъ на собраніе во дворецъ московское дворянство и купечество. Когда всѣ собрались, онъ вышелъ сначала къ дворянству, потомъ къ купечеству. Дворяне изъявили готовность выставить по 10 ратниковъ со 100 душъ для образованія ополченія въ 80 тыс. человѣкъ, обмундировать ихъ, снабдить провіантомъ и даже, по возможности, оружіемъ. Къ московскому купечеству Государь обратился съ подробною рѣчью, въ которой указалъ на

Александръ I въ Москвѣ.

опасность, угрожавшую государству, и на необходимость, для защиты общаго благосостоянія, значительныхъ денежныхъ средствъ. Онъ объявилъ купечеству о заключеніи союза съ Швеціей и мира съ Турціей, а также о предстоявшемъ возобновленіи дружественныхъ отношеній съ Англіей, готовой открыть свои гавани для русской торговли. Указавъ на то, что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе страны угрожаетъ вражеское нашествіе, Государь повторилъ и здѣсь то, что сказалъ дворянамъ, т. е. что, будучи увѣренъ въ дружномъ содѣйствіи

всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ станетъ сопротивляться непріятелю до послѣдней крайности.

— Мы готовы жертвовать тебѣ, Государь, и имуществомъ и собою! отвѣчали представители московскаго купечества.

Послѣ отбытія Государя немедленно было собрано по подпискѣ 1½ милл. рублей. Сумма эта затѣмъ въ нѣсколько дней возросла до 10 милл., да дворянство пожертвовало 3 милл. рублей. «Нельзя не быть тронуту до слезъ,—писалъ Александръ I изъ Москвы бывшему своему воспитателю гр. Салтыкову,—видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Пробывъ шесть дней въ Москвѣ, Государь уѣхалъ въ Петербургъ.

Эта общая готовность итти на защиту отечества была такъ велика по всей Россіи, что вскорѣ Государю пришлось ее ограничивать. Въ своемъ новомъ манифестѣ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Александръ I объявилъ, что «предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей». Считая излишнимъ общее вооруженіе Россіи, онъ положилъ привести его въ исполненіе только въ 16-ти губерніяхъ, ближайшихъ къ театру войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ доказательство того, что онъ дѣйствительно намѣренъ вести войну съ Наполеономъ до послѣдней крайности, даже въ отдаленныхъ предѣлахъ Россіи, Александръ приказалъ устроить укрѣпленный лагерь на берегахъ Волги, для прикрытія Нижняго Новгорода и Казани и для расположенія въ немъ 100 тысячнаго ополченія.

Итакъ война становилась народною. Когда окружающіе Александра стали опасаться за участь Москвы, оказалось, что это не было для него неожиданностью. На вопросъ гр. Толстого:

— Что Вы, Ваше Величество, намѣрены предпринять въ случаѣ, если Наполеонъ займетъ Москву?—Государь спокойно отвѣтилъ:

— Я намѣренъ изъ Россіи сдѣлать вторую Испанію *).

*) Въ Испаніи въ это время поднялось народное возстаніе противъ господства Наполеона, изгнавшаго оттуда домъ Бурбоновъ и посадившаго на испанскій престолъ брата своего Іеронима. Возстаніе это обратилось въ «гверильи», т. е. въ мелкія войны населенія съ французскими войсками въ родѣ дѣйствій нашихъ партизановъ.

Самъ онъ предусматривалъ и участь Петербурга. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ сдѣлалъ распоряженіе о формированіи особаго корпуса, въ дополненіе къ корпусу Витгенштейна, для защиты Петербурга и о назначеніи начальникомъ этого корпуса Кутузова, который по заключеніи мира съ Турціей долженъ былъ вскорѣ возвратиться. «Мудрено,—писалъ онъ гр. Слтыкову,—чтобы французы отважились двинуться къ Петербургу прежде, чѣмъ рѣшена будетъ участь Риги и дѣйствующихъ противъ нихъ армій; но тѣмъ не менѣе необходимо употребить всѣ мѣры къ увозу изъ Петербурга всего нужнаго, и времени терять не слѣдуетъ». Считая необходимымъ принять эти мѣры «на всякій случай», онъ въ то же время заботился и о томъ, чтобы не напугать этими мѣрами населеніе столицы, и съ этою цѣлью распорядился, чтобы императорская фамилія не выѣзжала изъ столицы, развѣ только если непріятельскія войска подойдутъ къ Нарвѣ.

Оборона Петербурга была первымъ порученіемъ, которое давалось въ отечественную войну Кутузову, будущему вождю всѣхъ русскихъ войскъ.

Но Александръ I старался возбудить энергію къ борьбѣ съ Наполеономъ не только въ своемъ народѣ; онъ стремился поднять противъ него и другія государства, не вошедшія въ союзъ съ Франціей. Онъ успѣлъ заключить мирные договоры съ Испаніей и Швеціей и настойчиво побуждалъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ Англію, которая, не надѣясь на успѣхъ русскаго оружія, проявляла нѣкоторую холодность къ Россіи. Съ этою цѣлью онъ поторопился объявить русскія гавани открытыми для англійскихъ товаровъ. Чтобы имѣть представленіе о томъ, какъ ясно понималъ онъ значеніе переживаемаго историческаго момента и какъ бодро глядѣлъ онъ въ будущее, обратимся къ одному изъ его писемъ, написанныхъ Бернадоту во время переговоровъ съ Англіей. «Настоящая война,—писалъ Александръ I,—есть послѣдняя борьба независимости противъ угнетенія, законно-свободныхъ идей противъ тиранства; она есть дѣло всѣхъ еще не порабощенныхъ государствъ. Только величайшія общія усилія, только самое непоколебимое постоянство въ поддержаніи сей войны могутъ

доставить намъ успѣхъ. Все повелѣваетъ заключить самый тѣсный союзъ между Россіей, Англіей, Швеціей, Испаніей, Португаліей и Турціей. Все, что мы сдѣлаемъ для достиженія сей цѣли, будетъ сдѣлано хорошо; все, что удалитъ насъ отъ нея или замедлитъ ея исполненіе, будетъ существеннымъ зломъ для общаго блага. Мнѣ кажется, надо употреблять меньше письменныхъ сношеній и формъ, но болѣе руководствоваться возвышенными, пламенными чувствами, которыя заставили бы смотрѣть на всѣ народы, соединенные для спасенія своей

Ополченецъ.

свободы, какъ на братьевъ, поспѣшающихъ въ случаѣ нужды помогать другъ другу, имѣя въ виду одну цѣль — общее спасеніе».

По возвращеніи въ Петербургъ Александръ скоро убѣдился въ томъ, что его воззваніе къ народу имѣло чрезвычайный успѣхъ. Всюду выставляли людей для ополченія; отовсюду несли деньги; отставные старики просились на службу; юноши самовольно уходили изъ отцовскихъ домовъ, спѣша стать въ ряды войскъ; купцы, мѣщане, ремесленники записывались въ полки и въ ополченіе; богатые помѣщики на свой счетъ вер-

бовали отдѣльные полки; частные люди отдавали какое у нихъ было оружіе. Забыты были различія вѣры, сословій и національностей. Калмыки и башкиры составляли дружины, сибирскіе тунгузы и крымскіе татары сами вызывались на службу; евреи, греки, армяне, грузины—всѣ молились о побѣдѣ русскаго царя и жертвовали деньги... Отворенныя церкви съ утра до вечера были наполнены народомъ. Преступники, сосланные въ Сибирь, люди, отвергнутые обществомъ, приносили свою лепту отечеству. Въ Финляндіи, которая только что была присоединена къ Россіи, жители набирали отряды. Съ Урала и Буга шли полки казаковъ. Донъ поднялся весь; остались дома только старики да подростки. Народное ополченіе формировалось быстро, и число ополченцевъ скоро дошло до 208 тыс. человѣкъ.

Но этихъ силъ все же было недостаточно для борьбы съ Наполеономъ; необходимо было на всякій случай держать наготовѣ резервы, изъ которыхъ пополнялась бы убыль солдатъ въ арміи. Съ этою цѣлью Александръ I назначилъ новый рекрутскій наборъ, по одному человѣку съ 50 душъ. Чичагову, командовавшему дунайской арміей, велѣно было итти на Волынь и соединиться съ 3-й арміей Тормасова.

Приготовляя силы противъ врага, обрадованный успѣхами Виттенштейна и удачными отраженіями нападеній французскаго авангарда на 1-ю армію, Александръ I съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій о наступательномъ движеніи, которое, по его мнѣнію, теперь могли бы предпринять обѣ арміи, соединившіеся подъ Смоленскомъ.

Всѣ приготовленія, которыя производились теперь въ Россіи для послѣдней борьбы съ Нполеономъ, производили впечатлѣніе чего-то грандіознаго, небывалаго въ исторіи, и на Западѣ находились уже люди, предсказывавшіе гибель Наполеона. Близкій сосѣдъ и другъ Александра I наслѣдный шведскій принцъ Бернадотъ, внимательно наблюдавшій за всѣмъ, что происходило въ Россіи и прекрасно знавшій и Наполеона, и Францію, и французскую армію, писалъ Александру: «Дайте Наполеону растрепаться, и вы увидите, что черезъ мѣсяцъ онъ совершенно спутается». И онъ въ слѣдующихъ словахъ пред-

сказывалъ Наполеону его судьбу: «До Витебска Наполеонъ еще держится стройно, въ Смоленскѣ растеряется, въ Москвѣ погибнетъ. Витгенштейнъ съ Двины, Тормасовъ съ Волыни пойдутъ на Варшаву; Шварценбергъ драться не станетъ, и Наполеонъ будетъ отрѣзанъ отъ Европы. Пусть идетъ впередъ! Въ каждой битвѣ онъ все ставитъ на карту: проиграетъ одну и все потеряетъ. Люди служатъ ему, пока онъ счастливъ, но при бѣдствіи все возстанетъ на него и французскій Сенатъ его уничтожитъ».

Бернадотъ.

Но какъ самъ Наполеонъ относился къ своему положенію?

Уже вскорѣ послѣ вступленія въ предѣлы Россіи стали обнаруживаться грозные призраки грядущей бѣды, которые, казалось, должны были бы отрезвить мечтателя, обративъ на себя вниманіе его практическаго ума. Очарованіе перехода за Нѣманъ скоро исчезло среди его войска, когда оно вступило въ негостепріимные области Литвы, увидѣло тамошніе дремучіе лѣса, непроходимыя болота, сыпучіе пески, ничтожное по количеству и бѣдное населеніе. Всюду были истреблены запасы, удалены управленія, испорчены дороги. Къ увеличенію неудобствъ похода, начались проливные дожди, и, утопая въ

грязи, въ болотахъ, въ пескахъ, войска совершали безъ отдыхи усиленные марши, останавливались на бивуакахъ голодные, видя передъ собою впереди безконечные лѣса и пустыни, въ которыхъ начали уже дѣйствовать отряды русскихъ партизановъ. Бѣдствія голода начали уже грозить великой арміи. Обозы съ запасами и провіантомъ не могли поспѣвать за быстрымъ ея походомъ; у жителей ничего не было; всѣ запасы русской арміи были увозимы или истребляемы. Лошади падали тысячами, что гибельно отражалось на

Видѣніе Наполеона.

состояніи кавалеріи и артилеріи; люди, изнуренные, голодные, подвергались губительнымъ болѣзнямъ, когда не было ни госпиталей ни лѣкарствъ. Подъ предлогомъ фуражировокъ въ арміи стало развиваться мародерство, и тысячи бродягъ отставали отъ нея, жгли, грабили—что́ могли—у населенія, которое, озлобляясь, нещадно ихъ истребляло. По вычисленіямъ французскихъ историковъ, великая армія ко времени занятія Наполеономъ Витебска уменьшилась уже на одну треть. Дисциплина въ войскахъ расшатывалась; между начальниками, изъ которыхъ

многіе до войны были противъ похода въ Россію, начались раздоры, а нѣкоторые впадали въ уныніе. Противъ самого Наполеона иногда подымался глухой ропотъ. Бѣдствія, переживаемыя Литвою и Польшей,—которыхъ не могло ослабить устроенное Наполеономъ въ Литвѣ и Польшѣ временное правительство,—усиливали охлажденіе поляковъ къ Наполеону, начавшееся послѣ его категорическаго отказа немедленно возстановить Польшу.

Мюратъ.

При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ узналъ въ Витебскѣ всѣ подробности о мѣрахъ, принимаемыхъ для борьбы съ нимъ Александромъ. Обманывая себя и другихъ, онъ старался уменьшить преимущества противника и преувеличивать свои удачи. Презрительно говорилъ онъ о томъ, что Александръ старается возбудить своими воззваніями къ вѣрѣ и чести народной «дикое изувѣрство москвитянъ». Недостатку продовольствія старался онъ помочь приказами подвозить хлѣбъ изъ запасовъ Пруссіи; учреждалъ госпитали, возбуждалъ временное литовское правительство къ болѣе энергичной дѣятельности по

организаціи продовольственнаго дѣла. Но все это мало помогало. И въ глубинѣ души онъ начиналъ, повидимому, сознавать опасность своего положенія. Окружающіе замѣчали, что никогда раньше Наполеонъ не былъ такъ раздражителенъ, взыскателенъ, задумчивъ, бранчливъ и придирчивъ, какъ въ это время.

Въ Витебскѣ въ первый разъ явилась у Наполеона мысль остановиться и измѣнить прежній планъ.

— Здѣсь остановимся мы,—воскликнулъ онъ, входя въ свою квартиру въ Витебскѣ и сбрасывая съ себя шпагу,— надобно оглядѣться, отдохнуть, устроить Польшу. Походъ 1812 года кончился; походъ 1813 года окончитъ начатое.

Мюратъ уговаривалъ его итти впередъ, увѣряя, что русская армія будетъ разбита.

— Наше дѣло кончено, — отвѣчалъ ему Наполеонъ, — мы остаемся здѣсь... Неужели подражать глупостямъ Карла XII?..

Но спустя нѣсколько дней Наполеонъ отступилъ отъ намѣренія остаться въ Витебскѣ. Онъ рѣшилъ теперь остановиться не въ Витебскѣ, среди бѣдной, разоренной Литвы, а въ Смоленскѣ, чтобы затѣмъ оттуда, собравъ всѣ свои силы, двинуться въ Москву. Перейдя на лѣвую сторону Днѣпра, Наполеонъ повелъ великую армію къ Смоленску.

II.

Намѣреніе Барклая-де-Толли перейти въ наступленіе. Его нерѣшительность. Сраженія подъ Смоленскомъ. Подвиги генераловъ Невѣровскаго, Раевскаго и Дохтурова. Состояніе военныхъ силъ противниковъ. Наполеонъ въ Смоленскѣ. Его колебанія и бесѣда съ генераломъ Тучковымъ. Отступленіе русскихъ армій отъ Смоленска. Отношенія между Барклаемъ-де-Толли и Багратіономъ. Отношеніе арміи къ Барклаю-де-Толли. Недовольство имъ Государя. Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.

Отступленіе русской арміи отъ Витебска дѣйствовало деморализующимъ образомъ на русскія войска. Всѣ, отъ солдата до генерала, рвались къ бою, а приходилось отступать и отступать. Эти отступленія уменьшали и силы русскаго войска. «У насъ теперь въ арміи нѣтъ и 100 тысячъ,—писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Багратіонъ московскому генералъ-губерна-

тору гр. Растопчину,—а причиною тому отступленіе: усталыхъ и больныхъ много; во всѣхъ стычкахъ и сраженіяхъ мы того не потеряли, что на маршахъ». Багратіонъ настаивалъ на наступленіи. И у него были къ этому основанія. Онъ уже перевѣдался съ тремя французскими арміями, догоняя Барклай-де-Толли. «Къ великому стыду короля Вестфальскаго (Іеронима Бонопарта), маршала Давута и Понятовскаго (начальника польскихъ войскъ), какъ они ни хитрили и ни преграждали путь мнѣ, я пришелъ и проходилъ мимо ихъ носа, такъ что ихъ билъ». По словамъ Багратіона, войска Наполеона уже не

Багратіонъ.

имѣли прежняго духа и при встрѣчахъ съ ними «наши истинно бьютъ ихъ крѣпко». Наполеонъ, по его словамъ, не такъ силенъ, какъ объ этомъ говорятъ. Багратіонъ совѣтовалъ Барклаю «итти обѣими арміями по дорогѣ на Рудни, прямо въ средину непріятеля, не дать ему никакого соединенія и бить по частямъ».

Голосъ Багратіона, стараго, испытаннаго въ бояхъ солдата, былъ голосомъ всего русскаго войска, негодовавшаго на безконечныя маневрированія предъ непріятелемъ, уже ослабѣвавшимъ. «Милліонъ перемѣнъ въ минуту,—жалуется онъ въ

своихъ письмахъ,—и мы, назадъ и въ бокъ шатавшись, кромѣ мозолей на ногахъ и усталости, ничего хорошаго не пріобрѣли». Ему, какъ и всему войску, надоѣло, по его выраженію, «таскаться», уклоняясь отъ генеральнаго сраженія съ Наполеономъ изъ опасенія подвергнуться его обыкновенному пріему—обходу. Необходимо было, по его мнѣнію, «плотно попробовать непріятеля» и нанести ему рѣшительный ударъ *).

Сознаніе собственныхъ силъ, настоянія Багратіона, настроеніе войска, настроеніе народа и желаніе самого Государя

Генералъ Раевскій.

заставили Барклая склониться къ мысли о наступленіи. Но онъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Съ единогласнаго одобренія собраннаго имъ военнаго совѣта онъ началъ наступленіе на Витебскъ, но на другой же день остановился подъ вліяніемъ извѣстія о движеніи Наполеона къ Смоленску. Наполеонъ, воспользовавшись нерѣшительностью Барклая, дѣйствительно

*) Блестящую характеристику Багратіона, какъ полководца, даетъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Война и миръ». Оцѣнку этой характеристики съ военной точки зрѣнія читатель найдетъ въ разборѣ этого романа генерала Драгомирова.

началъ обходъ русской арміи. Онъ рѣшилъ обойти ее вправо—на Красный, занять оставленный безъ защиты Смоленскъ и отрѣзать русскимъ отступленіе по Московской дорогѣ.

Къ счастію, въ этомъ планѣ онъ потерпѣлъ неудачу. Виновниками этой неудачи явились три русскихъ героя—генералы Невѣровскій, Раевскій и Дохтуровъ. Прежде всего громадныя силы французовъ, числомъ до 190 тысячъ, нахлынувшія въ половинѣ августа на Красный встрѣтили неожиданный отпоръ со стороны небольшого, 8-ми тысячнаго отряда генерала Невѣровскаго, поразившій самихъ непріятелей. Свернувъ свой отрядъ въ «каре», Невѣровскій совершилъ рѣдкое въ военной исторіи отступленіе на разстояніи 23 верстъ, по ровной открытой мѣстности, отбивъ болѣе 40 атакъ Мюрата, командовавшаго французскимъ авангардомъ. Потерявъ 5 пушекъ и 1500 солдатъ, онъ добрался кое-какъ до Смоленска и соединился здѣсь съ отрядомъ Раевскаго, спѣшившаго, по порученію Багратіона, къ нему на помощь. Подвигъ Невѣровскаго уничтожилъ планъ Наполеона захватить врасплохъ Смоленскъ. Раевскій, начальствовавшій 16-ти тысячнымъ соединеннымъ отрядомъ, засѣлъ въ Смоленскѣ и отбивался отъ многочисленнаго непріятеля, въ то время какъ русскія арміи, начавшія было наступленіе на Витебскъ, находились отъ Смоленска одна въ 40, другая въ 30-ти верстахъ. Ему удалось удержать городъ до прихода обѣихъ армій. Этому помогли тѣ стѣны и укрѣпленія, которыми окруженъ былъ Смоленскъ еще во время Бориса Годунова и которыя въ 1612 году защищали его отъ польскаго короля Сигизмунда.

Какъ только подошли къ Смоленску войска Барклая и Багратіона, Наполеонъ прекратилъ бомбардировку и штурмы Смоленска въ ожиданіи генеральнаго сраженія въ открытомъ полѣ. Но это ожиданіе не оправдалось. Къ своему удивленію, онъ узналъ на другой день объ отступленіи русскихъ армій по Московской дорогѣ. Барклай-де-Толли побоялся рискнуть подъ Смоленскомъ и рѣшилъ искать болѣе удобныхъ позицій для генеральнаго сраженія между Смоленскомъ и Москвою. Чтобы обезпечить себѣ отступленіе, онъ оставилъ въ Смоленскѣ корпусъ одного изъ лучшихъ генераловъ русской арміи Дохтурова.

Наполеону теперь было необходимо во что бы то ни стало взять Смоленскъ. И Смолеснскъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, былъ взятъ, при чемъ русскихъ погибло до 6-ти тысячъ, а французовъ до 12-ти тысячъ. Штурмъ Смоленска очевидцы называютъ «самымъ кровавымъ дѣломъ», какое когда-либо они видѣли. Наполеону достались дымящіяся развалины города.

Гибель Смоленска, одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, была полною неожиданностью для русскаго народа и окончательно рѣшила судьбу Барклая-де-Толли, какъ главнокомандующаго двумя арміями. Теперь многіе готовы были смо-

Сраженіе при Красномъ.

трѣть на этого честнаго и преданнаго Россіи человѣка, какъ на измѣнника, дѣйствовавшаго по указаніямъ Наполеона. Гибель Смоленска и всеобщее негодованіе были тѣмъ страшнѣе, что жители этого города передъ этимъ были увѣрены въ полной безопасности и почти всѣ, числомъ до 15 тысячъ, остались въ городѣ. Барклай-де-Толли послѣ соединенія обѣихъ армій имѣлъ неосторожность даже офиціально увѣрять Смоленскаго губернатора въ полной безопасности Смоленска. А въ результатѣ — тысячи жителей, имѣвшіе возможность во-время спастись, погибли, тысячи бѣжали за отступавшими войсками, лишенные крова и пропитанія...

Наполеонъ занялъ разореный и сожженный Смоленскъ. Мрачный и унылый въѣзжалъ онъ въ городъ среди дымившихся, покрытыхъ множествомъ труповъ, развалинъ,—въ первый на его пути старинный русскій городъ. Было что-то зловѣщее для него въ этомъ событіи. Но, какъ всегда, онъ старался увѣрить себя и окружающихъ въ томъ, что дѣла идутъ отлично.

— Какой стыдъ,—говорилъ онъ,—безъ защиты отдать ключъ Россіи! Они погубятъ свою армію и развѣ выгонятъ мужиковъ на драку!.. Они бѣгутъ—стало быть, разбиты!

Четыре дня оставался онъ въ Смоленскѣ. Повидимому, его тревожилъ вопросъ: итти ли дальше или оставаться здѣсь? Большинство маршаловъ совѣтовали зимовать въ Смоленскѣ. Но Наполеонъ, послѣ нѣкотораго колебанія, упрямо сталъ настаивать на дальнѣйшемъ движеніи:

— Надо итти въ Москву,—говорилъ онъ,—здѣсь останавливаться нельзя. Еще одинъ сильный ударъ—и все будетъ кончено!

Ему напомнили о разстройствѣ великой арміи:

— Да,—отвѣчалъ онъ,—я знаю, что состояніе моей арміи ужасно; уже съ Вильны половина ея разстроилась; теперь—въ безпорядкѣ двѣ трети, а потому то и нельзя терять времени: надо вырвать миръ, а онъ—въ Москвѣ! Армія наша такова, что останавливаться при ея составѣ и разстройствѣ гибельно. Только движеніе впередъ спасетъ ее.

Но въ то же время онъ начиналъ колебаться. Онъ начиналъ понимать, что справиться съ Россіей не такъ легко, какъ ему казалось раньше, и у него явилась уже мысль прекратить эту борьбу, не предвѣщавшую успѣшнаго исхода. Готовность его къ миру ясно выразилась при его свиданіи съ захваченнымъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ генераломъ Тучковымъ.

— Вы, господа, хотѣли войны, а не я,—говорилъ онъ Тучкову,—у васъ говорятъ, что я—зачинщикъ ея; но это неправда: вы меня къ ней принудили... Императора вашего я люблю. Онъ мнѣ другъ, несмотря на войну. Война ничего не значитъ; государственныя выгоды могутъ разрознить и родныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ и будетъ моимъ другомъ.

Затѣмъ онъ просилъ Тучкова довести до свѣдѣнія государя,

что онъ «ничего не желаетъ болѣе, какъ прекратить миромъ военныя дѣйствія». Но при этомъ онъ желалъ оставить за собой право диктовать условія мира.

— Русскіе мнѣ не враги,—говорилъ онъ.—Вы хотите имѣть кофе и сахаръ (намекъ на континентальную блокаду); вы будете имѣть ихъ. Но если у васъ думаютъ, что меня легко разбить, то я предлагаю: пусть изъ генераловъ вашихъ тѣ, которые пользуются наибольшимъ довѣріемъ, составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на вашей сторонѣ больше шансовъ на успѣхъ, то пусть назначатъ, гдѣ и когда имъ угодно драться; если же они найдутъ, что всѣ выгоды на моей сторонѣ, какъ это и есть въ дѣйствительности, то къ чему намъ по пустому проливать кровь? Не лучше ли вести переговоры до потери сраженія, нежели послѣ?

Въ концѣ бесѣды онъ высказалъ полную увѣренность въ томъ, что онъ займетъ Москву и что тогда русскіе сами будутъ принуждены просить мира.

Содержаніе бесѣды Наполеона съ Тучковымъ было доложено Александру I; но отвѣта не послѣдовало. Вѣроятно, изъ этой бесѣды Наполеона съ плѣннымъ русскимъ генераломъ Александръ I окончательно убѣдился, что самъ Наполеонъ въ глубинѣ души не вѣритъ въ успѣхъ своего предпріятія...

Русскія войска отступали отъ Смоленска по Московской дорогѣ. Колебанія Наполеона были непродолжительны. Онъ выступилъ изъ Смоленска и двинулся вслѣдъ за русскими войсками. Теперь его армія состояла изъ 150 тыс. человѣкъ. Количество русской арміи, вмѣстѣ съ казаками Платова, нѣсколько превышало 100 тыс. Такимъ образомъ силы обѣихъ сторонъ мало-помалу приходили въ равновѣсіе, которое могло быть значительно нарушено лишь въ рѣшительномъ сраженіи.

За русскими было громадное преимущество: они находились въ свой странѣ, защищали свою родину, шли по мѣстностямъ, гдѣ было заготовлено все необходимое для войскъ. Но при всемъ томъ было два обстоятельства, вредно отзывавшихся на состояніи русскихъ войскъ: недовольство арміи своимъ главнокомандующимъ и безконечными отступленіями и разладъ между

главными начальниками. Этотъ разладъ обнаружился прежде всего въ отношеніяхъ между Барклаемъ и Багратіономъ. Затѣмъ отсюда раздоры проникли и въ среду начальниковъ второстепенныхъ.

При самомъ соединеніи обѣихъ армій подъ Смоленскомъ возникъ вопросъ о томъ, кому должно принадлежать главное начальство надъ соединенными войсками: Барклаю-де-Толли, сохранявшему званіе военнаго министра, или Багратіону, который чиномъ былъ старше Барклая? Высочайшаго распоряженія на этотъ счетъ не было. Багратіонъ самъ добровольно подчинился Барклаю, который до войны 1812 года и до назначенія въ министры не разъ бывалъ подъ его начальствомъ. Государь, получивъ отъ обоихъ генераловъ донесенія, въ которыхъ они, воздавая другъ другу похвалы, сообщали о состоявшемся между ними соглашеніи, былъ очень доволенъ ихъ единодушіемъ и въ своихъ письмахъ къ нимъ выражалъ полную увѣренность, что никто изъ нихъ не станетъ руководствоваться личными побужденіями и что оба они и впредь будутъ дѣйствовать единодушно. Но, признавъ надъ собою власть Барклая, Багратіонъ не могъ съ этимъ примириться. Спустя нѣсколько дней послѣ соединенія обѣихъ армій онъ уже писалъ въ Москву графу Растопчину: «Я никакой власти не имѣю надъ министромъ, хотя я и старше его. Богъ его вѣдаетъ, что онъ изъ насъ хочетъ сдѣлать: малліонъ перемѣнъ въ минуту»... Онъ высказываетъ даже подозрѣніе, что Барклай—измѣнникъ. «Наполеонъ,—пишетъ онъ Растопчину,—лучше знаетъ всѣ наши движенія, нежели мы сами, и, мнѣ кажется, по его приказанію мы и отступаемъ и наступаемъ. Армія наша въ такомъ духѣ, что желаетъ наступать. Но вождь нашъ,—по всѣмъ его поступкамъ съ нами видно, — не имѣетъ вожделѣннаго разсудка, или же лисица». Причиной такого крайне враждебнаго и несправедливаго отношенія Багратіона къ Барклаю было не одно обиженное честолюбіе: онъ былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости генеральнаго сраженія и былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ Наполеономъ; его возмущала нерѣшительность Барклая, вредно отзывавшаяся на нравственномъ состояніи русскихъ войскъ. Послѣ отступленія отъ Смоленска онъ снова пи-

шетъ Растопчину, и его письмо является форменнымъ доносомъ на главнокомандующаго. Онъ проситъ Растопчина доложить Государю, что его личное присутствіе необходимо въ арміи. «Барклай,—пишетъ онъ,—приведетъ къ вамъ гостей». И тутъ же говоритъ о себѣ, что ему въ арміи «нечего дѣлать», что вс яармія видитъ его труды, а онъ долженъ подчиняться «чухонцу»... Между прочимъ Багратіонъ настаиваетъ на необходимости дать передъ Москвой Наполеону генеральное сраженіе. «Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—иного способа нѣтъ, какъ, не доходя два марша до Москвы, всѣмъ народомъ собраться и что войска успѣетъ, съ холоднымъ оружіемъ, пиками, саблями и что попало, соединиться съ нами и навалиться на нихъ (т.-е. на французскія войска), а если станемъ отступать, точно къ вамъ непріятель поспѣшитъ». Обращался съ своими жалобами Багратіонъ и къ Аракчееву, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ рисуя гибельныя послѣдствія отступленія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему онъ просилъ даже убрать его изъ арміи: такъ тяжело было ему, старому солдату, привыкшему къ успѣхамъ русскаго оружія, оставаться подъ начальствомъ нерѣшительнаго Барклая и присутствовать при униженіи русской арміи.

Барклай-де-Толли, съ своей стороны, обвинялъ Багратіона, который, по его мнѣнію, долженъ былъ болѣе рѣшительно отвлечь часть наполеоновскихъ войскъ, направленныхъ на 1-ю армію, отъ дѣйствій противъ 2-й арміи.

На нерѣшительность Барклая поступали жалобы не отъ одного Багратіона. Набралось много и официальныхъ донесеній и частныхъ писемъ, протестовавшихъ противъ его образа дѣйствій. Для разслѣдованія всего этого матеріала Александръ I учредилъ особый комитетъ, который единогласно призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями единой положительной власти». Поэтому комитетъ нашелъ необходимымъ назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго.

Главными кандидатами на этотъ высокій постъ, изъ старшихъ генераловъ дѣйствующихъ армій, являлись Беннигсенъ,

Багратіонъ и Тормасовъ. Но подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія выборъ комитета остановился на Кутузовѣ, который въ это время усердно занимался формированіемъ петербургскаго ополченія.

Императоръ Александръ I, недовольный Кутузовымъ за то, что при заключеніи мира съ Турціей ему не удалось привлечь Порту къ заключенію съ Россіей наступательнаго и оборонительнаго союза, теперь, подъ вліяніемъ обнаружившихся всеобщихъ симпатій къ этому екатерининскому герою, ученику Суворова, охотно согласился утвердить выборъ Комитета и пе-

Кутузовъ.

редъ назначеніемъ его главнокомандующимъ дѣйствующихъ армій возвелъ даже его въ княжеское достоинство.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ было встрѣчено и въ обществѣ, и въ народѣ, и въ войскахъ съ восторгомъ, и восторгъ этотъ былъ вызванъ не только тѣмъ, что съ его именемъ соединялись воспоминанія объ успѣхахъ русскаго оружія, но и тѣмъ, что онъ былъ р у с с к і й. Общему начальствованію Кутузова были подчинены всѣ четыре арміи, при чемъ командованіе этими арміями было попрежнему оставлено въ рукахъ Барклая, Багратіона, Тормасова и Чичагова. При назна-

ченіи Кутузова главнокомандующимъ Государь выразилъ два желанія: 1) чтобы были приняты рѣшительныя дѣйствія противъ Наполеона и 2) чтобы Кутузовъ ни въ какіе переговоры съ нимъ не вступалъ.

Самъ Кутузовъ, повидимому, внимательно слѣдилъ за событіями, заранѣе будучи увѣренъ въ своемъ назначеніи главнокомандующимъ. Онъ, какъ говорится, все время, съ самаго начала войны, былъ въ курсѣ дѣла. Повидимому, еще до вступленія въ роль главнокомандующаго онъ ясно представлялъ себѣ и соотношеніе воюющихъ сторонъ и ту систему дѣйствій, которой необходимо было держаться для успѣшнаго окончанія борьбы съ Наполеономъ. Всегда уклончивый и не любившій отдровенно высказывать свои планы и намѣренія, онъ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ армію проговорился въ одной частной бесѣдѣ. На довольно нескромный вопросъ одного изъ своихъ родственниковъ.

— Неужели, дядюшка, вы надѣетесь разбить Наполеона? онъ, подумавши отвѣтилъ:

Разбить?.. Нѣтъ... А обмануть надѣюсь...

III.

Впечатлѣніе, произведенное потерею Смоленска. Начало народной войны. Намѣренія русскихъ полководцевъ послѣ оставленія Смоленска. Позиція при Царево-Займищѣ. Прибытіе въ армію Кутузова. Первыя впечатленія отъ встрѣчи главнокомндующаго и войскъ. Отступленіе къ Бородину и его причины.

Потеря Смоленска произвела на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. «Публика здѣшняя,—писалъ гр. Растопчинъ въ Петербургъ,—ропщетъ на Барклая; народъ не на него, а на солдатъ надѣется, что сіи львы удержатъ стремленіе злодѣя». Всѣ были убѣждены, что русскія войска, если бы не отступили, одержали бы блестящую побѣду подъ Смоленскомъ. Теперь, благодаря этому отступленію, среди русскихъ войскъ начинали уже проявляться признаки нѣкотораго упадка дисциплины; недовольство солдатъ и офицеровъ и раздоры между начальниками усилились. Разореніе отечества непріятелемъ, стыдъ отступленія предъ нимъ производили уныніе и глухой

ропотъ, и все это обрушивалось на Барклая-де-Толи: его обвиняли въ незнаніи воинскаго дѣла, въ непростительной робости и даже въ измѣнѣ. Солдаты встрѣчали его холодно; Багратіонъ не скрывалъ своего пренебреженія къ нему; цесаревичъ Константинъ Павловичъ, недовольный его дѣйствіями, оставилъ

Великій Князь Константинъ Павловичъ.

армію; вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и Беннигсенъ, считавшій себя единственнымъ человѣкомъ, подходящимъ для роли главнокомандующаго.

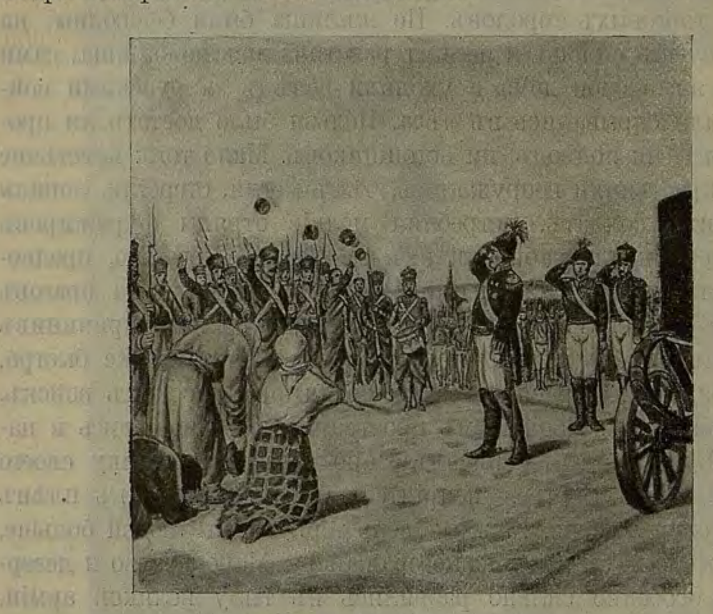
Но если таково было состояніе русской арміи, то въ гораздо худшемъ положеніи была великая армія Наполеона. Она съ

каждымъ днемъ таяла вслѣдствіе сраженій и сильно развившагося мародерства, при прогрессивно увеличивавшемся упадкѣ дисциплины. Въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ Наполеонъ потерялъ болѣе 20 тыс. человѣкъ, не считая взятыхъ въ плѣнъ. А далѣе за Смоленскомъ французскимъ войскамъ пришлось вести борьбу не только съ отрядами русскихъ войскъ, но и съ самимъ народомъ. Поднимался народъ... Теперь дикіе лѣса и сыпучіе пески смѣнились прелестью рощъ, луговъ, жатвъ, опрятныхъ селеній торговыхъ городовъ. Но жилища были безлюдны; на мѣстѣ селеній сплошь и рядомъ разстилались пожарища; сами хозяева жгли свои дома и уходили вслѣдъ за русскими войсками, или скрывались въ лѣса. Нельзя было достать ни проводниковъ, ни подводъ, ни погонщиковъ. Мало того: крестьяне и даже крестьянки вооружались, чѣмъ могли, стерегли, ловили отставшихъ солдатъ, истребляя мелкіе отряды фуражировъ и мародеровъ или забирали ихъ въ плѣнъ. Нерѣдко, предводимые стариками и священниками, они наводили на враговъ казацкіе отряды, которые внезапнымъ нападеніемъ причинивъ чувствительный уронъ непріятелю, исчезали такъ же быстро, какъ появлялись, распространяя среди французскихъ войскъ, растянувшихся на большомъ пространствѣ, безпорядокъ и панику. «Каждый день,—писалъ Наполеонъ начальнику своего главнаго штаба Бертье,—непріятель беретъ у насъ въ плѣнъ многія сотни людей... Каждый день теряемъ мы людей больше, чѣмъ потеряли бы, ежедневно сражаясь». Мародерство и дезертирство особенно сильно развились въ тылу великой арміи. Общее число мародеровъ и дезертировъ, по вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, простиралось до 50 тыс. человѣкъ. Часто случалось, что цѣлыя части войскъ, въ полномъ составѣ, уклонялись въ сторону отъ общаго движенія арміи для грабежей.

Мародерство, принявшее такіе широкіе размѣры, ослабляло великую армію; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно причиняло неисчислимый вредъ и мѣстностямъ, по которымъ двигалась великая армія. Западныя области Россіи, занятыя непріятельскими полчищами, представляли страшную картину полнаго разоренія. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ истощены были всѣ средства къ пропитанію милліоновъ людей, росхищены богат-

ства, собранныя многими поколѣніями, уничтожены фабрики и заводы, истреблены произведенiями искусства, науки и промышленности. Все это было принесено въ жертву, не обезпечивъ однако средствъ, необходимыхъ для содержанія великой арміи.

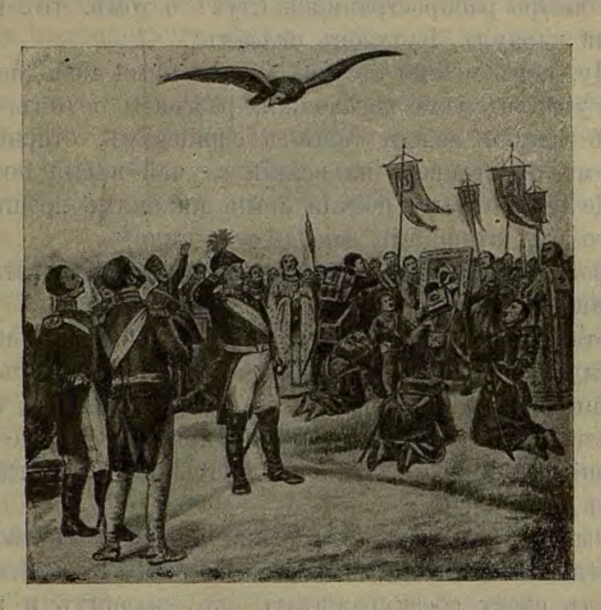
А въ то время, когда подымалось противъ непріятеля населеніе тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ, отъ Москвы подвигались для соединенія съ русскими войсками наскоро собираемые полки ополченія...

Прибытіе Кутузова къ арміи.

Всѣ эти обстоятельства требовали рѣшительныхъ дѣйствія со стороны нашихъ главнокомандующихъ. Ихъ цѣлью при отступленіи отъ Смоленска было отысканіе позиціи, удобной для генеральнаго оборонительнаго сраженія. «Всѣ причины, — писалъ 10 августа Барклай-де-Толли гр. Растопчину, — доселѣ препятствовавшія дать сраженіе, нынѣ уничтожаются. Непріятель слишкомъ близокъ къ сердцу Россіи»... Онъ просилъ Растопчина собрать подъ Москвою насколько возможно больше ополченій, чтобы поддержать армію, которая въ предстоящемъ сраженіи безусловно понесетъ тяжкія потери.

Вначалѣ для предполагаемаго сраженія была избрана позиція при Умольѣ, близъ Дорогобужа. Но не успѣли укрѣпить ее, какъ узнали, что Наполеонъ идетъ въ обходъ. Пришлось продолжать отступленіе. Барклай, не имѣя еще достаточныхъ резервовъ около этой позиціи, побоялся рискнуть вступить въ сраженіе только съ двумя арміями, составлявшими пока единственную надежную силу Россіи. Новая позиція была найдена за Вязьмой, у селенія Царева-Займища, и здѣсь Барклай думалъ остановиться. Но теперь ему никто не вѣрилъ, и общее

нерасположеніе къ нему дошло до высшей степени напряженія. 17-го августа онъ донесъ Государю изъ Царева-Займища, что «сталъ въ позиціи и рѣшилъ ожидать атаки непріятельской», еще не зная о томъ, что участь его, какъ главнокомандующаго двумя арміями рѣшена, хотя слухи о назначеніи новаго главнокомандующаго уже ходили въ войскахъ. Въ тотъ же день прибылъ въ Царево-Займище Кутузовъ. Вмѣстѣ съ нимъ вернулся и Беннигсенъ, назначенный начальникомъ штаба соединенныхъ западныхъ армій.

Прибытіе русскаго главнокомандующаго, стараго служаки великой императрицы и ученика Суворова, сразу подняло духъ арміи. Войска на смотру встрѣтили новаго вождя, знакомаго всѣмъ по своимъ подвигамъ, дружнымъ «Ура». «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ» весело шутили ободрившіеся солдаты. Все оживилось въ арміи. Говорили, что при появленіи Кутузова передъ войсками надъ его головою парилъ орелъ, при видѣ котораго старый вождь обнажилъ свою сѣдую голову. Это казалось всѣмъ предзнаменованіемъ побѣды. Среди войскъ быстро распространился слухъ о томъ, что, принимая почетный караулъ, Кутузовъ сказалъ:

— Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!

Изъ устъ въ уста переходили разсказы о томъ, какъ въ Гжатскѣ старый вождь сказалъ офицерамъ, отправленнымъ Барклаемъ осматривать на всякій случай новыя позиціи:

— Не нужно намъ позади армій никакихъ позицій; мы и безъ того уже слишкомъ далеко отступили.

Къ войскамъ явился вождь, умѣвшій дѣйствовать на ихъ настроеніе...

Но эта всеобщая радость при мысли о генеральномъ сраженіи была непродолжительна. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ позицію, Кутузовъ нашелъ ее весьма выгодною, выразилъ рѣшимость принять на ней сраженіе, приказалъ даже ускорить сооруженіе укрѣпленій. Но... на другой же день отдалъ приказъ объ отступленіи.

Кутузовъ не любилъ откровенно высказывать свои планы и впечатлѣнія. Въ моментъ своего прибытія къ войскамъ онъ не хотѣлъ сразу обезкураживать окружающихъ и нарушать создавшееся среди войскъ бодрое настроеніе. Причины же, принудившія его къ отступленію, были весьма серьезны, позиція въ сущности была далеко не такъ удобна, какъ это казалось Барклаю, котораго, повидимому, онъ не желалъ обидѣть; но главное — на сторонѣ непріятеля все еще было значительное преимущество въ количествѣ войска. Необходимо было до генеральнаго сраженія нѣсколько уравновѣсить силы присоединеніемъ къ арміи выступившихъ уже изъ Москвы ополченій.

Войска послушно послѣдовали за своимъ вождемъ по мо-

сковской дорогѣ. Того ропота, который раньше раздавался по адресу Барклая, теперь не было, ибо въ войскахъ господствовало полное довѣріе къ русскому вождю. Но среди главныхъ начальниковъ нашлись люди, для которыхъ приказъ Кутузова объ отступленіи явился поводомъ къ проявленію недовольства, вызваннаго въ сущности завистью честолюбія. Самъ Барклай-де-Толли,—отставленный, между прочимъ, и отъ должности военнаго министра, но сохранившій командованіе 2-ю арміей,—человѣкъ безупречный во всѣхъ отношеніяхъ и глубоко преданный Россіи и ея государю, оказавшій великую услугу отечеству сохраненіемъ арміи, покорился своей участи безропотно. Но очень сильно былъ раздраженъ какъ назначеніемъ Кутузова, такъ и его приказомъ объ отступленіи храбрый и не менѣе Барклая преданный Россіи, но очень честолюбивый Багратіонъ. «Слава Богу, — писалъ онъ Растопчину, — довольно пріятно тѣшатъ меня за мою службу и единодушіе: изъ поповъ да въ дьяконы попался. Хорошъ и сей гусь, который названъ и княземъ и вождемъ! Если особеннаго повелѣнія онъ не имѣетъ, чтобы наступать, я васъ увѣряю, что тоже приведетъ къ вамъ Наполеона, какъ и Барклай». Недоволенъ былъ новымъ главнокомандующимъ и Беннигсенъ, хотя онъ и не высказывался съ такою откровенностью, какъ Багратіонъ.

Недоволенъ былъ отступленіемъ русскихъ войскъ и Наполеонъ. Находясь на разстояніи одного перехода отъ позицій, занятыхъ русскими войсками, онъ радовался, узнавъ, что новый русскій полководецъ желаетъ принять генеральное сраженіе. Онъ сдѣлалъ уже всѣ распоряженія къ этому сраженію. «Скоро будетъ битва, — говорилъ онъ своей гвардіи, — и съ нею новые лавры: побѣда несомнѣнна!» Неожиданное извѣстіе объ отступленіи русскихъ его обезкуражило: дѣло опять затягивалось.

IV.

Отступленіе русскихъ войскъ къ Бородину. Численность русскихъ и французскихъ войскъ. Бородинское сраженіе. Кто одержалъ побѣду? Отступленіе русскихъ войскъ къ Москвѣ. Москва и графъ Растопчинъ. Совѣтъ въ Филяхъ. Вступленіе Наполеона въ Москву.

Передъ самымъ отступленіемъ отъ Царева-Займища русскія войска усилились присоединеніемъ къ нимъ 15-тысячнаго

отряда генерала Милорадовича. Спустя два-три дня подошли и два ополченія, Московское и Смоленское, всего 10,000 человѣкъ. Такъ какъ остальныя наши подкрѣпленія находились еще очень далеко отъ главныхъ силъ, то Кутузовъ, подойдя къ с. Бородину, рѣшилъ здѣсь остановиться и принять сраженіе. Позиція при Бородинѣ была избрана потому, что другой, лучшей, уже не было до самой Москвы, до которой теперь оставалось всего только сто верстъ.

Милорадовичъ.

Вскорѣ подошла и великая армія Наполеона. И теперь количественно соотношеніе силъ было не въ пользу русскихъ. Русскихъ войскъ, вмѣстѣ съ ополченіемъ, было теперь немного болѣе 120 тысячъ человѣкъ, а за исключеніемъ иррегулярныхъ войскъ,—почти вовсе не участвовавшихъ въ сраженіи,— и ополченія, большею частью вооруженнаго только пиками, мы имѣли около 104 тысячъ; изъ нихъ 15 тыс.—наскоро обученныхъ рекрутъ, никогда еще не бывшихъ въ огнѣ. Наполеоновская армія, числомъ около 140 тысячъ, состояла вся изъ старыхъ солдатъ, закаленныхъ въ бояхъ и всякихъ лишеніяхъ.

походной жизни. Всѣ воинскія части великой арміи, состоявшія изъ новобранцевъ, остались въ занятыхъ Наполеономъ городахъ. Нѣкоторое преимущество русскихъ войскъ заключалось въ томъ, что наша артиллерія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ непріятельской, не только по числу орудій (640 противъ 587), но и по ихъ калибру, да въ кавалеріи русской лошади были лучше французскихъ, истощенныхъ отъ недостатка въ фуражѣ. Но, конечно, главное преимущество русскихъ войскъ заключалось въ томъ, что позади ихъ, въ ста верстахъ, была Москва,—сердце ихъ родины,—для спасенія ко-

Кн. Кутузовъ со своимъ штабомъ передъ иконой Смоленской Божіей Матери.

торой каждый солдатъ, отъ простого рядового до главнокомандующаго, готовился пожертвовать жизнью.

Весь день 25 августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою.

Кутузовъ велѣлъ пронести по всей линіи расположенія нашихъ войскъ Чудотворную икону Божіей Матери, спасенную во время занятія Смоленска французами. Руская армія въ стройныхъ рядахъ встрѣчала съ благоговѣніемъ ликъ своей Заступницы. Духовенство шло въ богатыхъ ризахъ, по време-

намъ останавливаясь и совершая молебствія; кадила дымились тамъ, гдѣ на слѣдующій день все должно было покрытся пороховымъ дымомъ; свѣчи теплились; св. икона медленно шествовала; тысячи благочестивыхъ воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь съ усердіемъ. Главнокомандующій, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ теченіе этого дня онъ подъѣзжалъ къ нѣкоторымъ полкамъ и говорилъ съ солдатами такъ, какъ умѣли говорить Суворовъ и Кутузовъ,—просто и душевно. Слова его быстро передавались по всей арміи и усиливали общую готовность отдать жизнь за спасеніе Москвы и Россіи. Иностранные писатели говорятъ о двойной порціи пищи и вина, розданной будто бы въ этотъ день солдатамъ по приказанію Кутузова. Дѣйствительно, благодаря усердію русскаго народа и его заботливости о своемъ солдатѣ, благодаря близости богатой и отзывчивой на все доброе Москвы, наши войска имѣли въ изобиліи все нужное. Но очевидцы говорятъ, что на обычный наканунѣ сраженія призывъ къ чаркѣ многіе изъ солдатъ отвѣчали:

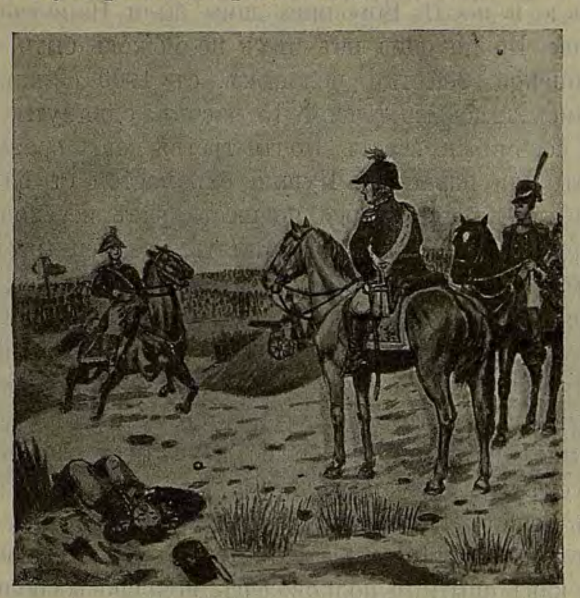
— Не къ тому готовимся; не такой завтра день...

Въ русской арміи не замѣтно было унынія. Но не было и шумнаго восторга. Предстоявшая битва, получавшая священный характеръ въ глазахъ русскаго солдата, вызывала торжественную тишину и молчаніе. Несмотря на сырость воздуха, пробиравшую до костей нашихъ солдатъ, они разводили бивачные огни нехотя.

Въ непріятельской арміи огромные костры пылали по всему пространству, занятому войсками Наполеона. Несмотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, французы были возбуждены надеждою на прекращеніе лишеній и трудовъ, которая манила ихъ такъ долго и наконецъ готова была осуществиться. Въ третьемъ часу утра Наполеонъ, послѣ короткаго отдыха, несмотря на простуду, которую чувствовалъ еще съ вечера, былъ уже на ногахъ. Когда начался восходъ солнца, онъ сказалъ собравшимся около него во множествѣ офицерамъ:

— Сегодня немножко холодно, но ясно: это—солнце Аустерлица...

Въ пять часовъ утра онъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ войскамъ, назначеннымъ для главной атаки. Ординарцы съ его приказаніями помчались во всѣ стороны. А въ войскахъ, строившихся къ бою, читался слѣдующій приказъ императора французовъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ долго ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; онъ доставитъ намъ все нужное—удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ.

Кутузовъ у деревни Горки.

Пусть потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!»

На разсвѣтѣ грянулъ первый пушечный выстрѣлъ. Это былъ выстрѣлъ съ одной изъ русскихъ баттарей, которой во мракѣ показалось, что французы начали атаку. Услышавъ гулъ перваго выстрѣла, Кутузовъ, почти всю ночь бодрствовавшій, поѣхалъ одинъ,—никого не предупредивъ въ своей главной квартирѣ, — на батарею около деревни Горки. Остановясь на воз-

вышеніи, онъ долго и внимательно обозрѣвалъ, при свѣтѣ догоравшихъ бивачныхъ огней, поле предстоящей великой битвы и войска́, строившіяся въ боевой порядокъ. У него была своя дума, которою не желалъ онъ ни съ кѣмъ дѣлиться...

Вскорѣ собрались около него и всѣ чины его штаба. Здѣсь въ Горкахъ онъ, вмѣстѣ съ Беннигсеномъ, оставался до конца сраженія.

Утромъ 26-го августа сраженіе началось. Окончилось оно въ девять часовъ вечера.

И прежде и послѣ Бородина даны были Наполеономъ великія битвы. Но ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ Бородинской. 250 тыс. человѣкъ, съ 1000 слишкомъ пушекъ, бились здѣсь въ теченіе 15 часовъ, сдвинутые на пространствѣ восьми кв. верстъ. Почти третья часть сражавшихся были убиты или изранены. Пушки отъ частой стрѣльбы разгорались и лопались; батареи по шести разъ переходили изъ рукъ въ руки и переставали стрѣлять, заваленныя трупами. Гулъ пальбы слышенъ былъ за сто верстъ. Боролись Востокъ съ Западомъ. Бился Наполеонъ за все свое прошлое, настоящее и будущее; бился русскій народъ за свою независимость. Впослѣдствіи, уже на о-вѣ св. Елены, Наполеонъ выразилъ мнѣніе, что изъ пятидесяти данныхъ имъ сраженій въ битвѣ подъ Москвою «было выказано наиболѣе доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ». На самомъ дѣлѣ и успѣха-то не было, въ чемъ, быть можетъ, виноватъ былъ и самъ Наполеонъ, не рискнувшій въ критическій моментъ ввести въ дѣло свою гвардію. Кутузовъ, какъ опытный полководецъ, искусно воспользовался его нерѣшительностью.

Вообще, надо сказать, съ Наполеономъ наканунѣ самой битвы произошло нѣчто необычайное. Онъ лишился своей обычной самоувѣренности. Если уже въ Витебскѣ и Смоленскѣ видѣли его утомленнымъ и нерѣшительнымъ, то еще болѣе окружавшіе его люди изумились, видя его вечеромъ наканунѣ Бородинской битвы. Онъ былъ неузнаваемъ: то молчаливъ, задумчивъ и мраченъ, то дѣятеленъ, говорливъ и вспыльчивъ. Настроеніе его мѣнялось быстро и осложнялось жестокимъ ознобомъ, частью отъ простуды, частью, вѣроятно, отъ сильнаго нервнаго возбужденія.

Въ самый критическій моментъ боя, во время атаки на центръ нашей арміи, когда подъ огнемъ семисотъ орудій началась отчаянная рукопашная схватка,—во время которой смертельно былъ раненъ Багратіонъ,—Наполеонъ готовился нанести рѣшительный, послѣдній ударъ и тронулъ было съ мѣста молодую гвардію. Но въ эту минуту его озадачило внезапное смятеніе, происшедшее на лѣвомъ крылѣ его арміи, вслѣдствіе атаки казаковъ и русской кавалеріи, смявшихъ италіанскіе войска вице-короля Евгенія. Гвардія была остановлена. Наполеонъ поскакалъ къ лѣвому крылу, изумленный совершенно

Сраженіе при Бородинѣ.

неожиданными для него маневрами русскихъ. Дѣло оказалось неважнымъ; но оно измѣнило судьбу битвы и было личнымъ распоряженіемъ Кутузова. Хладнокровный, безстрастный наблюдатель боя, находясь за главной русской батареей, Кутузовъ понялъ опасность рѣшительной минуты и далъ приказъ Платову и Уварову произвести кавалерійскую атаку на лѣвое крыло Наполеоновской арміи, чтобы отвлечь вниманіе Наполеона отъ центра. При личномъ появленіи Наполеона эта атака была отбита; но моментъ, въ который великая армія могла дѣйствительно имѣть полный успѣхъ, былъ упущенъ.

Въ девять часовъ вечера все смолкло на полѣ битвы. Русскія войска оставались на своихъ мѣстахъ; французскія войска отступили на тѣ позиціи, которыя занимали утромъ.

Потери обѣихъ армій были громадны: у французовъ выбыло изъ строя до 50 тысячъ человѣкъ, у русскихъ — нѣсколько болѣе. Никогда прежде не было въ одномъ сраженіи такихъ потерь и среди высшихъ военныхъ чиновъ, почему французы стали называть Бородинское сраженіе «битвою генераловъ»: французы считали убитыми и ранеными 43 генерала; у русскихъ было ранено 20 генераловъ и нѣсколько убитыхъ, въ томъ числѣ—умершій вскорѣ послѣ боя отъ раны Багратіонъ. Среди

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ, сооруженный въ память избавленія отъ французовъ.

русскихъ генераловъ, отличившихся въ Бородинскомъ сраженіи, первое мѣсто принадлежало, безспорно, Барклаю-де-Толли, который какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ, бросаясь въ самые опасные пункты боя и, видимо, ища смерти. Подъ нимъ было убито и ранено пять лошадей; изъ его адъютантовъ и офицеровъ остались въ живыхъ очень немногіе. Теперь онъ пріобрѣлъ общія симпатіи и былъ героемъ дня: войска восторженно привѣтствовали его появленіе въ самыхъ опасныхъ пунктахъ...

Кто же одержалъ побѣду въ Бородинскомъ сраженіи?

Справедливымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ: никто.

Французскія войска послѣ сраженія отошли на тѣ позиціи, на которыхъ они были утромъ. Русскіе остались на позиціяхъ, на которыхъ ихъ засталъ конецъ сраженія. Слѣдующій день могъ бы рѣшить исходъ сраженія окончательно, и Кутузовъ вечеромъ приказалъ Барклаю-де-Толли готовить войска къ возобновленію сраженія. Но ночью, узнавъ изъ личнаго доклада Дохтурова, — замѣстителя Багратіона, — о громадныхъ потеряхъ во 2-й арміи, гдѣ налицо осталось всего только

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

14 тысячъ человѣкъ, онъ отказался отъ намѣренія возобновить битву и отдалъ приказъ объ отступленіи къ Москвѣ. Подъ Москвою предполагалось дать арміи Наполеона, уже сильно ослабленной, новое сраженіе, и генералъ Беннигсенъ, — начальникъ штаба войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона, — по порученію Кутузова, намѣтилъ подходящую, по его мнѣнію, позицію на Воробьевыхъ горахъ.

На другой день послѣ битвы Кутузовъ писалъ въ своемъ докладѣ Государю: «Сраженіе было общее и продолжалось до

самой ночи; потери съ обѣихъ сторонъ велики; уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрно храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходнѣйшими своими силами». О побѣдѣ надъ французами нѣтъ въ этомъ докладѣ ни слова; если Кутузовъ и не упоминалъ о взятіи непріятелемъ Багратіоновыхъ флешей и Курган-

Ней.

наго редута, то, вѣроятно, въ виду того, что непріятель въ концѣ концовъ самъ отошелъ на прежнія свои позиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ доклада Кутузова видно, что и французы не одержали побѣды, несмотря на нѣкоторые свои успѣхи.

Впечатлѣніе же отъ доклада Кутузова получалось такое, что во всякомъ случаѣ русскія войска совершили спасительный для отечества подвигъ, что вполнѣ отвѣчало дѣйствительности. И вполнѣ естественно, что по всѣмъ русскимъ церквамъ были отслужены благодарственныя молебствія, а Кутузовъ удо-

стоился Высочайшей награды: онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Не такъ просто отнесся къ Бородинскому сраженію Наполеонъ. Онъ провозгласилъ его своею побѣдой, назвавъ главнаго героя сраженія, маршала Нея, княземъ Московскимъ (Prince de Moscowa). Бюллетень объ этой «побѣдѣ» онъ разослалъ съ курьерами по всѣмъ европейскимъ столицамъ. Во всѣхъ церквахъ своей имперіи онъ велѣлъ пѣть Te Deum «за счастливый переходъ Нѣмана, Двины, Днѣпра и за побѣды Могилевскую, Полоцкую, Смоленскую и Московскую». Распространить слухъ о побѣдѣ «подъ стѣнами Москвы» ему было необходимо изъ политическаго расчета: только при военныхъ успѣхахъ его положеніе и во Франціи и въ Европѣ могло быть прочнымъ; только побѣды поддерживали это положеніе... Но тотъ же Наполеонъ впослѣдствіи на островѣ Св. Елены откровенно говорилъ: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самымъ ужаснымъ было то, которое я далъ подъ Москвою. *Французы показали себя въ немъ достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали славу быть непобѣдимыми*». Такими словами о безспорной побѣдѣ не говорятъ.

Но во всякомъ случаѣ, если не побѣда, то успѣхъ (по результатамъ битвы) былъ на сторонѣ русскихъ: великая армія, по остроумному выраженію одного историка, «расшиблась о русскую армію».

Наиболѣе удачное сужденіе объ исходѣ Бородинской битвы мы находимъ у Л. Н. Толстого, въ его романѣ «Война и Миръ». «Не одинъ Наполеонъ,—говоритъ онъ,—испытывалъ то, похожее на сновидѣніе, чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена... Побѣда нравственная, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ

безсиліи, была одержана русскими подъ Бородиномъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же, какъ и не могло отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ раны. Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой Смоленской дорогѣ, погибель пятисот-

Москва въ к. XVIII и н. XIX в. Внутри Кремля.

тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородиномъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника».

А вотъ какъ отзывается объ этой битвѣ въ своихъ мемуарахъ очевидецъ-французъ, одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, графъ Сегюръ: «Французскіе солдаты были поражены такимъ большимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ и такимъ незначительнымъ числомъ плѣнныхъ, которыхъ было менѣе 800! Обыкновенно по числу этихъ послѣднихъ и опредѣляется успѣхъ. Убитые говорили скорѣе о храбрости побѣжденныхъ,

чѣмъ о нашей побѣдѣ. Если уцѣлѣвшій непріятель отступилъ въ такомъ блестящемъ порядкѣ, гордымъ и не теряющимъ мужества, что значило для насъ пріобрѣтеніе какого-то поля битвы? Развѣ русскіе въ такой обширной странѣ не найдутъ мѣста для битвы?» Результатъ битвы былъ непріятенъ Наполеону: «Осматривая поле битвы — говоритъ Сегюръ, — императоръ напрасно пытался найти себѣ успокоеніе, приказывая пересчитать оставшихся плѣнныхъ и подобрать кое-какія сломанныя пушки: семьсотъ или восемьсотъ плѣнныхъ и около двухъ десятковъ разбитыхъ орудій были единственными трофеями этой *безрезультатной побѣды»* *).

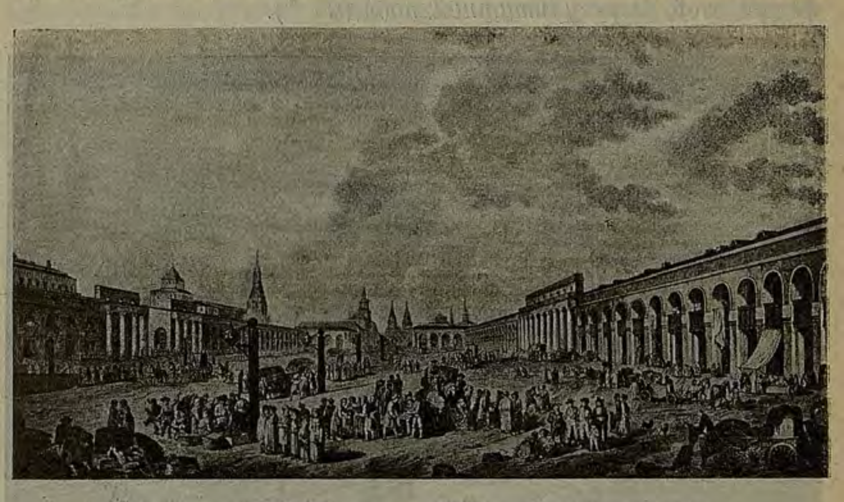

Москва въ к. XVIII в. и н. XIX в. Моховая и домъ Пашкова.

Послѣ доклада Дохтурова о громадныхъ потеряхъ во 2-й арміи, Кутузовъ, какъ мы видѣли, отдалъ приказъ объ отступленіи. Отступленіе было необходимо не только вслѣдствіе страшной убыли въ войскахъ, но также и для сближенія съ подкрѣпленіями, формировавшимися за Москвою. Оно представлялось выгоднымъ и потому, что Наполеонъ, слѣдуя за русскими войсками, день ото дня ослабѣвалъ

*) Сегюръ.—«Походъ въ Москву», стр. 42—43.

въ силахъ. Мысль о томъ, что придется оставить французамъ Москву уже въ это время была у Кутузова, хотя онъ ее никому и не высказывалъ. Ему ничего не оставалось болѣе, какъ пожертвовать столицей, чтобы сохранить армію, отъ которой зависѣла судьба Россіи. Рисковать арміей было, съ его точки зрѣнія, безуміемъ. Рѣшивъ отступать по Московской дорогѣ, онъ дѣйствовалъ по внушенію благоразумія. Но, опасаясь, чтобы дальнѣйшее отступленіе арміи и предстоящая потеря Москвы не оказали вреднаго вліянія на духъ народа, онъ старался скрывать свои планы до послѣдней

Москва въ к. XVIII в. и н. XIX в. Красная площадь.

минуты, выражая готовность подъ Москвою снова принять сраженіе. О своихъ планахъ онъ уклончиво писалъ въ своемъ докладѣ о Бородинскомъ сраженіи и Государю: «Я взялъ намѣреніе отступить 10 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и, собравъ разстроенныя баталіей войска, освѣживъ мою артиллерію и укрѣпивъ себя московскимъ ополченіемъ, увижу я, что можно будетъ предпринять противъ непріятеля». А одному изъ близкихъ лицъ онъ сказалъ:

— Если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу.

Приказъ объ отступленіи былъ съ грустнымъ чувствомъ встрѣченъ войсками, исполненными желанія снова сразиться и увѣренными въ окончательной побѣдѣ.

Русскія войска двинулись на Можайскъ. За ними послѣдовали войска Наполеона, освѣщаемыя по ночамъ заревомъ горѣвшихъ деревень, оставленныхъ крестьянами...

Перенесемся теперь мыслью въ Москву и посмотримъ, какъ жила наша древняя столица въ эти тяжелыя для Россіи дни испытанія.

Графъ Растопчинъ.

Послѣ того какъ Александръ I 18 іюля оставилъ Москву, населеніе первопрестольной столицы было охвачено небывалымъ подъемомъ патріотическаго чувства и гордой самоувѣренности. Всѣ надѣялись на то, что русскія войска дадутъ отпоръ Наполеону; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми овладѣвало воинственное настроеніе и желаніе принять непосредственное участіе въ защитѣ отечества. Ясно было для всѣхъ, что Наполеонъ стремится овладѣть Москвой, и на всякій случай всѣ торопились вооружиться. Сабли, ружья и пистолеты въ оружейныхъ магазинахъ были быстро раскуплены; арсеналъ, изъ котораго

рѣшено было продавать по дешевой цѣнѣ жителямъ столицы старое оружіе, съ утра до вечера былъ полонъ покупателями. Но это воинственное настроеніе и самоувѣренность постепенно начали смѣняться тревогой, которая все болѣе усиливалась по мѣрѣ приближенія непріятеля къ Москвѣ. Старики-вельможи, доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ, отставные чиновники, дворяне-помѣщики и капиталисты стали выѣзжать изъ Москвы или въ другіе города или въ свои имѣнія. Своимъ отъѣздомъ они увеличивали тревожное настроеніе остававшихся. Необходимо было принять мѣры къ успокоенію жителей.

Назначенный передъ самымъ началомъ войны московскимъ главнокомандующимъ, гр. Растопчинъ, бывшій министръ императора Павла, извѣстный своею ненавистью къ французамъ и Наполеону, прибѣгъ къ наилучшему, по его мнѣнію, средству для успокоенія жителей: онъ сталъ расклеивать по городу афиши, въ которыхъ, приспособляясь къ простонародному языку, извращая настоящее положеніе дѣлъ, умаляя значеніе успѣховъ Наполеона и преувеличивая успѣхи русской арміи, старался поддерживать патріотизмъ жителей въ напряженномъ состояніи. Вѣсть о паденіи Смоленска начинала вызывать панику. Уже кто только могъ торопился теперь оставить Москву. Чтобы успокоить жителей, Растопчинъ писалъ въ одной изъ своихъ афишъ: «Я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить мужей и братьевъ, которые при женщинахъ отправились безъ возврата. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ». Перечисливъ затѣмъ, съ преувеличеніемъ, силы русскихъ войскъ, онъ продолжалъ: «А если этого мало для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, дружина московская, пойдемъ и мы! И выведемъ сто тысячъ молодцевъ, возьмемъ Иверскую Божью Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150 тысячъ; кормятся они пареною рожью и лошадинымъ мясомъ». Послѣ Бородинской битвы онъ писалъ: «Свѣтлѣйшій (т. е. Кутузовъ) говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться... Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ, и городскихъ

и деревенскихъ; я кличъ кликну дня за два; а теперь не надо— я и молчу. Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной; а всего лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжеле снопа ржаного».

Но, успокаивая жителей Москвы и самъ получая отъ Кутузова успокоительныя письма, гр. Растопчинъ торопился на всякій случай вывозить изъ Москвы казенное имущество, царскія сокровища, архивы, церковныя драгоцѣнности. Это парализовало то впечатлѣніе, которое должны были производить его афиши: бѣгство жителей изъ Москвы сдѣлалось всеобщимъ. Москва-рѣка запрудилась барками и судами; иногда до двухъ тысячъ жителей выѣзжало въ одинъ день, и безконечные обозы

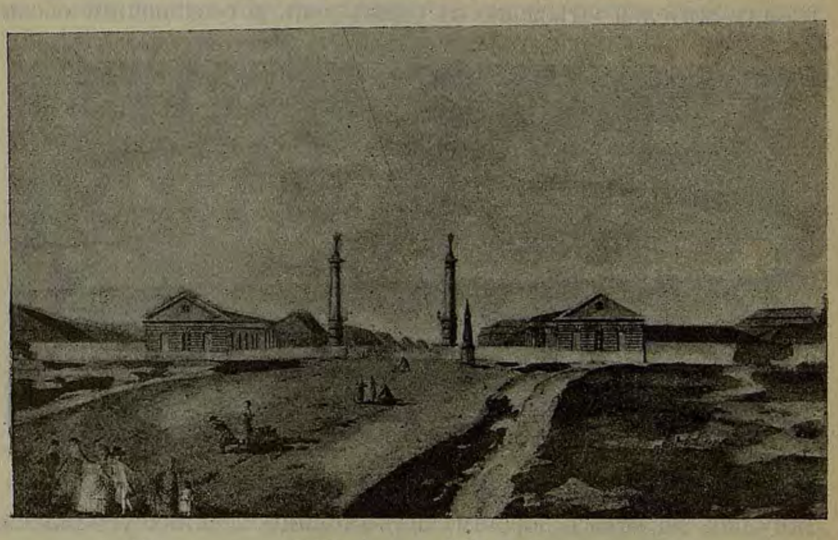
Москва въ к. XVIII и н. XIX в. Каменный мостъ.

тянулись по всѣмъ дорогамъ изъ столицы. Паника усилилась, когда тысячи раненыхъ въ Бородинскомъ сраженіи наполнили московскіе госпитали и частные дома. Вскорѣ столица опустѣла. Остались только тѣ, кто не могъ выѣхать либо по недостатку средствъ, либо по обязанностямъ службы. Оставалась чернь, да отребье общества, которому нечего терять.

Растопчинъ продолжалъ надѣяться на то, что Кутузовъ не пуститъ Наполеона въ Москву. Вмѣстѣ съ московскимъ митрополитомъ, престарѣлымъ Платономъ, онъ рѣшилъ вывести, при приближеніи русскихъ войскъ къ Москвѣ, оставшійся въ столицѣ народъ, вооруженный старымъ оружіемъ изъ арсенала, на Три-горы на битву съ французами. «Братцы!—писалъ онъ

въ своемъ воззваніи къ жителямъ Москвы,—сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Москва — наша мать. Я васъ призываю именемъ Божьей матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Руской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ. Я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя».

Въ то же время, донося Государю о своихъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ, Растопчинъ писалъ: «Да будетъ слово «миръ» далеко

Москва въ к. XVIII в. и н. XIX в. Тверская застава.

отъ Вашего Величества. Русскіе воспріимутъ свое мѣсто во вселенной, и Вы восторжествуете надъ Вашимъ врагомъ. Можетъ быть, это сбудется скоро. Ваши подданные проливаютъ кровь и не скорбятъ. Господь Богъ не введетъ Васъ во искушеніе. Вы будете избавителемъ свѣта».

Наступило 1-е сентября, канунъ занятія Москвы французами. Съ ранняго утра распространился въ Москвѣ слухъ о приближеніи русскихъ войскъ. Дѣйствительно, за Дорогомиловской заставой появились русскія войска; у Поклонной горы возводились укрѣпленія. Къ вечеру, при закатѣ солнца, въ

окрестностяхъ Москвы зажглись бивачные огни, заревомъ которыхъ освѣтились московскія улицы. Народъ не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи. Тысячи людей спѣшили въ арсеналъ за оружіемъ, которое теперь раздавалось даромъ. Въ Успенскомъ соборѣ, переполненномъ молящимися, шло богослуженіе. Многіе, обрекая себя на смерть за родину, пріобщались Св. Тайнъ. Духовенство готовилось итти съ хоругвями и иконами на Три-Горы, куда собирался и народъ, вооружившійся ружьями, пиками, топорами. Къ вечеру на Трехъ-Горахъ собралась большая толпа народа, стремившагося соединиться съ войсками

Москва въ к. XVIII и н. XIX в. Владимирская застава.

для защиты Москвы. Ожидали Растопчина. Но Растопчинъ не явился: онъ получилъ отъ Кутузова записку, въ которой тотъ сообщалъ ему о своемъ рѣшеніи оставить непріятелю Москву и просилъ прислать полицейскихъ офицеровъ, которые должны были провести русскую армію чрезъ Москву на Рязанскую дорогу.

Народъ, удрученный этимъ извѣстіемъ, разошелся. Ночью выѣхали изъ Москвы митрополитъ и духовенство, захвативъ съ собою иконы Иверскую и Владимирскую. Выступили изъ Москвы, по приказанію Растопчина, всѣ воинскія команды и вывезены были всѣ учрежденія. Всѣ подводы, какія только

можно было найти, были употреблены для вывоза раненыхъ. Полиціи и пожарной командѣ, вмѣстѣ съ пожарными трубами, приказано было отправиться во Владимиръ. Посланы были чиновники разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и въ кабакахъ и жечь на Москвѣ-рѣкѣ всѣ барки съ частнымъ и казеннымъ имуществомъ, которыя не успѣютъ выйти изъ города до вступленія непріятеля. Приказано было уничтожить всѣ товары на Мытномъ дворѣ, всѣ казенные запасы, оставшіеся въ комиссаріатѣ. Оставшееся въ Кремлевскомъ арсеналѣ оружіе роздано было народу.

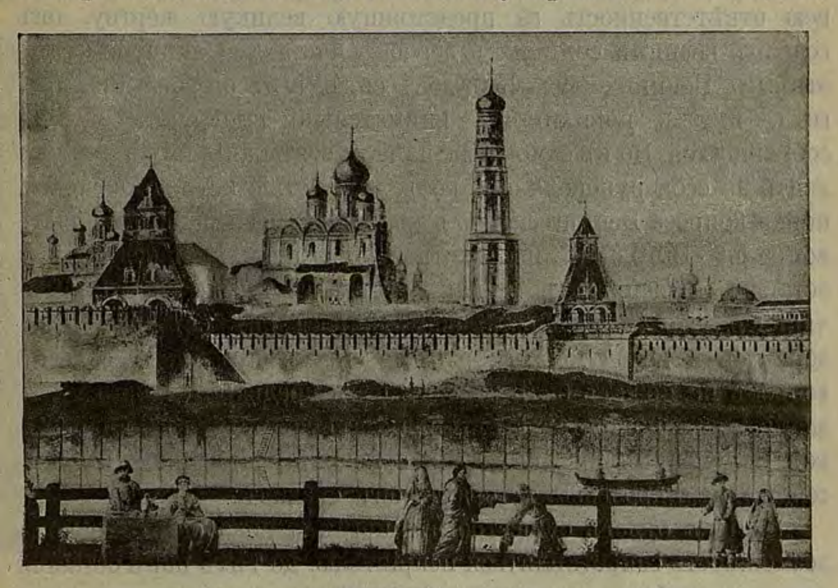
Оставленіе жителями Москвы.

Началось повальное бѣгство изъ Москвы. По Владимирской дорогѣ потянулись обозы и раненые; толпились пѣшіе и конные. А вокругъ столицы пылали села и деревни, оставляемыя крестьянами, которыхъ паденіе Москвы приводило въ полное отчаяніе. «Когда ужъ не устояла Москва,—говорили они,—гдѣ же устоять Россіи!» Уѣхалъ изъ Москвы и Растопчинъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ проявилъ необычайную и совершенно ненужную жестокость, приказавъ убить на глазахъ толпы у

подъѣзда своего дома мѣщанина Верещагина, который былъ арестованъ по подозрѣнію въ распространеніи воззваній Наполеона къ русскому народу...

Возвратимся теперь къ русской арміи, которую мы оставили при началѣ ея отступленія отъ села Бородина.

Отступая послѣ Бородинскаго сраженія, Кутузовъ, повидимому, не прочь былъ сразиться еще разъ съ Наполеономъ по дорогѣ къ Москвѣ. До самаго прибытія своего къ столицѣ онъ не переставалъ въ своихъ письмахъ увѣрять Растопчина, что

Москва въ к. XVIII и н. XIX в. Кремль.

будетъ отстаивать Москву до послѣдней крайности. Но эти обѣщанія не осуществились. Мысль объ оставленіи Москвы непріятелю взяла верхъ.

Можайскъ былъ занятъ французами послѣ непродолжительнаго сраженія съ русскимъ арріергардомъ. Затѣмъ произошло у с. Крымскаго ожесточенное сраженіе нашего арріергарда, которымъ командовалъ Милорадовичъ, съ французскимъ авангардомъ, находившимся подъ командой Мюрата. Настойчивыя атаки Мюрата на нашъ арріергардъ заставили Кутузова про-

должать отступленіе къ Москвѣ. 1-го сентября русская армія находилась уже въ двухъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы.

Подходя къ Москвѣ русскія войска располагались на позиціи, выбранной Беннигсеномъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этой позиціи она оказалась весьма неудобной. Для большинства начальниковъ теперь становилось яснымъ, что сраженія подъ Москвою не будетъ. Окончательно остановился на этой мысли и Кутузовъ. Но не желая на одного себя брать всю отвѣтственность за предстоящую великую жертву, онъ созвалъ военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ. Совѣщаніе было открыто Беннигсеномъ. Кутузовъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ, желая, повидимому, внимательно выслушать мнѣнія собравшихся. Но въ самомъ же началѣ совѣщанія ему пришлось взять на себя руководящую роль, вслѣдствіе неудачной постановки вопроса Беннигсеномъ. Едва только послѣдній поставилъ вопросъ: «Выгоднѣе ли сразиться подъ стѣнами Москвы, или оставить ее непріятелю?» какъ Кутузовъ прервалъ его замѣчаніемъ, что такую постановку вопроса онъ считаетъ несообразной и необдуманной, что, по его мнѣнію, столь важный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ, изложивъ подробно всѣ полученныя имъ свѣдѣнія о позиціи, выбранной Беннигсеномъ на Воробьевыхъ горахъ, онъ сказалъ:

— Пока будетъ существовать армія и пока она сохранитъ возможность сопротивляться непріятелю, до тѣхъ поръ остается надежда успѣшно окончить войну; напротивъ, по уничтоженіи арміи не только Москва, но и Россія потеряны.

Казалось, этимъ замѣчаніемъ главнокомандующаго вопросъ былъ рѣшенъ. Однако, среди собравшихся десяти генераловъ проявилось разногласіе. Беннигсенъ отстаивалъ необходимость сраженія; Барклай-де-Толли предлагалъ отступить къ Нижнему Новгороду, чтобы сохранить сообщеніе какъ съ Петербургомъ, такъ и съ южными губерніями. Первый указывалъ на то гибельное для Россіи впечатлѣніе, которое произведетъ оставленіе столицы на русскій народъ и на всю Европу; второй указывалъ на то, что армія потеряла много генераловъ и штабъ-офицеровъ

и что она, способная оказать сильное сопротивленіе, сдѣлается неспособной къ быстрымъ передвиженіямъ на неудобной позиціи. Большинство согласилось съ мнѣніемъ Барклая, основательность котораго призналъ и Кутузовъ.

Выслушавъ всѣ мнѣнія, Кутузовъ сказалъ:

— Я вижу, что мнѣ придется расплачиваться за все, но жертвую собою для блага отечества. Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія. Считаю своею первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самимъ уступленіемъ

Совѣтъ въ Филяхъ.

Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель. Приказываю отступать.

Несмотря на твердое убѣжденіе въ необходимости отдать непріятелю Москву, старый вождь не могъ побѣдить скорби, овладѣвшей имъ. Онъ не спалъ послѣ совѣщанія всю ночь и нѣсколько разъ плакалъ.

Утромъ 2-го сентября русскія войска двинулись черезъ Москву, а Милорадовичъ съ арріергардомъ оставался на Смоленской дорогѣ съ цѣлью, насколько возможно, задерживать непріятеля. Онъ заключилъ перемиріе съ Мюратомъ, и когда

русскія войска прошли черезъ Москву, Милорадовичъ вошелъ въ нее почти одновременно съ слѣдовавшимъ за нимъ авангардомъ Мюрата...

Въ то время какъ въ Филяхъ шло совѣщаніе военнаго совѣта, Наполеонъ съ главными силами великой арміи приблизился къ Москвѣ и остановился въ тридцати верстахъ отъ нея. Послѣ оставленія Москвы русскими войсками онъ въ два

Изба Кутузова въ Филяхъ.

часа по-полудни въѣхалъ со своимъ штабомъ на Поклонную гору. Отсюда открылся передъ нимъ чудный видъ на древнюю столицу русскаго царства.

— Наконецъ, вотъ онъ, этотъ знаменитый городъ,—сказалъ онъ окружающимъ.

И потомъ прибавилъ:

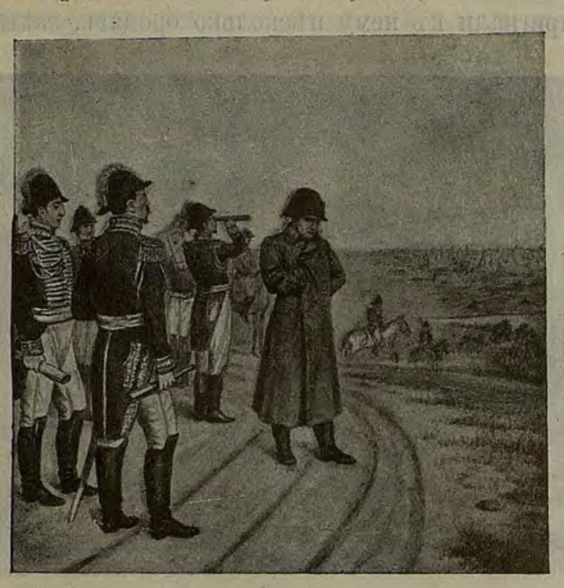
— И давно пора уже!

Затѣмъ, сойдя съ коня, онъ долго разсматривалъ въ зри-

тельную трубу Москву и ея окрестности и, наконецъ, отдалъ приказъ о вступленіи своихъ войскъ въ Москву.

У Дорогомиловской заставы онъ снова остановился и сталъ ждать депутаціи отъ населенія Москвы, которую, по его ожиданіямъ, должны были составлять «бояре».

Но городъ казался пустыннымъ; въ немъ незамѣтно было никакого движенія. Наполеонъ сошелъ съ коня и, скрестивъ на груди руки, долго ходилъ въ раздумьѣ и затѣмъ приказалъ разыскать и привести къ нему «депутацію».

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

— Быть можетъ, — говорилъ онъ, — эти варвары даже не знаютъ, какъ сдаютъ города... Говорятъ, что Москва пуста. Что за нелѣпость! Подите и приведите ко мнѣ бояръ!

Но «бояръ» не было. Черезъ часъ къ Наполеону привели нѣсколько французовъ, оставшихся въ Москвѣ, и доложили о полномъ запустѣніи русской столицы.

— Но гдѣ же сенатъ? спросилъ онъ.

— Уѣхалъ,—отвѣчали ему.

— А губернаторъ?

— Уѣхалъ.

— А народъ?

— Народъ убѣжалъ.

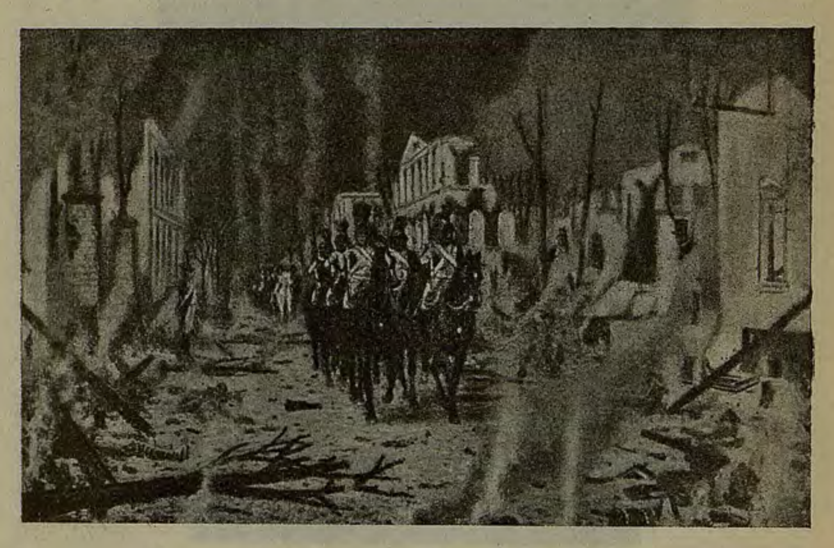
— Кто же въ Москвѣ?

— Никого нѣтъ.

Разговаривавшій съ Наполеономъ хотѣлъ что-то прибавить, вѣроятно, о томъ, что въ Москвѣ осталось нѣкоторое количество черни. Но Наполеонъ гнѣвно ему крикнулъ!

— Молчи!

Тутъ пригнали къ нему нѣсколько бродягъ, захваченныхъ

Вступленіе Наполеоновской арміи въ Москву.

на улицахъ города, представивъ ихъ ему въ качествѣ «москвичей».

— Прогоните этихъ мерзавцевъ! закричалъ взбѣшенный Наполеонъ.

Приказавъ подвести къ себѣ своего коня, онъ сѣлъ на него со словами: «Впередъ!» Маршалу Нею онъ велѣлъ занять Москву, а самъ поскакалъ къ заставѣ.

— Они сами еще не знаютъ, какое дѣйствіе произведетъ на нихъ занятіе ихъ-столицы! — раздраженно говорилъ онъ,

остановившись на берегу Москвы-рѣки и задумчиво смотря на свои войска, вступавшія въ Москву.

Вдалекѣ слышны были взрывы; поднимался дымъ. То горѣли на Москвѣ-рѣкѣ барки, отъ которыхъ вскорѣ загорѣлись и сосѣдніе дома. Наполеонъ приказалъ тушить пожаръ, прекращать безпорядки, уже возникавшіе среди войскъ, жадно бросившихся на грабежъ; велѣлъ учредить временное управленіе, назначивъ генерала Мортье московскимъ губернаторомъ. Отыскали типографію и начали печатать объявленія къ жителямъ Москвы, уговаривая ихъ быть спокойными и увѣряя въ полной безопасности. Но прежде всего напечатано было извѣстіе о занятіи Москвы и немедленно разослано съ курьерами по всей Европѣ.

Такъ взята была Москва. Но Наполеону не пришлось ликовать. Уже на другой день онъ убѣдился въ томъ, что «русскіе варвары» дѣйствительно не умѣютъ сдавать городовъ.

V

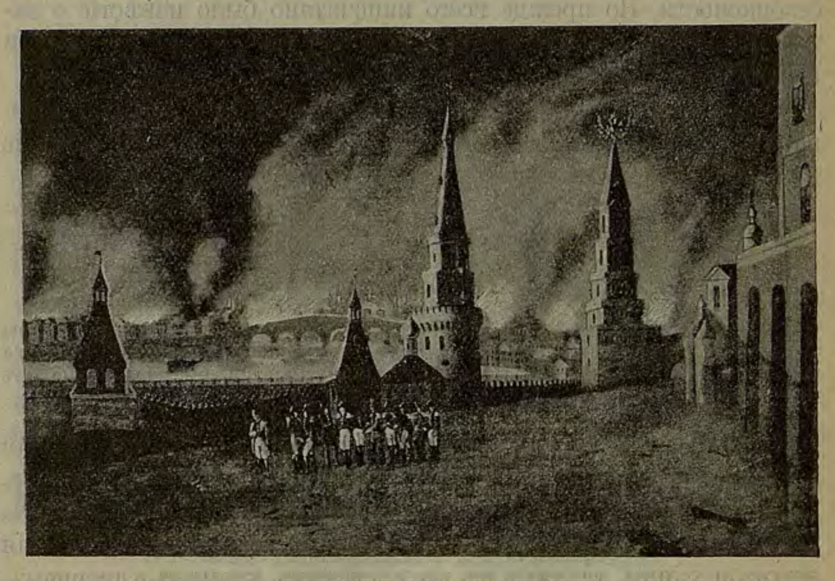
Наполеонъ въ Москвѣ. Пожары и грабежи. Кто зажегъ Москву? Мѣры Наполеона для установленія порядка. Настроеніе Наполеона. Попытка мирныхъ переговоровъ. Бѣдствія французовъ. Выступленіе Наполеона изъ Москвы.

Народъ, оставшійся въ Москвѣ, убѣдившись, что русскія войска прошли черезъ Москву, а французы занимаютъ городъ, попрятался по домамъ. Но нашлось человѣкъ 500 смѣльчаковъ, которые, вооружившись чѣмъ попало, заняли Никольскія ворота и улицы, ведущія къ кремлевскимъ храмамъ и дворцамъ. Подходившихъ къ Кремлю французовъ они встрѣтили ружейными выстрѣлами; но затѣмъ разбѣжались, когда, по приказанію Мюрата, по нимъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ пушки.

Наполеонъ, переночевавъ въ Дорогомиловскомъ предмѣстіи, устроилъ свою главную квартиру въ Кремлѣ, занявъ помѣщеніе въ покояхъ кремлевскаго дворца. Французскія войска, входившія въ городъ черезъ разныя заставы, размѣстились какъ попало: цѣлые полки безъ всякихъ указаній начальства занимали дома по своему произволу; другіе становились бива-

ками на улицахъ. Изнуренные недостаткомъ пищи и всякими лишеніями солдаты принялись за грабежъ: врывались въ пустые дома, искали пищи и вина, грабили кладовыя и магазины, пьяные разбивали все, что имъ попадалось, и предавались всевозможнымъ излишествамъ.

Но недолго продолжалось это бурное ликованіе. Среди мрака осенней ночи внезапно вблизи Кремля поднялся огненный столпъ и багровымъ заревомъ освѣтилъ небо, предшествуемый страшнымъ взрывомъ: загорѣлся москательный рядъ въ Китайгородѣ, и отъ бывшихъ въ немъ горючихъ веществъ запылали

Пожаръ Москвы.

торговые ряды. Потомъ вспыхнули деревянныя постройки въ разныхъ частяхъ города, и на другой день пребыванія французовъ въ Москвѣ большая часть города охвачена была грандіознымъ пожаромъ. Всѣ усилія прекратить его оставались тщетны: огонь, гасимый въ одномъ мѣстѣ, появлялся въ другихъ. Отъ массы огня равновѣсіе атмосферы было нарушено; поднялся страшный вѣтеръ, разносившій въ разныя стороны горящія головни и пламя. Бушующее море огня подбиралось къ Кремлю.

Наполеонъ провелъ ужасную ночь. Онъ не могъ уснуть. Нѣсколько разъ выходилъ онъ на дворцовую террасу, обращенную къ Москвѣ-рѣкѣ.

— Какой ужасъ! говорилъ онъ—Что скажетъ Европа! Москвы нѣтъ! Награда, которую обѣщалъ я моимъ храбрымъ солдатамъ, погибла. Русскіе сами жгутъ свою столицу... Это—скиѳы.

Впослѣдствіи на О-вѣ Елены Наполеонъ говорилъ, что ни-

Наполеонъ смотритъ на пожаръ Москвы.

какія описанія не могутъ выразить всего ужаса московскаго пожара.

— На зло поэзіи, никогда никакія описанія пожара Трои не сравнятся съ дѣйствительностью московскаго пожара. Дома—деревянные, вѣтеръ ужасный, пожарныя трубы вывезены. Это, говоря буквально, былъ огненный океанъ! И въ одно мгновеніе погибли труды вѣковъ и милліоны богатствъ! Одно воспоминаніе объ этомъ пожарѣ заставляетъ трепетать...

4-го сентября Наполеонъ принужденъ былъ выѣхать изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Гвардія расположилась передъ дворцомъ на Ходынскомъ полѣ. Москва горѣла еще четыре дня. Кремль уцѣлѣлъ, и послѣ прекращенія пожара Наполеонъ возвратился въ него.

Во время пожара выгорѣло двѣ трети города—самыя богатыя и многолюдныя части. Изъ 9,257 зданій сгорѣло 6496. Убытки и потери жителей Москвы впослѣдствіи оцѣнивали въ 250 милл. руб., не говоря о такихъ потеряхъ, которыя могутъ быть оцѣнены ни въ какую сумму: погибло множество сокровищъ древности, много произведеній наукъ и искусствъ...

Кто сжегъ Москву?

Этотъ вопросъ въ свое время возбуждалъ много споровъ. Нѣкоторые пытались обвинить Наполеона. Но эти обвиненія безусловно несправедливы: вѣдь пожары причинили громадный вредъ и самой великой арміи. При первыхъ впечатлѣніяхъ отъ московскихъ пожаровъ Наполеонъ воскликнулъ: «Этотъ пожаръ предвѣщаетъ намъ великія бѣдствія!» Наиболѣе простое объясненіе происхожденія московскихъ пожаровъ даетъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Война и миръ». Москва — говоритъ, онъ,—сгорѣла вслѣдствіе того, что она была поставлена въ такія условія, при которыхъ всякій деревянный городъ долженъ сгорѣть, независимо отъ того, имѣются ли или не имѣются въ городѣ 130 плохихъ пожарныхъ трубъ... Деревянный городъ, въ которомъ при жителяхъ-владѣльцахъ домовъ и при полиціи бываютъ почти каждый день пожары, не можетъ не сгорѣть, когда въ немъ нѣтъ жителей, а живутъ войска, курящія трубки, раскладывающія костры и варящія себѣ пищу два раза въ день». Но, намъ кажется, такъ можно объяснить широкое распространеніе пожаровъ. Начало же ихъ могло возникнуть и по чьей-либо иниціативѣ.

Есть основательныя соображенія, заставляющія предполагать, что главнымъ виновникомъ сожженія Москвы былъ ея главнокомандующій гр. Растопчинъ. Бросается въ глаза, прежде всего, тотъ фактъ, что по его распоряженію были вывезены изъ Москвы всѣ пожарныя трубы. Когда встрѣтившій этотъ странный поѣздъ генералъ Вольцогенъ спросилъ Растопчина, что это означало, тотъ сухо отвѣтилъ:

— У меня есть причина на это. Затѣмъ раньше, въ письмахъ и донесеніяхъ Растопчина встрѣчаются намеки на то, что Москва будетъ сожжена. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ Государю: «Бонапартъ найдетъ Москву такою же пустынной, какъ и Смоленскъ. Все унесено. Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ пустыней, если огонь ея не истребитъ, и можетъ сдѣлаться даже его могилой». Тѣ же намеки встрѣчаются и въ его письмахъ къ Багратіону, въ одномъ изъ которыхъ онъ прямо говоритъ, что «зажегъ бы городъ, еслибы раньше узналъ о намѣреніи Кутузова оставить Москву французамъ».

Изъ захваченныхъ Наполеономъ 26-ти поджигателей 9 назвали себя полицейскими агентами. Они ссылались на планъ Растопчина, по приказанію котораго, по ихъ словамъ, зажигательные снаряды приготовлялись въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ; для отвода же глазъ тамъ шло изготовленіе какимъ то нѣмцемъ воздушнаго шара, съ котораго предполагалось будто бы бросать эти снаряды въ французскую армію. Эти свѣдѣнія взяты изъ дѣлъ французской комиссіи, судившей людей, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ; но нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить этой комиссіи.

Наконецъ, уѣзжая изъ Москвы съ своимъ сыномъ (раненымъ въ Бородинской битвѣ офицеромъ), Растопчинъ сказалъ ему:

— Поклонись Москвѣ въ послѣдній разъ; черезъ 1/2 часа она будетъ объята пламенемъ.

Въ пользу того предположенія, что Москва была подожжена Растопчинымъ, говоритъ и тотъ фактъ, что, узнавъ о приближеніи непріятеля къ своему родовому имѣнію Воронову, онъ распорядился сжечь домъ со всей его роскошной обстановкой и собственноручно подложилъ первый зажженный факелъ. На обгорѣвшихъ развалинахъ дома онъ вывѣсилъ такое объявленіе: «Французы! Жители этого имѣнія покидаютъ его при вашемъ приближеніи, и я, по собственному внушенію, поджегъ мой домъ, чтобы онъ не попалъ въ ваши руки. Здѣсь вы ничего не найдете, кромѣ пепла».

Впослѣдствіи, въ одной изъ своихъ брошюръ, Растопчинъ

старался опровергнуть обвиненія его въ поджогѣ Москвы; но не надо забывать, что эта брошюра была имъ издана въ Парижѣ, въ то время, когда все европейское общество называло сожженіе Москвы варварствомъ.

Свою роль въ отечественной войнѣ Растопчинъ сильно преувеличивалъ. Не Кутузова, а себя считалъ онъ спасителемъ Россіи, воспламенившимъ патріотизмъ русскаго народа. Когда однажды кто-то сказалъ ему, что его считаютъ виновникомъ московскихъ пожаровъ, Растопчинъ отвѣтилъ:

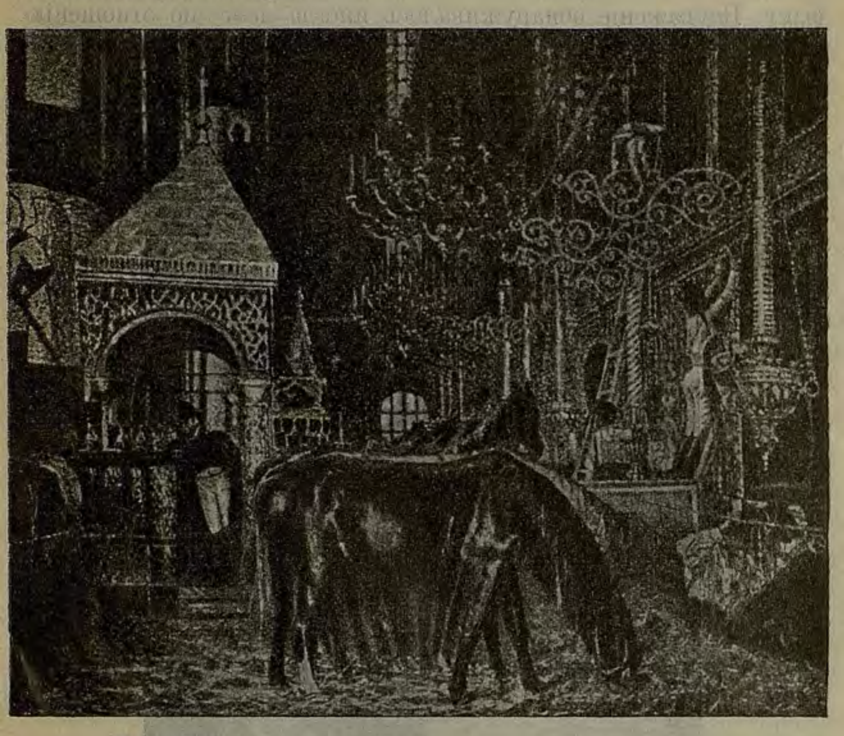
— Я воспламенилъ умы людей; а объ это пламя, самое ужасное изъ всѣхъ, легко зажечь какой-угодно факелъ.

Александру I, послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, онъ писалъ: «Москва осталась (во время ея занятія французами) лишенной населенія, а провинція преданной Вамъ и непокорной непріятелю. При вступленіи въ нее онъ нашелъ голодъ, а при выступленіи изъ нея погибель. Во всѣ времена я жаждалъ только Вашего довѣрія, и, пользуясь имъ, я спасъ Имперію».

Сегюръ, въ своихъ воспоминаніяхъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ настроеніе, въ какомъ былъ Растопчинъ:

«Во время этого страшнаго кризиса Растопчинъ опасался двухъ исходовъ: во-первыхъ, покорнаго мира, насильно продиктованнаго въ Москвѣ Наполеономъ его императору, во-вторыхъ, политическаго переворота, могущаго произойти подъ вліяніемъ непріятеля и показавшагося ему страшнѣе самой войны; онъ боялся революціи больше, чѣмъ завоеванія. Растопчинъ не хотѣлъ и перемирія, ибо предвидѣлъ, что въ этой многолюдной столицѣ, къ голосу которой прислушивалась вся Россія, Наполеонъ не приминетъ прибѣгнуть къ революціонной пропагандѣ, какъ къ единственному средству, при помощи котораго онъ сможетъ довести дѣло до конца. И для этого Растопчинъ рѣшилъ, воздвигнувъ огненную преграду между великимъ полководцемъ и Россіей, не допустить тѣмъ самымъ никакихъ послабленій, откуда бы они ни исходили: будь то со стороны ли трона, или русскаго дворянства и сановниковъ. Главнымъ же образомъ онъ опасался сближенія между порабощеннымъ народомъ и солдатами, принадлежавшими къ свободной націи, а также вліянія этихъ послѣднихъ на много-

численныя массы ремесленниковъ и купцовъ, которые составляли въ Москвѣ нѣчто подобное тому третьему сословію, которое произвело во Франціи революцію» *). Весьма вѣроятно, что настроеніе Растопчина было именно такимъ, какимъ представляетъ его Сегюръ.

Успенскій соборъ въ Кремлѣ, обращенный въ конюшни.

Александръ I и раньше недолюбливалъ Растопчина, очень враждебно относившагося къ Тильзитскому миру и къ его сближенію съ Наполеономъ въ 1807 г., и назначилъ его главнокомандующимъ Москвы, поддаваясь желанію общества, видѣвшаго въ Растопчинѣ глубоко-убѣжденнаго патріота. Послѣ войны онъ совсѣмъ къ нему охладѣлъ. Сожженіе Москвы, вѣроятно, было этому главною причиной.

---

*) Сегюръ.—«Походъ въ Москву», стр. 52.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Кремль изъ Петровскаго дворца Наполеонъ убѣдился въ полной дезорганизаціи своей арміи. Дисциплина была совершенно расшатана. Солдаты часто не обращали никакого вниманія на приказанія своихъ офицеровъ, предаваясь въ ихъ присутствіи всякимъ неистовствамъ и грабежу. Неуваженіе обнаруживалось иногда даже по отношенію

Наполеонъ въ Московскомъ Кремлѣ.

къ самому Наполеону: многимъ офицерамъ приходилось напоминать, чтобы они салютовали шпагами на разводахъ, проходя съ войсками мимо императора.

Грабежъ былъ въ полномъ разгарѣ. На улицахъ то и дѣло встрѣчались солдаты съ награбленной добычей. Толпы ихъ со-

бирались у погребовъ догоравшихъ домовъ и у церквей. Изъ домовъ выбрасывались на улицу мебель, картины, зеркала; въ церквахъ сдирались ризы съ иконъ; изъ уцѣлѣвшихъ магазиновъ растаскивались всевозможные товары. На площадяхъ и улицахъ солдаты продавали награбленную добычу или обмѣнивались ею. Многіе, лишившись чувствъ отъ крѣпкихъ напитковъ, валялись полумертвые. «Площади и лагери,—говоритъ Сегюръ,—обратились въ рынки, гдѣ каждый старался промѣнять лишнее на необходимое. Тамъ рѣдчайшіе предметы роскоши продавались по самой низкой цѣнѣ, тогда какъ иные предметы, благодаря своей обманчивой наружности, продавались много выше ихъ дѣйствительной стоимости. За золото, какъ предметъ, наиболѣе портативный, отдавалось съ убыткомъ громадное количество серебра, котораго не могли бы вмѣстить походныя сумки. Повсюду сидѣли солдаты на тюкахъ товаровъ возлѣ кучъ сахара и кофе, окруженные тончайшими винами, которыя они охотно промѣняли бы на кусокъ хлѣба. Многіе изъ нихъ въ припадкѣ опьяненія попадали въ пламя и гибли» *). Не было уваженія ни къ святынѣ алтарей, ни къ предметамъ богослуженія. Соборы Успенскій, Благовѣщенскій, Архангельскій, разграбленные солдатами, были обращены въ казармы и конюшни. Въ церквахъ Спаса на Бору и св. Николая Гастунскаго хранили овесъ, сѣно и солому для Императорскихъ лошадей. Нѣкоторые биваки въ Кремлѣ были устроены изъ большихъ образовъ; изъ образовъ же устраивались мишени для стрѣльбы. Въ церкви Чудова монастыря, въ алтарѣ маршалъ Даву устроилъ свой кабинетъ, гдѣ принималъ доклады своихъ подчиненныхъ. И самъ Наполеонъ нѣкоторое время ночевалъ въ Успенскомъ Соборѣ.

Положеніе оставшихся въ Москвѣ русскихъ было ужасно. За малѣйшее сопротивленіе во время грабежа ихъ подвергали избіенію, истязаніямъ или просто убивали. Многіе изъ нихъ гибли отъ голода или бродили по огородамъ и по садамъ, питаясь травой или гнилыми овощами...

Черезъ недѣлю послѣ занятія французами Москвы уже оказалось, что въ выжженномъ и разграбленномъ гродѣ не хватало средствъ для пропитанія арміи. Въ особенности же былъ

*) Сегюръ, стр.70.

чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, имѣвшій послѣдствіемъ огромную убыль лошадей въ кавалеріи и артиллеріи.

Въ борьбѣ съ грабежомъ (maraude) и упадкомъ дисциплины Наполеонъ приказалъ прекратить отправку изъ Кремля отъ военныхъ частей командъ для добыванія провіанта, такъ какъ эти команды тоже предавались мародерству, и устроить въ Кремлѣ склады, куда свозились бы припасы, привозимые изъ окрестностей Москвы; изъ этихъ складовъ провіантъ долженъ

Разстрѣлъ французами поджигателей.

былъ распредѣляться по полкамъ. Эти склады устроены были въ зданіи московскаго сената и въ оружейной палатѣ. Но было поздно. Провіанта не хватало: пожаръ истребилъ въ Москвѣ множество съѣстныхъ запасовъ, а въ окрестностяхъ Москвы приходилось имѣть дѣло съ озлобленными крестьянами и съ партизанскими отрядами. Да и дисциплина такъ пала, что ее уже ничѣмъ нельзя было поднять.

Для установленія порядка въ городѣ учрежденъ былъ муниципалитетъ, въ составъ котораго вошли русскіе, нѣмцы, фран-

цузы, италіанцы. Но и этотъ муниципалитетъ не былъ въ состояніи бороться съ безпорядками и въ концѣ концовъ принужденъ былъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы.

Положеніе Наполеона и его арміи въ Москвѣ со дня на день становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Наполеонъ, дѣйствительно, по выраженію Кутузова, «расплывался». При занятіи русской столицы онъ ожидалъ, что Александръ I самъ начнетъ переговоры о мирѣ. Но Александръ I молчалъ.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ самъ начать мирные переговоры.

Случай къ этому вскорѣ представился. Среди погибшихъ отъ пожара зданій какимъ-то чудомъ уцѣлѣло зданіе Воспитательнаго Дома. И не только само зданіе уцѣлѣло: въ немъ оставались и находившіяся въ этомъ пріютѣ дѣти,—кромѣ взрослыхъ дѣвицъ, отправленныхъ въ Казань,—и служащіе съ своимъ начальникомъ Тутолминымъ.

Случайно проѣзжая, по возвращеніи изъ Петровскаго дворца, по набережной мимо Воспитательнаго Дома, Наполеонъ обратилъ на него вниманіе и, узнавъ о томъ, что это учрежденіе продолжаетъ дѣйствовать, взялъ его подъ свое особое покровительство. Вызвавъ къ себѣ Тутолмина, онъ обласкалъ его и, между прочимъ, сказалъ ему:

— Я хотѣлъ сдѣлать для всего города то, что сдѣлалъ для вашего учрежденія. Я поступилъ бы съ Москвою, какъ съ Вѣной и Берлиномъ. Но русскіе бросили городъ почти совершенно пустымъ, сами сожгли его и, желая сдѣлать мнѣ вредъ, въ нѣсколько дней разрушили созданіе многихъ вѣковъ. Доведите объ этомъ до свѣдѣнія вашего государя; онъ, вѣроятно, не знаетъ о томъ, что здѣсь дѣлается.

Въ концѣ бесѣды онъ сказалъ Тутолмину:

— Напишите вашему Государю, что я желаю мира, и отправьте къ нему съ донесеніемъ своего чиновника. Я прикажу провести его черезъ форпосты.

Спустя три дня онъ нашелъ еще и другого посредника для сношеній съ Александромъ.

Въ числѣ русскихъ людей, оставшихся въ Москвѣ, былъ отставной гвардейскій капитанъ Яковлевъ, братъ русскаго посланника при дворѣ Вестфальскаго короля, лично извѣстнаго

Наполеону. Собираясь при занятіи Наполеономъ Москвы выѣхать изъ нея съ своимъ семействомъ, онъ былъ захваченъ французскими солдатами и ограбленъ. Окруженный своими дворовыми людьми и сотнею подмосковныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ деревни къ своему помѣщику, бродилъ онъ по горѣвшей Москвѣ, отыскивая возможность выбраться изъ города и, наконецъ явился за паспортомъ къ генералу Мортье, котораго Наполеонъ назначилъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Тотъ представилъ его Наполеону. Какъ и въ бесѣдѣ съ Тутолминымъ Наполеонъ выразилъ Яковлеву свое негодованіе по поводу московскихъ пожаровъ, при чемъ назвалъ Ростопчина сумасшедшимъ, увѣренный, что пожары—дѣло его рукъ. Затѣмъ онъ сказалъ Яковлеву:

— Пора положить конецъ кровопролитію. Намъ съ вами легко поладить. Война моя съ Россіей чисто политическая. Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую у васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора. Я готовъ возвратиться, потому что главное дѣло для меня справиться съ Англіей. Еслибы я взялъ Лондонъ, то не скоро оставилъ бы его. Хочу итти назадъ. Ежели императоръ Александръ желаетъ мира, то пусть только дастъ мнѣ объ этомъ знать. Я пошлю къ нему кого-либо изъ моихъ адъютантовъ, и мы тотчасъ помиримся. Если же онъ хочетъ войны, будемъ воевать. Мои войска просятъ, чтобы я велъ ихъ въ Петербургъ. Пойдемъ и туда... Въ такомъ случаѣ Петербургъ подвергнется одной участи съ Москвою.

Наполеонъ уговорилъ Яковлева взять отъ него письмо для передачи Александру и далъ ему, съ семьей и его крестьянами, пропускъ изъ Москвы. Письмо Наполеона было доставлено государю черезъ Аракчеева; но отвѣта на него не послѣдовало.

Прямого предложенія о мирѣ письмо это въ себѣ не заключало. Но въ немъ Наполеонъ, общимъ тономъ письма, старался дать понять о своей готовности начать мирные переговоры. Сообщая о пожарахъ въ Москвѣ, «давшихъ поводъ» его солдатамъ къ грабежу, онъ заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «Считаю невозможнымъ, чтобы съ Вашими правилами, Вашимъ сердцемъ и свѣтлымъ образомъ мыслей, Вы допустили такія неистовства, недостойныя великаго монарха

и великаго народа... Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ озлобленія. Если бы прежде послѣдняго сраженія, или вскорѣ послѣ него, Вы написали мнѣ записку, я остановилъ бы армію и охотно пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву».

Учредивъ въ Москвѣ муниципалитетъ и предписывая военному начальству принимать строгія мѣры противъ мародерства и нарушеній военной дисциплины, Наполеонъ думалъ установить порядокъ. Но это ему не удалось. Дисциплина въ войскахъ пала окончательно, а муниципалитету нечего было дѣлать: Москва съ каждымъ днемъ пустѣла. Наполеонъ попробовалъ распространять среди окрестныхъ жителей свои широковѣщательныя воззванія, призывая ихъ сходиться въ Москву и привозить для продажи съѣстные припасы. Эти воззванія не имѣли никакого успѣха. Дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ становилось невозможнымъ. Сталъ обнаруживаться страшный недостатокъ въ продовольствіи какъ для людей, такъ и для лошадей. Между солдатами ежедневно происходили драки изъ-за съѣстныхъ припасовъ; они принуждены были стрѣлять воронъ и употреблять ихъ въ пищу; ѣли конину, ѣли кошекъ. Фуражировки въ окрестностяхъ Москвы становились невозможными вслѣдствіе нападеній на фуражировъ крестьянъ, казаковъ и партизанскихъ отрядовъ. Приближалась зима.

Положеніе Наполеона становилось особенно затруднительнымъ еще и потому, что онъ не имѣлъ совершенно никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, о мѣрахъ, которыя принимались для защиты страны, въ самую середину которой онъ зашелъ.

При такихъ обстоятельствахъ, не получая отвѣта на свое письмо отъ Александра, онъ рѣшилъ сдѣлать новую попытку къ заключенію мира. Посредникомъ для переговоровъ съ Александромъ онъ рѣшилъ на этотъ разъ избрать одного изъ блестящихъ своихъ придворныхъ, герцога Виченскаго Коленкура, который пользовался большими симпатіями русскаго императора, но къ которому Наполеонъ въ послѣднее время относился холодно, такъ какъ онъ совершенно не раздѣлялъ его завоевательныхъ плановъ. Онъ велѣлъ позвать его къ себѣ и сталъ требовать, чтобы Коленкуръ принялъ на себя трудъ

склонить Александра къ миру, но такъ, чтобы просьба о мирѣ исходила отъ самого Александра, а Наполеонъ лишь соблаговолилъ бы принять его предложеніе.

— Я предпринимаю походъ на Петербургъ,—сказалъ онъ ему. Я знаю, что разрушеніе этого города огорчитъ васъ. Тогда Россія возстанетъ противъ императора Александра; будетъ составленъ заговоръ противъ этого монарха; его казнятъ, и это будетъ большимъ несчастіемъ. Я, уважаю этого государя, буду

Наполеонъ отправляетъ Лористона къ Кутузову.

сожалѣть не только о немъ, но и о Франціи, для которой смерть Александра будетъ большой потерей, такъ какъ его характеръ соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ, и никакой другой государь не сможетъ замѣнить его для насъ. И я хочу послать васъ въ Петербургъ чтобы предупредить эту катастрофу.

— Эти переговоры, — отвѣчалъ ему Коленкуръ,—будутъ безполезны, ибо до тѣхъ поръ, пока вся русская земля не очистится отъ непріятеля, Александръ не выслушаетъ ни одного предложенія. Теперь Россія чувствуетъ, что все благопріят-

ствуетъ ей, да и кромѣ того, эта попытка повредитъ намъ, доказавъ, насколько мы нуждаемся въ мирѣ, и обнаружитъ всю безвыходность нашего положенія!

— Ну, что же, я пошлю тогда Лористона.

И онъ отправилъ для переговоровъ къ Кутузову Лористона, своего бывшаго посла въ Петербургѣ *).

— Во что бы то ни стало, нуженъ миръ. Сказалъ онъ ему, посылая его къ Кутузову.

Явившись къ Кутузову, Лористонъ началъ съ предложенія произвести обмѣнъ плѣнныхъ. Не получивъ на это согласія, онъ сталъ жаловаться на то озлобленіе, съ которымъ русскіе ведутъ войну, и просилъ Кутузова принять мѣры къ прекращенію тѣхъ жестокостей, съ какими обращаются русскіе крестьяне и партизаны съ попавшими въ ихъ руки французами, и позаботиться о томъ, чтобы война носила вполнѣ европейскій характеръ.

— Я не могу измѣнить образъ мыслей народа,—отвѣчалъ ему Кутузовъ: русскіе считаютъ ваше вторженіе вторымъ нашествіемъ татаръ.

Тогда Лористонъ перешелъ къ главному предмету своего посольства, т.-е. къ вопросу о заключеніи мира.

— Дружба,—говорилъ онъ,—существовавшая между вашимъ Государемъ и императоромъ Наполеономъ, расторглась несчастнымъ образомъ, и теперь пора ее возстановить. Государь мой искренне желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими державами, и положить его навсегда.

На это онъ получилъ суровый отвѣтъ отъ русскаго главнокомандующаго:

— При отправленіи меня къ арміи Государь о мирѣ не упоминалъ. Вашихъ словъ я ни въ какомъ случаѣ Государю не передамъ. Я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію: таковъ въ настоящее время образъ мыслей нашего народа.

Лористонъ просилъ Кутузова ходатайствовать передъ Государемъ о разрѣшеніи ему лично явиться въ Петербургъ для

*) Сегюръ, стр. 76.

мирныхъ переговоровъ, а пока заключить перемиріе. И въ этомъ Кутузовъ отказалъ ему. Кутузовъ сдѣлалъ ему одну уступку: онъ сказалъ, что сообщитъ Государю о желаніи Наполеона заключить миръ. Онъ обѣщалъ сообщить объ этомъ чрезъ кн. Волконскаго, который на другой день долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Лористонъ просилъ немедленно отправить въ Петербургъ фельдъегеря. Но и въ этомъ получилъ отказъ. Надежда на заключеніе мира для Лористона была совершенно потеряна, когда Кутузовъ, призвавъ кн. Волконскаго, сказалъ ему:

— Государь даже запретилъ мнѣ произносить слово «миръ» и «перемиріе». Спросите у кн. Волконскаго: его Государь прислалъ ко мнѣ подтвердить эту монаршую волю.

Послѣ этой неудачи Наполеонъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ издалъ приказъ объ улучшеніи укрѣпленій Кремля и о томъ, чтобы войска запасались въ окрестностяхъ Москвы на полгода провіантомъ. Онъ дѣлалъ видъ, что намѣренъ остаться въ Москвѣ и думалъ этимъ побудить Александра къ заключенію мира. Но единственнымъ результатомъ этой уловки было озлобленіе въ войскахъ Наполеона, выражавшихъ желаніе какъ можно скорѣе оставить Москву.

Что касается Кутузова, то онъ получилъ отъ Государя строгое замѣчаніе за переговоры съ Лористономъ. Выражено было неудовольствіе Государемъ и Беннигсену, имѣвшему свиданіе съ Мюратомъ. Въ своемъ письмѣ къ Кутузову Государь, между прочимъ, требовалъ отъ него энергичнаго и строгаго надзора, за тѣмъ, чтобы никто изъ генераловъ ни въ какіе переговоры съ непріятелемъ не вступалъ. «Въ настоящее время,— писалъ онъ,—никакія побужденія не побудятъ меня прервать войну и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленіе отечества».

Вскорѣ ко всѣмъ затрудненіямъ Наполеона прибавилось еще одно, и въ высшей степени важное: онъ сталъ получать самыя печальныя извѣстія о состояніи войскъ своего авангарда, съ которымъ Мюратъ стоялъ противъ лагеря русскихъ войскъ, устроеннаго около с. Тарутина. Войска Мюрата бѣдствовали даже больше, чѣмъ великая армія въ Москвѣ. Фуражировки

сдѣлались почти невозможными, а подвоза продовольствія ниоткуда не было. Самое сообщеніе авангарда съ Москвою почти прекратилось, такъ что даже курьеровъ съ донесеніями приходилось отправлять подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи. Люди ѣли падаль, пареную рожь; между ними распространялись всякія болѣзни; лошади дохли отъ совершеннаго недостатка въ кормѣ или были страшно изнурены. Мюратъ ежедневно ожидалъ нападенія русскихъ войскъ...

Наполеонъ въ Москвѣ.

Въ какомъ мрачномъ настроеніи былъ въ это время Наполеонъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Сегюръ. «Охватывавшее его безпокойство,—говоритъ онъ,—обнаруживалось въ жестокихъ распоряженіяхъ. Онъ велѣлъ, напримѣръ, ободрать изъ кремлевскихъ церквей все, что могло служить трофеями для великой арміи... Стоило неимовѣрныхъ усилій сорвать съ колокольни Ивана Великаго ея гигантскій крестъ. Императоръ хотѣлъ воздвигнуть его надъ Инвалиднымъ домомъ въ Парижѣ. Русскій народъ приписывалъ цѣлость своего государства обладанію этимъ крестомъ. Въ то время

какъ снимали этотъ крестъ, стая воронъ безпрестанно кружилась надъ нимъ и Наполеонъ, которому наскучило ихъ унылое карканье, воскликнулъ:

— Кажется, эти зловѣщія птицы хотятъ защищать его!

Неизвѣстно, о чемъ думалъ онъ въ своемъ критическомъ положеніи, но всѣ знали, что онъ склоненъ къ всевозможнымъ предчувствіямъ. Его ежедневныя прогулки подъ сверкающимъ солнцемъ, когда онъ пытался снова увидѣть звѣзду своего

Наполеонъ послѣ выхода изъ Москвы.

счастія и показать ее другимъ, не развлекали его. Къ печальному безмолвію Москвы присоединялось безмолвіе ея пустынныхъ окрестностей и угрожающее молчаніе Александра. Слабый звукъ шаговъ нашихъ солдатъ не могъ разсѣять его ужасныхъ воспоминаній и его еще болѣе ужасной прозорливости. Его ночи были особенно томительны; большую часть ихъ онъ проводилъ съ графомъ Дарю. Только тутъ онъ признавался въ опасности своего положенія» *).

*) Сегюръ, стр. 80

При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ рѣшилъ выступить изъ Москвы. Онъ думалъ направиться къ югу, въ Калугу, вступить въ бой съ Кутузовымъ, а потомъ, сообразно съ исходомъ боя, или зимовать въ Калугѣ или итти по еще не разоренной странѣ къ Днѣпру. Чтобы поддержать свой престижъ въ Европѣ, онъ приказалъ увѣдомить всѣ европейскіе дворы, что «великая армія выступаетъ на зимнія квартиры чрезъ Калугу и займетъ пространство между Смоленскомъ, Могилевомъ, Минскомъ и Витебскомъ, такъ какъ Москва уже не представляетъ выгодной позиціи». Изданъ былъ приказъ о выступленіи изъ Москвы. Передъ походомъ устроенъ былъ смотръ войскамъ, во время котораго Наполеонъ старался ободрять солдатъ раздачей наградъ и рѣчами... Но въ то время, когда войска церемоніальнымъ маршемъ проходили мимо своего императора, прискакалъ адъютантъ Мюрата съ донесеніемъ о нападеніи на него русскихъ войскъ. Не окончивъ смотра, Наполеонъ приказалъ войскамъ немедленно выступать изъ Москвы... Начинался послѣдній актъ великой исторической драмы. Неизвѣстно, о чемъ думалъ Наполеонъ, глядя на оставленную имъ русскую столицу съ перваго по выступленіи изъ нея привала французскихъ войскъ, когда вокругъ встрѣчались зловѣщіе слѣды народной расправы съ врагомъ, забравшимся въ нѣдра Россіи...

VI.

Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о занятіи Москвы французами. Дѣйствія и состояніе русскихъ войскъ послѣ отступленія отъ Москвы. Фланговое движеніе Кутузова и его значеніе. Тарутинскій лагерь. Тарутинское сраженіе. Начало преслѣдованія отступающей великой арміи. Сраженіе подъ Малоярославцемъ. Отступленіе Наполеона къ Смоленску. Битва подъ Вязьмой.

Извѣстіе объ оставленіи Москвы русскими войсками глубоко потрясло Александра I. Но, узнавъ о бодромъ состояніи русскихъ войскъ онъ быстро успокоился. Полковнику Мишо, привезшему отъ Кутузова это извѣстіе, онъ поручилъ объявить и въ арміи и вездѣ, гдѣ онъ будетъ проѣзжать на обратномъ пути въ Тарутино, что Государь не будетъ искать мира, что

«если у него не останется ни одного солдата, онъ созоветъ свое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, самъ будетъ предводительствовать ими и подвигнетъ на борьбу съ врагомъ всѣ средства Имперіи».

— Но если,—говорилъ онъ Мишо,—судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено моему роду не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше предпочту питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ я умѣю цѣнить.

Затѣмъ, крѣпко пожавъ руку Мишо, онъ сказалъ ему многозначительныя слова:

— Не забудьте, чтó я вамъ теперь говорю; быть можетъ, настанетъ время, когда мы будемъ вспоминать объ этомъ съ удовольствіемъ. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ,—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе меня не обманетъ.

— Государь,—отвѣтилъ ему Мишо,—Вы подписываете сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы.

Вскорѣ послѣ этого Александръ писалъ Бернадоту, что потеря Москвы, «чувствительная болѣе въ нравственномъ, чѣмъ въ военномъ отношеніи», не ослабитъ силъ русскаго народа. «Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо,—говорилъ онъ,—я и народъ, въ челѣ котораго я нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребемъ себя подъ развалинами имперіи, чѣмъ примиримся съ Аттилою нашего времени». Въ то же время Александръ, твердо увѣренный въ побѣдѣ надъ Наполеономъ, началъ сношенія съ Прусскимъ дворомъ, разсчитывая образовать новый союзъ противъ него, къ которому надѣялся привлечь и Австрію. А въ своемъ объявленіи народу о занятіи Москвы французами онъ удачно характеризировалъ затруднительное положеніе Наполеона слѣдующими словами: «Непріятель съ остаткомъ исчезающихъ войскъ, удаленный отъ своей земли, находится посреди многочисленнаго народа, окруженный нашими арміями, не допускающими къ нему новыхъ силъ. Испанія не только свергла съ себя его иго, но и угрожаетъ

ему завоеваніемъ его земли. Большая часть изнуренной и разграбленной имъ Европы, служа поневолѣ ему, съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, въ которую могла бы вырваться озъ подъ его тяжкой и нестерпимой власти. Собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови».

Призывая народъ къ напряженію всѣхъ силъ для уничтоженія врага, Александръ слѣдующими вдохновенными словами заканчивалъ свое воззваніе: «Не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя въ войною разоренія наконецъ терпѣніемъ и мужествомъ своимъ достигнетъ того, что не только самъ пріобрѣтетъ прочное спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ его, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей вмѣстѣ съ нимъ воюютъ! Пріятно и свойственно доброму народу з а з л о в о з д а в а т ь д о б р о м ъ!

Въ то же время, на всякій случай, принимались мѣры для охраненія доступа къ Петербургу и Кронштадту. Принимались также мѣры къ вывозу изъ сѣверной столицы всѣхъ цѣнныхъ вещей, составляющихъ достояніе государства. Наконецъ, Александръ I предложилъ англійскому послу отправить всѣ военныя русскія суда въ Англію и отдать ихъ въ полное распоряженіе англійскаго правительства для борьбы съ Наполеономъ. Все это ясно указываетъ на то, что Александръ твердо рѣшилъ продолжать борьбу даже въ томъ случаѣ, если бы обѣ столицы Россіи оказались въ рукахъ непріятеля.

Но обратимся теперь къ нашей арміи, которую мы оставили отступающею отъ Москвы.

Оставивъ Милорадовича съ арріергардомъ на рязанской дорогѣ у Боровскаго перевоза, Кутузовъ повелъ свои войска на Калужскую дорогу. Милорадовичъ послѣдовалъ за нимъ, оставляя за собою на всѣхъ дорогахъ отдѣльныя отряды, чтобы замаскировывать движеніе Кутузова отъ Мюрата, получившаго отъ Наполеона приказаніе тѣснить отступающія русскія войска.

Переходъ Кутузова съ Рязанской на Калужскую дорогу,—это такъ называемое «фланговое движеніе»,—составляетъ одинъ изъ блестящихъ маневровъ, доставившихъ славу нашему ста-

рику-полководцу у военныхъ историковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Прикрываемый Милорадовичемъ, онъ ушелъ отъ преслѣдовавшаго его французскаго авангарда съ такимъ искусствомъ, что ни Мюратъ ни Наполеонъ нѣкоторое время совершенно не могли сообразить, куда дѣвались русскія войска и куда именно надо было направляться для ихъ преслѣдованія или чтобы слѣдить за ихъ дальнѣйшими движеніями.

Выигравъ такимъ образомъ время, Кутузовъ остановился на полдорогѣ между Москвою и Калугой у села Тарутина и укрѣпился на возвышенномъ берегу рѣки Норы. Фланговое движеніе имѣло и другую выгоду. Тарутинскій лагерь представлялъ собою пунктъ чрезвычайно удобный, прежде всего, для оборонительнаго сраженія. Затѣмъ отсюда было очень удобно препятствовать движенію непріятельской арміи къ Тулѣ, гдѣ находились обширные оружейные заводы, къ Калугѣ, съ ея богатыми запасами провіанта, и въ южныя губерніи. Двигаясь изъ Москвы на Тулу, Наполеонъ обнажалъ свое правое крыло и передавалъ сообщенія съ Москвою во власть Кутузова, который могъ ударить или во флангъ или въ тылъ его арміи. При движеніи Наполеона на Калугу, Кутузовъ могъ дѣйствовать на него своимъ сильнымъ лѣвымъ флангомъ. Наконецъ, изъ Тарутина Кутузовъ угрожалъ всѣмъ непріятельскимъ сообщеніямъ между Смоленскомъ и Москвою.

Мы видѣли, какъ бодро смотрѣлъ Александръ I въ будущее. Такъ же твердо былъ увѣренъ въ успѣхѣ и Кутузовъ, укрѣпившійся въ Тарутинскомъ лагерѣ, куда безпрепятственно доставлялось все необходимое для войскъ изъ мѣстностей, еще не тронутыхъ непріятелемъ и богатыхъ запасами всякаго рода. Русскія войска ежедневно пополнялись свѣжими силами и отдыхали отъ пережитыхъ лишеній.

При Кутузовѣ не было теперь двухъ, наиболѣе способныхъ, сотрудниковъ: Багратіонъ умеръ отъ полученной раны, Барклай-де-Толли получилъ отпускъ и уѣхалъ въ свою лифляндскую деревню. Но среди генераловъ оставались еще такіе надежные и отважные люди, пользовавшіеся любовью солдатъ, какъ Милорадовичъ, Ермоловъ, Раевскій, Коновницынъ, Дохтуровъ и нѣкоторые другіе.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Тарутинскій лагерь начался новый, свѣтлый періодъ отечественный войны. Въ своемъ письмѣ къ калужскому городскому головѣ Кутузовъ, успокаивая встревожившихся калужанъ, такъ опредѣлялъ положеніе вещей: «Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на вѣрное пораженіе нашего врага насъ не оставляетъ. Истребленіе силъ его, недостатокъ въ продовольствіи и окончательная гибель предстоятъ ему неизбѣжно».

Первымъ крупнымъ дѣломъ русскихъ войскъ послѣ отступленія отъ Москвы было пораженіе, нанесенное Мюрату, командовавшему французскимъ авангардомъ. Иниціатива этого дѣла принадлежала Беннигсену, который, пользуясь безпорядками въ войскахъ Мюрата и его безпечностью, думалъ застать его врасплохъ и «захватить живьемъ». Онъ убѣдилъ Кутузова согласиться на нападеніе и поручить это дѣло ему, Беннигсену. Къ сожалѣнію, корпусные командиры получили приказъ о наступленіи не одновременно, и потому произошла нѣкоторая путаница, нарушившая планъ Беннигсена. Тѣмъ не менѣе,—благодаря, главнымъ образомъ, удачной по своей неожиданности атакѣ казачьихъ полковъ, находившихся подъ начальствомъ гр. Орлова-Денисова,—побѣда была одержана. Мюратъ отступилъ, оставивъ въ рукахъ русскихъ бóльшую часть обоза, 38 орудій, 1 знамя, 40 зарядныхъ ящиковъ и 1,500 плѣнныхъ. Побѣда эта имѣла великое нравственное значеніе: она ободрила русскія войска, вселивъ въ нихъ увѣренность въ счастливомъ для Россіи исходѣ борьбы съ Наполеономъ.

Тотъ же полковникъ Мишо, который былъ у Александра I съ донесеніемъ Кутузова объ оставленіи Москвы, былъ отправленъ теперь къ нему съ донесеніемъ объ этой побѣдѣ. Для характеристики императора Александра I большой интересъ представляетъ та бесѣда, которая произошла при этомъ между нимъ и полковникомъ Мишо. Послѣдній, отъ лица всей арміи, просилъ Государя явиться въ Тарутинскій лагерь и стать во главѣ русскихъ войскъ. Александръ не согласился.

— Всѣ люди честолюбивы,—сказалъ онъ,—признаюсь откровенно, что и я честолюбивъ не менѣе другихъ, и если бы теперь внялъ только этому одному чувству, то сѣлъ бы съ вами

въ коляску и поѣхалъ бы въ армію. Я несомнѣнно увѣренъ, что побѣда у насъ неотъемлема и что остается, какъ вы говорите, только пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то вся слава отнесется ко мнѣ, и я займу мѣсто въ исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ искусствѣ, въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, невзирая на мою добрую волю, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется кровь моихъ дѣтей, то, невзирая на мое самолюбіе, охотно жертвую личною славою для благополучія арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе достоинъ ихъ.

Въ этихъ словахъ выразились и скромность и осторожность государя, не желавшаго рисковать судьбою своего государства ради удовлетворенія своего самолюбія. Онъ уступалъ лавры Кутузову, котораго недолюбливалъ, угадывая, повидимому, что этотъ скрытый, замкнутый въ себѣ старикъ, опытный въ военномъ искусствѣ, составилъ опредѣленный и разумный планъ дѣйствій, о подробностяхъ котораго, изъ осторожности, онъ никому не говорилъ, даже государю. Надо добавить къ этому, что въ данномъ случаѣ Александръ I проявилъ рѣдкую способность цѣнить уроки жизни. Онъ не могъ, вѣроятно, забыть, что когда-то главнымъ виновникомъ аустерлицкаго пораженія былъ именно онъ самъ, рѣшивъ принять это сраженіе несмотря на то, что Кутузовъ совѣтовалъ отступить, предсказывая пораженіе.

Извѣстіе о тарутинскомъ сраженіи произвело на Наполеона удручающее впечатлѣніе. Онъ немедленно выступилъ изъ Москвы и пошелъ по Калужской дорогѣ.

Но какое впечатлѣніе произвело на Кутузова извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы?

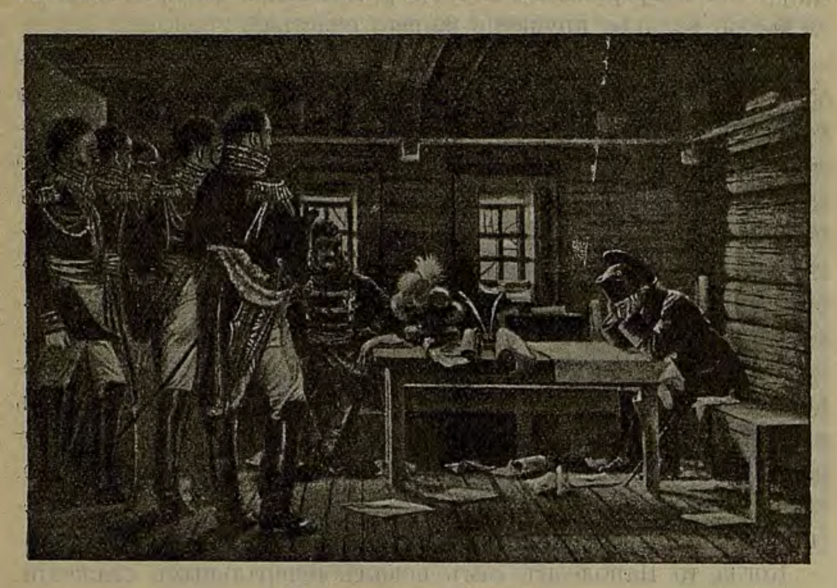
Когда ему доложили объ этомъ, онъ зарыдалъ и, обратясь къ образу Спасителя, произнесъ:

— Боже, Создатель мой! Наконецъ, ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!

Удивительнымъ чутьемъ стараго воина онъ сразу, по нѣкоторымъ признакамъ, понялъ планъ Наполеона. Онъ понялъ, что Наполеонъ намѣренъ былъ совершить обходъ Тарутинскаго лагеря слѣва и выйти къ Калугѣ черезъ Боровскъ и Малояро-

славецъ. Въ виду этого онъ приказалъ Дохтурову и Платову съ его казаками немедленно спѣшить къ Малоярославцу, а самъ выступилъ за ними со всею арміей, количество которой теперь простиралось, не считая казачьихъ полковъ, до 97 тысячъ человѣкъ.

Дохтуровъ и Платовъ, однако, не успѣли предупредить французское войско: хотя главныя силы Наполеона еще не дошли до Малоярославца, но городъ былъ уже занятъ одною французскою дивизіей. Дохтуровъ производилъ отчаянные

Наполеонъ въ Городни.

штурмы, чтобы выбить французовъ, когда около полудня къ мѣсту сраженія прибылъ съ частью своихъ войскъ самъ Наполеонъ. Въ то же время подошли и войска Кутузова. Обѣ арміи стояли одна противъ другой, и поля Малоярославца могли сдѣлаться мѣстомъ генеральнаго сраженія. Но Кутузовъ подкрѣпилъ Дохтурова только корпусомъ Раевскаго, не вводя въ бой остальныхъ войскъ. И Наполеонъ, ожидая прибытія остальныхъ корпусовъ своей арміи, предоставилъ вести сраженіе вице-королю Евгенію, подкрѣпивъ его только двумя дивизіями. Переходя цѣлый день изъ рукъ въ руки, Малояро-

славецъ былъ весь объятъ пламенемъ и догоралъ при непрерывномъ громѣ орудій. Ночью городъ былъ занятъ французами.

Это сраженіе было послѣднимъ, въ которомъ французы показали себя достойными своей славы: во всѣхъ остальныхъ сраженіяхъ они терпѣли затѣмъ только пораженія. «На этомъ злосчастномъ полѣ битвы,—съ грустью восклицаетъ въ своихъ мемуарахъ Сегюръ,—остановилось завоеваніе міра; здѣсь двадцать лѣтъ непрерывныхъ побѣдъ разсыпались въ прахъ; здѣсь началось великое крушеніе нашего счастья!»

Побѣда при Малоярославцѣ для Наполеона была ничтожна по результатамъ. Потерявъ много солдатъ убитыми и ранеными, онъ не рѣшился напасть на главныя силы Кутузова. Удалившись со своимъ штабомъ и гвардіей въ Городню (въ десяти верстахъ отъ Малоярославца), онъ призвалъ на совѣщаніе Мюрата и двухъ наиболѣе близкихъ къ нему генераловъ, Бертье и Бессьера. Онъ началъ совѣщаніе заявленіемъ о прибытіи къ Малоярославцу всѣхъ войскъ Кутузова и... замолчалъ, углубившись въ карту. Этимъ совѣщаніе и кончилось. На другой день, осмотрѣвъ поле битвы у Малоярославца и посовѣтовавшись съ тѣми же генералами, онъ рѣшилъ отступить къ Нѣману ближайшею и уже извѣстною ему дорогою на Можайскъ и Вязьму. Это рѣшеніе утвердилось у него, когда онъ узналъ, что Кутузовъ отошелъ далѣе по Калужской дорогѣ, преграждая ему путь на Юхновъ.

Когда то Наполеонъ самъ искалъ генеральныхъ сраженій, привыкнувъ наносить въ нихъ рѣшительный ударъ своимъ противникамъ. Теперь пришлось измѣнить излюбленную систему дѣйствій: амрія находилась въ полномъ разстройствѣ; солдаты были въ уныніи; среди начальниковъ частей господствовала полная растерянность. Никакой надежды на побѣду при такихъ условіяхъ не было. Пришлось отступать и, избирая кратчайшій путь отступленія, итти по опустошенной дорогѣ, обрекая себя голоду и всевозможнымъ лишеніямъ.

Кутузовъ, убѣдившись изъ донесеній, что Наполеонъ черезъ Верею и Можайскъ тянется на Смоленскую дорогу, и не зная, пойдетъ ли онъ отъ Можайска къ Витебску или къ Смоленску,

принялъ знаменитое и богатое послѣдствіями свое рѣшеніе—преслѣдовать непріятеля параллельными маршами. Онъ приказалъ арміи итти къ Вязьмѣ, Милорадовичу съ двумя пѣхотными и двумя кавалерійскими кропусами слѣдовать между арміей и Смоленской дорогой, пользуясь всѣми случаями къ нападенію, Платову съ его казаками—преслѣдовать непріятеля съ тыла и, наконецъ, партизанскимъ отрядамъ дѣлать набѣги на непріятельскія колонны.

А Наполеонъ между тѣмъ быстро шелъ на Вязьму, надѣясь благополучно добраться до Смоленска и расположиться

Французы на бивуакѣ.

тамъ на зимнія квартиры. Со своей гвардіей онъ прошелъ черезъ Вязьму, оставивъ около нея своихъ маршаловъ. Здѣсь войска Наполеона были настигнуты Милорадовичемъ и Платовымъ и потерпѣли пораженіе, потерявъ до 4 тысячъ убитыми и ранеными и до 3 тысячъ плѣнными. Вскорѣ послѣ этого разбитыя подъ Вязьмой французскія войска были вытѣснены и изъ Дорогобужа съ большими для нихъ потерями.

Съ этого момента открылся самый страшный періодъ отступленія французской арміи, такъ какъ началась зима съ такими сильными морозами, какихъ давно не бывало въ Россіи.

VII.

Бѣдствія французской арміи. Партизаны. Наполеонъ въ Смоленскѣ. Отступленіе французской арміи отъ Смоленска. Сраженіе при с. Красномъ. Переходъ Наполеона черезъ р. Березину и бѣгство его изъ Россіи. Походъ 1813 года. Сверженіе Наполеона.

Съ самаго начала отступленія французской арміи изъ Москвы она стала подвергаться всевозможнымъ бѣдствіямъ вслѣдствіе недостатка продовольствія и постоянныхъ нападеній русскихъ партизанскихъ отрядовъ. Теперь эти бѣдствія съ ка-

Отдыхъ арміи Наполеона во время отступленія.

ждымъ днемъ усиливались и принимали ужасающій характеръ, приводя великую армію въ полное разстройство. Потери, понесенныя Наполеономъ въ сраженіи подъ Вязьмой, были для его арміи несравненно менѣе гибельны, чѣмъ разстройство и упадокъ духа, овладѣвшіе французскими войсками послѣ понесеннаго ими пораженія. Войска спѣшно отступали, изнемогая отъ усталости. Несмѣтное число отсталыхъ тянулось вразбродъ и большею частью безъ оружія, которое многіе солдаты бросали, какъ лишнюю и безполезную тяжесть. Бросались обозы и ору-

дія. Полунагіе, одѣтыя во что попало, голодные, окоченѣлые отъ стужи, солдаты гибли сотнями, и каждый ночной бивакъ ихъ былъ покрытъ множествомъ труповъ. Исчезли всякіе признаки дисциплины. Всѣ связи дружбы, товарищества, преданности долгу уступали мѣсто чувству самосохраненія: всякій заботился только о себѣ, не подчиняясь приказаніямъ начальства, не обращая вниманія на самыхъ близкихъ людей. Нѣкоторые изъ солдатъ обирали своихъ товарищей, изнуренныхъ болѣзнями или раненыхъ; происходили драки изъ-за павшей лошади, которую тотчасъ разрѣзывали на части, чтобы утолить страшный голодъ. Толпами сдавались въ плѣнъ при появленіи партизанскихъ отрядовъ. Часто безоружные солдаты великой арміи окружали русскіе бивуаки, умоляя взять ихъ въ плѣнъ, или накормить и дать возможность погрѣться у русскихъ костровъ. Русскіе солдаты нерѣдко дѣлились съ такими несчастными сухарями и кашей. Многіе изъ французскихъ солдатъ замерзали или гибли отъ рукъ озлобленныхъ крестьянъ. Погибло при отступленіи великой арміи много и русскихъ плѣнныхъ; опасаясь, что они обнаружатъ бѣдственное состояніе французскаго войска, французы разстрѣливали ихъ, если они отставали; многіе, какъ и французы, погибали отъ стужи, болѣзней и голода.

Кутузовъ зналъ о такомъ состояніи арміи Наполеона, но попрежнему уклонялся отъ генеральнаго сраженія, разсчитывая на то, что непріятельскія войска и безъ сраженій будутъ совершенно ослаблены. Дѣйствуя осторожно, онъ надѣялся имѣть менѣе блестящіе, но зато, по его мнѣнію, болѣе вѣрные успѣхи. Двигаясь съ арміей въ своей странѣ, получая для своихъ войскъ въ изобиліи жизненные припасы изъ всѣхъ окрестныхъ губерній, оцѣпивъ армію Наполеона летучими партизанскими отрядами, не дававшими непріятелю ни отдыха ни возможности добывать продовольствіе, онъ надѣялся сохранить свои войска и подвергнуть изнуренную и ослабленную непріятельскую армію окончательнымъ ударамъ со стороны Чичагова и Виттенштейна, которые должны были загородить ей дорогу.

При осуществленіи этого плана Кутузову оказали великую услугу партизанскіе отряды.

Эти отряды стали формироваться въ то время, когда война начала пріобрѣтать народный характеръ, т.-е. со дня Бородинской битвы. По инициативѣ полковника Давыдова и подъ его начальствомъ была составлена небольшая партія легкаго войска, отбивавшая у непріятеля обозы, забиравшая отсталыхъ и нападавшая на непріятельскихъ фуражировъ *). Не ограничиваясь формированіемъ партизанскихъ отрядовъ, Давыдовъ

Партизанъ Фигнеръ.

постарался внести нѣкоторую организацію и въ крестьянскія банды, составлявшіяся почти по всей Смоленской губерніи.

Число партизанскихъ отрядовъ быстро увеличивалось, и вскорѣ къ имени Давыдова присоединились имена Кудашева, Фигнера, Сеславина, Вадбольскаго и другихъ самоотверженныхъ защитниковъ родины.

---

*) Дѣятельность Давыдова дала богатый матеріалъ автору «Войны и мира» для обрисовки одного изъ главныхъ его героевъ—Денисова.

Получивъ полную самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, партизаны выработали свою особую тактику. Они двигались обыкновенно ночью, по проселочнымъ дорогамъ, быстро переходили съ одного мѣста на другое, располагаясь для отдыха въ лѣсахъ и оврагахъ. Никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ, куда идетъ онъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Получивъ свѣдѣнія отъ крестьянъ или отъ своихъ разъѣздовъ о приближеніи непріятеля, партизанскій начальникъ отправлялся съ нѣсколькими офицерами и казаками на рекогносцировку, старался предварительно изучить природныя условія мѣстно-

Партизанъ Давыдовъ.

сти и силы противника и, возвращаясь къ своимъ, или велъ ихъ на непріятеля или, если непріятель былъ ему не по силамъ, давалъ о немъ знать ближайшему отряду русскихъ войскъ, а то и въ главную квартиру. Извѣстія эти доставлялись по назначенію либо черезъ кого-нибудь изъ офицеровъ, либо черезъ крестьянъ, которые служили партизанскими проводниками *). Нападеніе на непріятеля обыкновенно производилось неожиданно, быстро, по возможности, съ разныхъ сторонъ. Если

*) Типъ такого крестьянина выведенъ Л. Н. Толстымъ въ лицѣ Трифона.

Партизаны въ засадѣ.

партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ ими плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ казаковъ или крестьянъ; если же, вслѣдствіе значительнаго разстоянія или малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ въ главную квартиру оказывалось невозможнымъ, то ихъ большею частью разстрѣливали. Справедливость требуетъ признать, что нѣкоторые изъ нашихъ партизановъ (въ особенности Фигнеръ) поступали очень жестоко не только съ сопротивлявшимися имъ французами, но и съ безоружными плѣнными, предавая ихъ мщенію озлобленныхъ крестьянъ или пристрѣливая при захватѣ въ плѣнъ.

Наиболѣе типичнымъ изъ всѣхъ нашихъ партизановъ является Фигнеръ, о которомъ мы сообщимъ читателю нѣсколько свѣдѣній *).

Капитанъ Фигнеръ, отъ всей души ненавидя Наполеона, готовился къ смерти съ самаго начала отечественной войны, ежедневно ходилъ по церквамъ и молился. Когда Москва была занята французами, онъ, съ разрѣшенія Кутузова, отправился туда, въ теченіе дня ходилъ по городу, переодѣтый то во фракъ, то въ крестьянскую сермягу, пробирался въ дома, занятые французами, и вывѣдывалъ, чтó ему было нужно, а ночью, вооруживъ нѣсколькихъ жителей, охотился за бродившими по Москвѣ французскими солдатами и убивалъ ихъ. Говорятъ, онъ искалъ случая убить и самого Наполеона. Когда открылись дѣйствія партизанскихъ отрядовъ по выступленіи Наполеона изъ Москвы, Кутузовъ послалъ его съ небольшимъ отрядомъ въ тылъ непріятельской арміи. Скрываясь въ лѣсахъ, перенося голодъ и стужу, отрядъ Фигнера производилъ неожиданныя нападенія на непріятельскіе обозы, на фуражировъ и на небольшія французскія колонны. Иногда онъ одинъ, переодѣтый въ форму французскаго офицера, пробирался въ средину непріятельскихъ войскъ и, пользуясь своимъ прекраснымъ знаніемъ французскаго языка, производилъ развѣдки, сообщая о результатахъ въ главную квартиру Кутузова. Изъ множества его отважныхъ и рискованныхъ предпріятій, разскажемъ объ одномъ, отчаянно-смѣломъ.

*) Богдановичъ, т. II стр. 382—385. Его дѣятельность дала Л. Н. Толстому матеріалъ для обрисовки типичнаго партизана Долохова.

Переодѣвшись во французскіе мундиры, Фигнеръ и находившійся въ его отрядѣ поручикъ Сумскаго гусарскаго полка Орловъ отправились однажды верхомъ въ село Вороново, гдѣ находился тогда лагерь французскаго авангарда и была расположена главная квартира Мюрата. Пробравшись незамѣтно чрезъ французскую цѣпь, они подъѣхали къ мосту черезъ рѣчку, прикрывавшую французскіе биваки. Часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ ихъ окликомъ:

— Qui vive? (кто идетъ?).

И потребовалъ отъ нихъ пароль.

Плѣнные французы.

Фигнеръ вмѣсто пароля, — котораго онъ, разумѣется, не зналъ,—распекъ по-французски часового за неправильное будто бы требованіе, обращенное къ офицерамъ, провѣряющимъ посты. Часовой, сбитый съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ, явился какъ свой. Здѣсь онъ подъѣзжалъ ко многимъ кострамъ, хладнокровно разговаривалъ съ офицерами и солдатами и, узнавъ все, что́ было ему нужно, возвратился съ своимъ товарищемъ къ мосту. Снова сдѣлавъ замѣчаніе знакомому часовому, онъ переѣхалъ мостъ; шагомъ подъѣхали партизаны къ французской цѣпи и затѣмъ ускакали

къ своимъ подъ выстрѣлами не въ пору догадавшихся объ обманѣ французскихъ солдатъ *).

Потери, понесенныя французскими войсками отъ партизановъ, не подлежатъ точному подсчету; но онѣ были громадны, и дѣйствія партизановъ наводили на французскихъ солдатъ панику. При одномъ словѣ: «казаки!» (такъ французы называли и настоящихъ казаковъ и партизановъ) среди нихъ поднималось страшное смятеніе; многіе немедленно бросали оружіе и просили пощады.

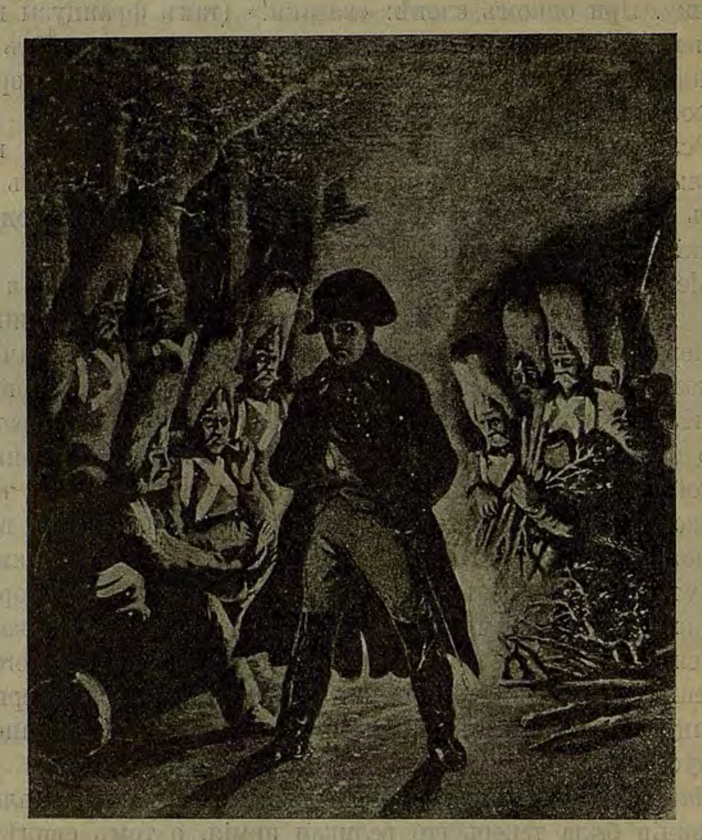
Ослабляя непріятеля отдѣльными и неожиданными нападеніями казаковъ и партизановъ, Кутузовъ поднималъ бодрость духа въ своихъ войскахъ. Особенно сильно ободрилъ русскія войска слѣдующій случай.

Между Ельнею и Смоленскомъ стояла 2-хъ тысячная бригада генерала Ожеро. Партизаны Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, соединивъ свои небольшіе отряды съ 7-ю казачьими полками гр. Орлова-Денисова, врасплохъ напали на эту бригаду. Послѣ непродолжительной битвы Ожеро съ 66-ю офицерами и всею бригадой сдался на капитуляцію. Въ тотъ же день, съ другой стороны Смоленска, Платовъ со своими казаками, тѣсня войска вице-короля Евгенія, послѣ удачнаго нападенія, взялъ 3 тысячи французовъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 64 орудіями, а затѣмъ, на другой день, нанесъ страшное пораженіе его корпусу при его переправѣ чрезъ р. Вопь, при чемъ еще захватилъ 2 тысячи плѣнныхъ и 23 пушки. Вице-король послѣ этого пораженія явился въ Смоленскъ, гдѣ сосредоточились теперь всѣ французскія войска, съ жалкими остатками своего италіанскаго корпуса и почти совсѣмъ безъ артиллеріи.

Наполеонъ добрался до Смоленска. Но въ какомъ жалкомъ состояніи была теперь его великая армія, о томъ свидѣтельствуетъ донесеніе Наполеону начальника штаба французскихъ войскъ, маршала Бертье. «Войска Вашего Величества,—писалъ онъ,—находятся въ полнѣйшемъ разбродѣ. Только четвертая часть солдатъ остается подъ знаменами; прочіе идутъ сами по себѣ, разными дорогами, стараясь сыскать пропитаніе и изба-

*) Срав. разсказъ Л. Н. Толстого о посѣщеніи французскаго лагеря Долоховымъ и Петей Ростовымъ.

виться отъ службы. Всѣ думаютъ только о томъ, чтобы дойти до Смоленска, гдѣ надѣются отдохнуть. Въ послѣдніе дни многіе солдаты побросали ружья и патроны; солдаты изнурены голодомъ и усталостью; многіе умерли отъ изнуренія на дорогѣ и на бивуакахъ».

Наполеонъ на бивуакѣ.

Отступавшія французскія войска надѣялись отдохнуть въ Смоленскѣ. Но эти надежды не оправдались. Запасовъ въ Смоленскѣ оказалось такъ мало, что только гвардію и первыя пришедшія за нею части войскъ можно было до нѣкоторой степени удовлетворить ими. Толпы другихъ, безпрестанно подходившихъ, солдатъ въ отчаяніи ломились къ магазинамъ, и

Бѣгство Наполеоновской арміи.

ихъ оттоняли силою, точно чужихъ. Не было припасовъ; не было квартиръ!.. Надо было снова итти отъ этого города,—къ которому солдаты шли, какъ къ обѣтованной землѣ,—итти къ лишеніямъ и бѣдствіямъ. Наполеонъ старался не видѣть тѣхъ ужасныхъ сценъ отчаянія, страданія и озлобленія, которыя ежедневно разыгрывались въ его арміи. Во время своего пятидневнаго пребыванія въ Смоленскѣ онъ не выходилъ изъ занятаго имъ дома, подавленный тяжелыми впечатлѣніями отъ своихъ неудачъ. Надежда зимовать въ Смоленскѣ и привести въ порядокъ великую армію погибла. Надо было итти дальше; необходимо было отступать, подъ страхомъ, что Витгенштейнъ, соединившись съ Чичаговымъ, загородятъ дорогу, а въ тылу будутъ находиться свѣжія войска Кутузова.

2-го ноября онъ выступилъ изъ Смоленска. Теперь это было уже и не отступленіе, а прямо бѣгство. Подъ ружьемъ у Наполеона было не болѣе 35 тыс. человѣкъ: всѣ остальные представляли нестройную толпу безоружныхъ, оборванныхъ, окутанныхъ лохмотьями, изнуренныхъ всевозможными бѣдствіями и лишеніями. Артиллерія находилась въ жалкомъ положеніи отъ недостатка здоровыхъ лошадей.

Но эти 35 тысячъ солдатъ, находившихся подъ ружьемъ, составляли еще сильное ядро разлагавшейся военной арміи; особенно—гвардія, и Кутузовъ считалъ болѣе благоразумнымъ избѣгать рѣшительной битвы съ Наполеономъ, зная, что она можетъ причинить и его войскамъ тяжкія потери. Окружавшимъ его начальникамъ, горѣвшимъ нетерпѣніемъ нанести Наполеону послѣдній ударъ и объяснившимъ тактику Кутузова его дряхлостью и природною нерѣшительностью, онъ говорилъ: «За десятерыхъ французовъ не отдамъ я одного русскаго. Непріятели скоро всѣ пропадутъ; а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?» Не надо забывать, что за границей, до которой было не такъ ужъ далеко, стояла вооруженная и пока покорная Наполеону Европа: тамъ у Наполеона было еще достаточно резервовъ для продолженія борьбы и достаточно средствъ для пополненія своей арміи новыми наборами.

Однако, выдержать свою систему до конца Кутузовъ не

могъ. Сами обстоятельства складывались такъ, что приходилось изрѣдка вступать съ непріятелемъ въ кровопролитныя сраженія. Тарутино, Малоярославецъ, Вязьма—эти три пункта ознаменованы были громадными потерями для Наполеона; но значительны были потери и у русскихъ. Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія при Вязьмѣ обстоятельства снова сложились такъ, что новое сраженіе представлялось неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что русскія войска рвались въ бой. Кутузовъ могъ дѣлать только одно: избѣгать генеральнаго сраженія, дѣйствуя только авангардомъ и подкрѣпляя этотъ авангардъ отдѣльными частями своей арміи.

Такъ поступилъ онъ и тогда, когда всѣ силы Наполеоновской арміи стали сосредоточиваться подъ Краснымъ. Здѣсь сраженія происходили въ теченіе трехъ дней, и главными дѣйствующими лицами въ нихъ были, со стороны русскихъ, Милорадовичъ, командовавшій авангардомъ, и атаманъ Платовъ, разбившіе корпуса маршаловъ Даву и Нея съ помощью части Кутузовской арміи, которою командовалъ кн. Голицынъ. Въ этихъ сраженіяхъ подъ Краснымъ Наполеонъ потерялъ 26 тысячъ человѣкъ плѣнными, въ томъ числѣ много офицеровъ и 6 генераловъ; кромѣ того, отбито было у него 150 орудій и много обозовъ. Самъ онъ, со своею гвардіей и съ италіанскимъ корпусомъ вице-короля Евгенія, не участвовалъ въ этихъ сраженіяхъ, поспѣшно удалившись отъ Краснаго въ Оршу при приближеніи арміи Кутузова и оставивъ Даву и Нея на произволъ судьбы. Оба маршала спаслись съ остатками своихъ корпусовъ, при чемъ Ней явился въ Оршу совсѣмъ безъ артиллеріи и привелъ съ собою изъ своего корпуса всего только 500 человѣкъ.

Великая армія Наполеона таяла съ каждымъ днемъ. Теперь уже и въ рядахъ старой гвардіи падала дисциплина и господствовало уныніе. Преслѣдуя французскія войска на переходѣ къ Оршѣ, передовые отряды Ермолова и Платова чуть не на каждой верстѣ забирали толпами отсталыхъ французскихъ солдатъ, среди которыхъ было много и гвардейцевъ. Казаки захватывали большіе обозы и множество экипажей, въ которыхъ иногда находили большія денежныя суммы и драгоцѣнности, награбленныя французскими генералами въ Москвѣ.

Изъ Орши Наполеонъ двинулся къ Борисову, не зная, что этотъ городъ уже занятъ Чичаговымъ, подошедшимъ къ рѣкѣ Березинѣ, гдѣ Кутузовъ предполагалъ, въ исполненіе приказанія Государя, окружить Наполеона и всю его армію «истребить до послѣдняго человѣка» *). Въ то же время войсками Чичагова занятъ былъ и Минскъ, гдѣ найдены были огромные запасы хлѣба, приготовленные, по приказанію Наполеона, для его голодной арміи.

Плѣнные передъ Наполеономъ.

Занятіе русскими войсками Минска и Борисова, повидимому, дѣлало невозможнымъ для Наполеона переправу черезъ рѣку Березину. Извѣстія о занятіи русскими этихъ двухъ городовъ, полученныя одно за другимъ, страшно поразило Наполеона и его маршаловъ.

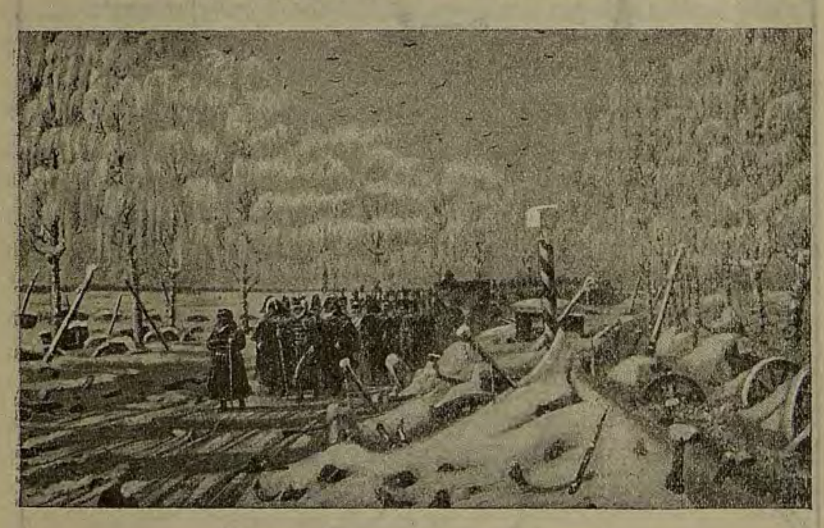
— Ну, что-жъ! сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, когда ему сообщили о Минскѣ: намъ остается проложить себѣ путь штыками.

*) Послѣ отъѣзда Тормасова въ Тарутино Чичаговъ соединилъ подъ своимъ начальствомъ обѣ арміи, и западную и дунайскую.

Но когда онъ узналъ, что Борисовъ и переправа черезъ р. Березину заняты русскими войсками, онъ не могъ уже сохранить и тѣни хладнокровія. Это извѣстіе ему сообщили въ то время, когда онъ шелъ впереди своихъ войскъ пѣшкомъ, на пути отъ Орши къ Толочину, опираясь на простую березовую палку.

Онъ остановился, ударилъ палкой въ землю и, въ отчаяніи поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ:

— Видно, *тамъ* суждено, чтобы мы дѣлали только глупости!

Наполеонъ на пути къ р. Березинѣ.

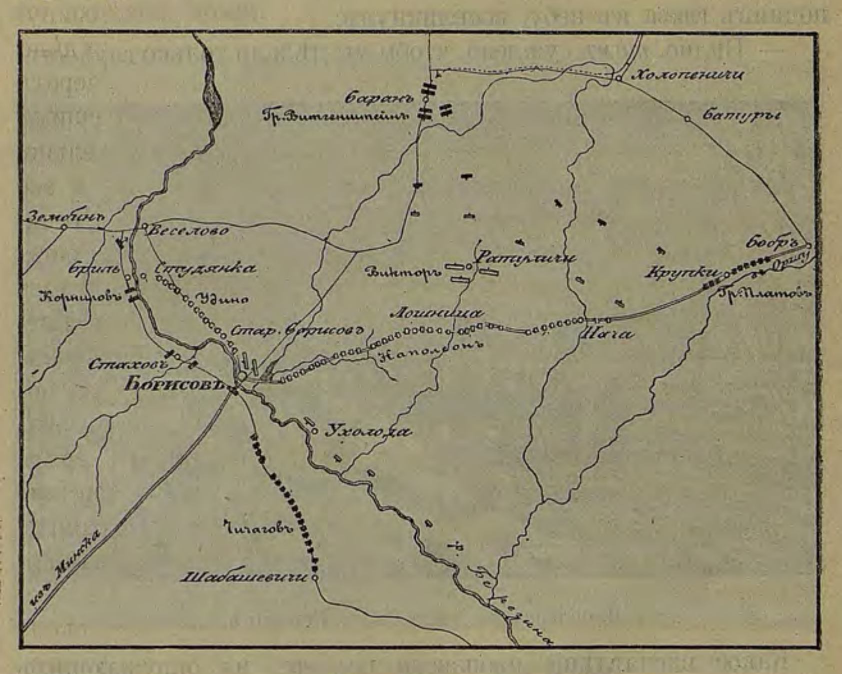
Какое впечатлѣніе произвело все это на окружающихъ Наполеона, видно изъ того, что нѣкоторые генералы стали уже говорить о необходимости положить оружіе и сдаться.

Но Наполеонъ, овладѣвъ собою, рѣшилъ во что бы то ни стало прорваться чрезъ Березину.

И это ему удалось, хотя и обошлось, какъ увидимъ, очень дорого. Переходъ черезъ р. Березину, несмотря на страшныя потери, былъ блестящимъ подвигомъ Наполеона. Здѣсь послѣдній разъ блеснулъ его военный геній, помогшій ему проскользнуть между двумя сильными и свѣжими арміями Чичагова и Витгенштейна, которыя, по плану императора Александра,

должны были захватить его со всѣми остатками его великой арміи. Планъ Александра и надежды Кутузова не осуществились: непріятели не были истреблены до послѣдняго человѣка, и не только самъ Наполеонъ, но и ни одинъ изъ его старшихъ генераловъ не были захвачены въ плѣнъ.

Какъ же произошла эта знаменитая переправа черезъ рѣку Березину?

Карта переправы Наполеона черезъ р. Березину.

Оставшись далеко отъ р. Березины, Кутузовъ поручилъ преслѣдованіе Наполеона своимъ передовымъ корпусамъ и партизанскимъ отрядамъ, разсчитывая, что Чичаговъ и Витгенштейнъ, соединившись, отрѣжутъ Наполеону путь къ отступленію.

Чичаговъ, какъ мы видѣли, занялъ Минскъ и Борисовъ и ждалъ Виттенштейна.

Но Наполеонъ не потерялся. У него быстро созрѣлъ планъ спасенія. Онъ воспользовался корпусами маршаловъ Удино и

Виктора, прикрывавшими его отступленіе отъ войскъ Виттенштейна. Маршалу Удино онъ приказалъ итти на Борисовскую дорогу и составлять авангардъ великой арміи, а Виктору — удерживать Витгенштейна, пока не подойдетъ къ р. Березинѣ вся армія, и затѣмъ составлять ея арріергардъ.

Удино со своимъ корпусомъ устремился къ Борисову и почти врасплохъ обрушился на русскій авангардъ, не успѣвшій еще устроиться какъ слѣдуетъ у переправы черезъ р. Березину, разбилъ его и взялъ Борисовъ. Разбитый маршаломъ Удино русскій авангардъ съ большимъ трудомъ переправился черезъ р. Березину и соединился съ войсками Чичагова, стоявшими на другомъ берегу. Нападеніе Удино было такъ стремительно, что ему удалось захватить не только русскій обозъ, но и все дежурство въ Борисовѣ, вмѣстѣ съ столовымъ сервизомъ Чичагова. Единственно, что успѣли сдѣлать русскія войска, оставляя Борисовъ, это—сжечь мостъ черезъ р. Березину. Но этимъ обстоятельствомъ Удино съумѣлъ воспользоваться для того, чтобы обмануть Чичагова. Найдя удобное мѣсто переправы выше г. Борисова у сел. Студянки и принявшись тамъ за постройку моста, онъ отправилъ команду въ сел. Ухолоду, значительно ниже Борисова, дѣлая видъ, что именно въ этомъ мѣстѣ готовится переправа. Въ то же время черезъ евреевъ, вызывавшихся служить ему проводниками, онъ распространилъ слухъ о своемъ намѣреніи итти на Минскъ, куда ближайшій путь лежалъ черезъ сел. Ухолоду.

Мало-по-малу всѣ войска Наполеона сосредоточились около г. Борисова. Виттенштейнъ остановился въ 30 верстахъ къ с.-в. отъ сел. Студянки въ м. Баранъ. Между нимъ и главными силами Наполеона расположился корпусъ Виктора. Чичаговъ держалъ свою армію на другомъ берегу р. Березины около г. Борисова, противъ арміи Наполеона.

Въ ночь съ 13 на 14 ноября войска Наполеона, соблюдая величайшую тишину, двинулись къ Студянкѣ. Одновременно, въ ту же ночь, Чичаговъ, обманутый маневрами Удино и распущенными имъ слухами о предполагаемомъ его движеніи на Минскъ, повелъ свои войска внизъ по теченію р. Березины, чтобы загородить дорогу Наполеону къ Минску, оставивъ выше

г. Борисова, для наблюденія за непріятельскими войсками, незначительный отрядъ Корнилова. Витгенштейнъ въ это время бездѣйствовалъ въ Баранѣ, полагая, что Кутузовъ со всѣми своими силами по пятамъ преслѣдуетъ Наполеона.

Къ полудню слѣдующаго дня мостъ у сел. Студянки былъ готовъ, и войска Наполеона начали переправляться, оттѣснивъ безъ труда отрядъ Корнилова. Вскорѣ былъ готовъ и другой мостъ—для артиллеріи. Весь вечеръ и всю ночь лично распоряжаясь переправой, Наполеонъ 15-го ноября былъ уже со всею своей гвардіей на другомъ берегу р. Березины. И только теперь

Бивуакъ французовъ на берегу Березины.

обманутый Чичаговъ вернулся къ г. Борисову, куда подошелъ и Витгенштейнъ, захватившій по пути въ плѣнъ цѣлую французскую дивизію, отдѣлившуюся отъ арміи Наполеона.

Витгенштейнъ и Чичаговъ соединили свои войска у г. Борисова. Но было поздно. Наполеонъ съ гвардіей ушелъ. На лѣвомъ берегу р. Березины оставался только корпусъ Виктора, прикрывавшій отступленіе Наполеоновской гвардіи.

Но Викторъ не желалъ сдаваться русскимъ войскамъ. Пробивая себѣ дорогу штыками, его корпусъ, осыпаемый гранатами съ русскихъ баттарей, подъ страшнымъ огнемъ сталъ переходить по двумъ мостамъ р. Березину. Но кромѣ войскъ

Виктора на берегу Березины собралось много безоружныхъ солдатъ, давно уже толпами слѣдовавшихъ за арміей, а также и много обозовъ. Все это бросилось къ мостамъ вмѣстѣ съ войсками Виктора. Началась страшная давка, въ виду того, что надо было торопиться съ переправой, такъ какъ мосты приказано было зажечь, и на нихъ приготовлены были уже, по распоряженію Наполеона, зажигательные снаряды. Генералъ, имѣвшій это порученіе, ждалъ долго, надѣясь спасти всѣхъ, попавшихъ на мосты. Но это ему не удалось. Приближались русскія войска, и мосты были зажжены. Тогда явилось ужасное зрѣлище: люди, лошади, обозы горѣли на мостахъ, падали въ

Переправа французовъ черезъ р. Березину.

воду, тонули въ рѣкѣ среди льдинъ. Рѣка запрудилась повозками и трупами людей и лошадей... А на лѣвомъ берегу р. Березины оставалось еще множество безоружныхъ, раненыхъ, больныхъ, среди которыхъ было много женщинъ и дѣтей, такъ какъ съ французской арміей выѣхали изъ Москвы и семейства жившихъ тамъ французовъ. Пространство между переправой и сел. Студянкой болѣе чѣмъ на одну квадратную версту было покрыто всякаго рода экипажами и обозами: все это досталось въ добычу русскихъ.

Потери Наполеона при переправѣ черезъ р. Березину были громадны. Изъ войскъ, бывшихъ подъ ружьемъ, онъ потерялъ

не менѣе 25 тысячъ человѣкъ, а если считать безоружныхъ и отсталыхъ, то всего потерь было отъ 45 до 50 тысячъ. Кромѣ того, русскими войсками было захвачено 24 орудія, и много пушекъ было потоплено. Три дня спустя послѣ переправы черезъ р. Березину у Наполеона оставалось только 9 тысячъ солдатъ изъ той громадной арміи, съ которой онъ вошелъ въ Россію.

Бросивъ на произволъ судьбы эти остатки своей арміи, Наполеонъ помчался въ Парижъ, чтобы готовиться къ продолженію отчаянной борьбы *).

Наполеонъ у р. Березины.

Остатки Наполеоновской арміи добрались до Вильны. Но Вильна вскорѣ со всѣхъ сторонъ была окружена партизанскими отрядами, отбившими у французовъ почти всю артиллерію, обозы и казну и прогнавшими въ Ковно всѣхъ, кого не успѣли захватить въ плѣнъ. Изъ Ковно черезъ границу перешло только 1500 строевыхъ солдатъ съ 9 пушками да нѣсколько тысячъ безоружныхъ. Вскорѣ вышли изъ Россіи и войска, дѣйство-

*) О состояніи арміи безъ Наполеона см. интересную главу въ воспоминаніяхъ Сетюра: «Армія безъ Наполеона».

вавшія отдѣльно отъ главныхъ силъ Наполеона: корпуса Шварценберга и Макдональда. Кутузовъ занялъ Вильну.

Получивъ извѣстіе отъ Кутузова о занятіи русскими войсками Вильны, Александръ I выѣхалъ изъ Петербурга и въ концѣ ноября прибылъ въ Вильну. Первымъ его дѣломъ было— наградить престарѣлаго вождя русской арміи орденомъ Св. Георгія I степени. А русскимъ войскамъ, въ лицѣ русскихъ генераловъ, государь сказалъ достопамятныя слова:

— Вы спасли не одну Россію: вы спасли Европу.

Отечественная война окончилась. Но ограничиться изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи Александръ I не могъ. Это значило

Остатки великой арміи.

бы остановиться на полдорогѣ и было бы большею политическою ошибкой, такъ какъ миръ съ Наполеономъ былъ бы лишь кратковременнымъ перемиріемъ. Наполеонъ долженъ былъ воевать, чтобы спасти свое положеніе если не въ Европѣ, то во Франціи: онъ держался на престолѣ только успѣхомъ, славою, побѣдами и пріобрѣтеніями. Безъ нихъ онъ переставалъ царствовать, теряя въ глазахъ своего народа право на царствованіе.

И надо было торопиться, такъ какъ Германія съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидала прихода русскихъ войскъ, какъ опоры для возстанія противъ владычества Наполеона. На успѣхъ

можно было разсчитывать, но—при одномъ условіи: Наполеона можно было одолѣть только посредствомъ коалиціи, и коалиціи полной. Поэтому прежде всего, прежде чѣмъ Наполеонъ соберется съ силами, необходимо было составить противъ него коалицію.

Но въ то же время надо было дѣйствовать быстро и рѣшительно.

И вотъ, не сомнѣваясь въ союзѣ Пруссіи и въ томъ, что всюду, гдѣ появятся русскіе, къ нимъ пристанутъ освобожденные государи и народы, Александръ I рѣшилъ немедленно двинуть свои войска,—которыхъ теперь въ его распоряженіи было не болѣе 150 тысячъ человѣкъ, — за границу, несмотря

Русскіе солдаты въ Германіи.

на то, что нѣкоторые изъ его ближайшихъ совѣтниковъ, и прежде всего Кутузовъ, были противъ этого. Въ концѣ концовъ Кутузовъ примирился съ этимъ рѣшеніемъ Государя. Любопытно, какъ благодушный и преданный Государю Кутузовъ оправдывался, когда его однажды упрекнули въ томъ, что онъ не отстаивалъ своего мнѣнія о необходимости остановиться у границы и не двигаться далѣе.

— Я представлялъ Государю объ этомъ,—отвѣчалъ онъ,—но первое: онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую

также совсѣмъ опровергнуть не можно, и другое, скажу про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ.

Войска перешли границу. Вскорѣ былъ заключенъ формальный договоръ съ Пруссіей. Народъ встрѣчалъ русскихъ солдатъ, какъ своихъ освободителей. Особенно трогательна была та популярность, которую русскіе солдаты пріобрѣли среди дѣтей...

Не такъ легко было привлечь къ союзу Австрію, гдѣ властвовалъ всесильный министръ Меттернихъ, для котораго инте-

Лейпцигская битва.

ресы Австріи и Габсбургскаго дома были выше интересовъ общеевропейскихъ. Австрія, съ одной стороны, соперничала съ Пруссіей въ вопросѣ о господствѣ надъ остальными нѣмецкими государствами и опасалась ея усиленія; а съ другой стороны—ея вступленіе въ коалицію затруднялось опасеніемъ, что съ паденіемъ Наполеона начнется невыгодное для нея преобладаніе въ Европѣ Россіи. Она вступила въ союзъ только тогда, когда война между Наполеономъ и его главными соперниками,—Пруссіей и Россіей,—началась и когда вполнѣ обнаружилось, что одна она не добьется дипломатическимъ путемъ отъ Наполеона никакихъ уступокъ.

Наполеону удалось снова собрать большую армію, преимущественно изъ новобранцевъ, и онъ быстро двинулся съ нею въ Саксонію, навстрѣчу союзникамъ, къ которымъ еще не присоединилась тогда Австрія. Здѣсь онъ одержалъ надъ ними побѣду въ кровопролитной Люценской битвѣ, послѣ которой въ коалицію вошли Австрія и Англія.

За Люценской битвой послѣдовала «великая битва народовъ» подъ Лейпцигомъ, проигранная Наполеономъ. Меттернихъ и находившійся подъ его вліяніемъ англійскій уполномоченный лордъ Каслъри стали усиленно склонять Александра I къ за-

Въѣздъ Александра I въ Парижъ.

ключенію мира съ Наполеономъ, который въ ихъ глазахъ, прежде всего, являлся противовѣсомъ противъ преобладанія Россіи и паденія котораго поэтому они не желали. Нѣкоторую роль играло въ этомъ дѣлѣ и то обстоятельство, что Марія-Луиза, вторая жена Наполеона, была дочерью австрійскаго императора Франца I. Но Александръ I, опираясь на искреннюю поддержку прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, настойчиво стремился довести до конца начатое имъ дѣло.

— Положеніе дѣлъ необходимо требуетъ,—говорилъ онъ Меттерниху и Каслъри, чтобы мы продолжали войну: всякіе переговоры, неизбѣжно связанные съ потерею времени, дадутъ

непріятелю возможность усилиться. Я увѣренъ въ счастливомъ окончаніи войны, если союзники будутъ единодушны.

Когда же Меттернихъ и Касльри продолжали настаивать на заключеніи мира, онъ объявилъ имъ:

— Это будетъ не миръ, а перемиріе, которое позволитъ вамъ разоружиться лишь на минуту. Я не могу каждый разъ

Людовикъ XVIII.

поспѣвать вамъ на помощь за 400 льё. Не заключу мира, пока Наполеонъ будетъ оставаться на престолѣ.

Въ 1814 году война была перенесена на территорію Франціи. Наполеонъ, пользуясь разногласіями между союзниками, одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ. Но судьба его была рѣшена. Въ концѣ марта Парижъ былъ взятъ, и союзники вступили въ него при восторженной встрѣчѣ со стороны большинства

населенія, не оставлявшей никакого сомнѣнія въ неизбѣжности паденія Наполеона.

Наполеонъ принужденъ былъ отречься отъ престола и получилъ во владѣніе островъ Эльбу, въ Средиземномъ морѣ, съ сохраненіемъ императорскаго титула, а на французскомъ престолѣ возстановлена была династія Бурбоновъ, въ лицѣ брата казненнаго во время революціи короля, Людовика XVIII, давшаго Франціи, по настоянію Александра I конституцію. Попытка Наполеона вернуть себѣ престолъ, его бѣгство съ острова Эльбы и трехмѣсячное пребываніе во Франціи, — извѣстное во исторіи подъ именемъ «ста дней»,—все это закончилось несчастной для него битвой при Ватерлоо, послѣ которой онъ бѣжалъ на одинъ англійскій корабль и, объявленный здѣсь «плѣнникомъ Европы», былъ отправленъ на отдаленный островъ Св. Елены въ Атлантическомъ океанѣ. Здѣсь онъ спустя шесть лѣтъ и умеръ.

Бѣгство Наполеона послѣ Ватерлоо.

Заключеніе.

Оцѣнка личности и дѣятельности Кутузова. Историческая роль императора Александра I въ европейской политикѣ. Русскій крестьянинъ и русскій солдатъ въ отечественной войнѣ. Переломъ въ настроеніи императора Александра I подъ вліяніемъ событій 1813—1814 г.г. Значеніе отечественной войны и заграничнаго похода въ культурной исторіи Россіи.

И многіе современники и нѣкоторые историки упрекали Кутузова за то, что онъ «выпустилъ Наполеона изъ Россіи»; его считали главнымъ виновникомъ того, что планъ императора Александра I «истребить всѣхъ непріятелей до послѣдняго человѣка» не былъ осуществленъ. Одни говорили, что онъ на пути къ Березинѣ могъ неоднократно нанести рѣшительный ударъ Наполеону; другіе утверждали, что его личное присутствіе на Березинѣ «придало бы дѣйствіямъ нашихъ войскъ ту связь, то единство, безъ которыхъ наилучшія соображенія не могутъ повести къ достиженію предполагаемой цѣли» и что при его личномъ присутствіи немыслима была бы безспорная ошибка адмирала Чичагова, осмѣянная въ извѣстной баснѣ Крылова «Щука и Котъ». Но всѣ обвинявшіе и обвиняющіе Кутузова въ томъ, что онъ выпустилъ изъ Россіи Наполеона, вмѣстѣ съ его маршалами и старыми офицерами и унтеръ-офицерами, и, такъ сказать, далъ ему возможность возобновить борьбу, стоившую и Россіи и другимъ государствамъ многихъ жертвъ, признаютъ во всякомъ случаѣ и его великую заслугу передъ Россіей и подыскиваютъ оправданіе его «ошибкѣ».

Кутузовъ,—говоритъ офиціальный историкъ Отечественной войны,—не хотѣлъ въ конецъ изнурить свою армію усиленными походами и вовсе не имѣлъ намѣренія вступать въ рѣшительный бой съ геніальнымъ противникомъ и его арміей, которая, будучи поставлена въ отчаянное положеніе, могла продать дорогою цѣною свое существованіе. Фельдмаршалъ надѣялся и безъ того достигнуть цѣли войны,—уничтожить непріятель-

скія войска, сохранивъ собственныя. Эти соображенія спасли многія тысячи нашихъ воиновъ *).

Но самое простое объясненіе дѣйствія Кутузова мы находимъ у нашего великаго писателя-художника гр. Л. Н. Толстого, не зараженнаго военными и ложно-патріотическими предразсудками, въ его классической эпопеѣ «Война и Миръ».

Подробно разбирая всѣ обстоятельства, оправдывающія дѣйствія Кутузова, Л. Н. Толстой, между прочимъ, говоритъ: «Это (т. е. отрѣзать отступленіе Наполеону) было невозможно потому, что никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, не было войны при тѣхъ страшныхъ условіяхъ, при которыхъ она происходила въ 1812 году, и русскія войска въ преслѣдованіи французовъ напрягли всѣ свои силы и не могли сдѣлать большаго, не уничтожившись сами. Въ движеніи русской арміи отъ Тарутина до Краснаго выбыло изъ строя 50 тысячъ больными и отсталыми, т. е. число, равное населенію большого губернскаго города. Половина людей выбыла изъ арміи безъ сраженій.

И объ этомъ-то періодѣ компаніи, когда войска безъ сапогъ и шубъ, съ неполнымъ провіантомъ, безъ водки, по мѣсяцамъ ночуютъ въ снѣгу и при 15° мороза; когда дня только 7—8 часовъ, остальное—ночь, во время которой не можетъ быть вліянія дисциплины; когда люди по мѣсяцамъ живутъ, всякую минуту борясь со смертью отъ голода и холода; когда въ мѣсяцъ погибаетъ половина арміи, объ этомъ то періодѣ компаніи намъ разсказываютъ историки: какъ Милорадовичъ долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ предвинуть туда-то (передвинуть выше колѣнъ въ снѣгу), и какъ тотъ-то опрокинулъ и отрѣзалъ и т. д.

Русскіе, умиравшіе наполовину, сдѣлали все, что можно сдѣлать и должно было сдѣлать для достиженія достойной народа цѣли, и не виноваты въ томъ, что другіе русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что было невозможно... Цѣль отрѣзыванія Наполеона никогда не

*) Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Петерб. 1860 г. т. III, стр. 294.

существовала, кромѣ какъ въ воображеніи десятка людей. Она не могла существовать, потому что она была безсмысленна, и достиженіе ея было невозможно. Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась, во-первыхъ, сама собою, такъ какъ французы бѣжали, и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе. Во-вторыхъ, цѣль эта достигалась дѣйствіями народной войны, уничтожавшей французовъ, и, въ-третьихъ, тѣмъ, что большая русская армія шла слѣдомъ за французами, готовая употребить силу, въ случаѣ остановки движенія французовъ. Русская армія должна была дѣйствовать, какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное» *).

«Весь глубокомысленный планъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Толстой,—о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміей, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину» **).

Наиболѣе авторитетный изъ знатоковъ военнаго дѣла, покойный генералъ Драгомировъ, не соглашался съ мнѣніемъ Л. Н. Толстого о неразумности плана отрѣзать отступленіе Наполеону, но и онъ не обвиняетъ Кутузова, а обвиняетъ Чичагова и Витгенштейна. «Вѣдь по плану,—говоритъ онъ,—отрѣзать Наполеона долженъ былъ не Кутузовъ, а Чичаговъ, который уже былъ на Березинѣ, и Витгенштейнъ, который былъ всего въ 25-ти верстахъ отъ нея въ день устройства переправы. У каждаго изъ нихъ было до 30-ти тысячъ. У Наполеона подъ ружьемъ было 40 тысячъ. Въ состояніи духа перевѣсъ былъ тоже на нашей сторонѣ: заключеніе, кажется, понятно». По мнѣнію Драгомирова и другихъ военныхъ историковъ, планъ сосредоточенія армій Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, несмотря на громадныя разстоянія, съ которыхъ они сходились,

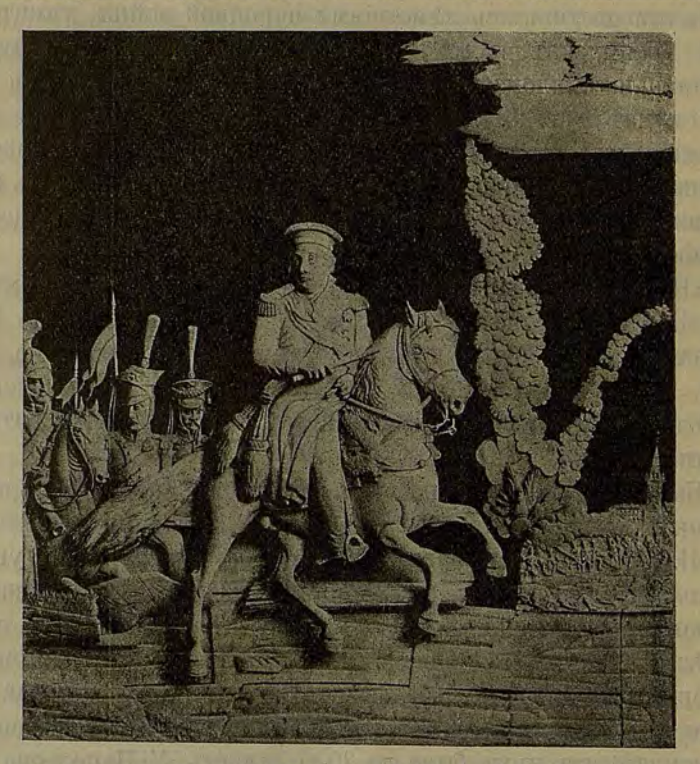
---

*) «Война и миръ». Сочиненія гр. Л. Н. Толстого. Изд. 1897 г. т. IV стр. 236—238.

**) Ibidem, стр. 235.

былъ «замѣчательно близокъ къ осуществленію», и если онъ не удался, то въ этомъ были виноваты: ошибки Чичагова и нежеланіе Витгенштейна притти во время къ пункту соредоточенія *).

Среди современниковъ и ближайшихъ сотрудниковъ Кутузова находилось достаточное число людей, относившихся къ

Костяное изображеніе Кутузова (соб. А. А. Бахрушина).

нему завистливо и враждебно. Многіе изъ нихъ обвиняли его за весь ходъ кампаніи и говорили, что съ самаго начала этой кампаніи онъ мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона; нѣкоторые не стѣснялись высказывать мысль и о томъ, что Кутузовъ былъ будто бы болѣе занятъ «удовлетвореніемъ своихъ страстей»,

*) М. Драгомировъ. — Разборъ «Войны и мира». Кіевъ. 1898 г. стр. 119—120.

чѣмъ спасеніемъ отечества, что онъ былъ труслив и что, напримѣръ, подъ Краснымъ онъ остановилъ движеніе войскъ потому, что, узнавъ о присутствіи самого Наполеона, совершенно потерялся. Были и такіе, которые готовы были и его, какъ Барклая-де-Толли, заподозрить въ сношеніяхъ съ Наполеономъ и въ измѣнѣ... У нѣкоторыхъ иностранныхъ историковъ (преимущественно, конечно, французскихъ), признававшихъ Наполеона «великимъ», Кутузовъ является или «хитрымъ», развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ», или чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какою-то «куклой», полезною для войскъ лишь по своему русскому имени.

Такіе взгляды на него раздѣлялись и многими русскими людьми, и даже императоръ Александръ I, награждая его послѣ окончанія войны, плохо скрывалъ нѣкоторое нерасположеніе къ нему.

Но теперь, когда послѣ его великаго подвига прошло 100 лѣтъ, мы можемъ спокойно сказать, что это былъ дѣйствительно подвигъ, трогательный по своей простотѣ и непосредственности, истинная основа котораго заключалась въ томъ, что этотъ старый, опытный вождь заботился преимущественно о томъ, чтобы «не нарушать естественнаго хода событій» искусственными мудрствованіями.

Выше мы привели тѣ доводы, которыми Л. Н. Толстой оправдывалъ дѣйствія Кутузова въ отечественной войнѣ. Необходимо добавить, что и лучшую характеристику Кутузова мы находимъ у него же. Приведемъ эту характеристику дословно:

«Трудно себѣ представить историческое лицо, дѣятельность котораго такъ неизмѣнно постоянно была бы направлена къ одной и той же цѣли. Трудно вообразить себѣ цѣль, болѣе достойную и болѣе совпадающую съ волею всего народа... Кутузовъ никогда не говорилъ о сорока вѣкахъ, которые смотрятъ съ пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ человѣчеству, о томъ, что онъ намѣренъ совершить или совершилъ: онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя и обыкновенныя вещи. Онъ писалъ

письма своимъ дочерямъ и M-me Сталь, читалъ романы, любилъ общество красивыхъ женщинъ, шутилъ съ генералами, офицерами и солдатами и никогда не противорѣчилъ тѣмъ людямъ, которые хотѣли ему что-нибудь доказать... Но этотъ самый человѣкъ, такъ пренебрегавшій своими словами, ни разу во всю свою дѣятельность не сказалъ ни одного слова, которое было бы несогласно съ тою единственною цѣлью, къ достиженію которой онъ шелъ во время всей войны... Начиная отъ Бородинскаго сраженія, съ котораго начался его разладъ съ окружающими, онъ одинъ говорилъ, что Бородинское сраженіе есть побѣда... Онъ одинъ сказалъ, что потеря Москвы не есть потеря Россіи. Онъ въ отвѣтъ Лористону на предложенія о мирѣ отвѣчалъ, что мира не можетъ быть, потому что такова воля народа... Онъ одинъ во время отступленія французовъ говорилъ, что всѣ наши маневры не нужны, что все сдѣлается само собою лучше, чѣмъ мы того желаемъ, что непріятелю надо дать золотой мостъ, что ни Тарутинское, ни Вяземское, ни Красненское сраженія не нужны, что съ чѣмъ-нибудь надо притти на границу, что за десять французовъ онъ не отдастъ одного русскаго» *). По мнѣнію Л. Н. Толстого, Кутузовъ одинъ вѣрно угадалъ значеніе «народнаго смысла» событій, совершавшихся въ 1812 году. И источникъ этого прозрѣнія смысла совершавшихся на его глазахъ событій лежалъ въ томъ народномъ чувствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей его чистотѣ и силѣ.

Только признаніе въ немъ этого чувства,—говоритъ Л. Н. Толстой,—заставило народъ въ немилости находящагося старика выбрать, противъ воли царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ. По удачному заключенію Л. Н. Толстого, *простая, скромная и потому истинно величественная фигура Кутузова* не могла улечься въ «лживую форму европейскаго героя» *).

---

*) «Война и миръ» т. IV, стр. 256—258.

*) Ibidem, стр. 259.

Таковъ былъ вождь русской арміи во время нашей народной войны 1812 года.

Мы уже видѣли, какъ проявили себя народъ и армія въ этой войнѣ. Народъ далъ государю на помощь арміи ополченіе числомъ болѣе 200 тысячъ человѣкъ. Армія воодушевлена была единодушнымъ желаніемъ сражаться за родину и роптала на своихъ начальниковъ, когда ей приходилось отступать передъ непріятелемъ. И никогда, ни раньше ни послѣ, не обнаруживалась такая тѣсна связь между народомъ и арміей, какъ это было въ отечественную войну. Ближайшія къ театру войны области, во время движенія Наполеона отъ Смоленска къ

Старостиха Василиса и плѣнные французы.

Москвѣ, представляли нѣчто въ родѣ обширнаго лагеря. Исчезло различіе между солдатомъ и обывателемъ; всѣ готовы были оставить свои обычныя занятія и принять, вмѣстѣ съ войсками, личное участіе въ защитѣ отечества. Исчезла всякая забота о сохраненіи имущества, пріобрѣтеннаго трудами отцовъ и дѣдовъ. «Пожалуйста, скажите, служивые, когда придетъ

пора зажигать наши дома»,—говорили крестьяне солдатамъ, готовясь при появленіи непріятеля предать огню свои жилища.

Наполеонъ вторгаясь въ Россію, надѣялся возмутить крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости, привлечь ихъ на свою сторону обѣщаніемъ воли. Но онъ ошибся. Даже проводниковъ и погонщиковъ не находили среди русскихъ крестьянъ французы. Если они успѣвали захватить кого-нибудь, то ничего не могли добиться отъ плѣнниковъ ни деньгами, ни угрозами и побоями, а нерѣдко бывало и такъ: проводникъ брался вести враговъ и, наведя ихъ на гибель, убѣгалъ. Народъ не ограничивался тѣмъ, что оставлялъ свои деревни и, сжигая избы, разбѣгался: крестьяне, и даже крестьянки, вооружались чѣмъ попало, пдстерегали отсталыхъ французовъ и убивали ихъ или брали въ плѣнъ. Типичнымъ представителемъ ополчившагося на защиту родины крестьянства является тотъ Тихонъ Щербатый, который въ «Войнѣ и Миръ» Л. Н. Толстого говоритъ въ отвѣтъ на слова Денисова о необходимости вѣрности Царю и отечеству и ненависти къ врагу:

— Мы французамъ худого не дѣлаемъ... Мы только такъ, значитъ, по охотѣ, баловались съ ребятами. Міродеровъ, точно, десятка два побили, а то мы худого не дѣлали *)...

Изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сплотился народъ къ этой ненависти къ «забравшейся въ огородъ скотинѣ», приведемъ здѣсь одинъ.

Случилось однажды, что крестьяне одной деревни, устрашенные прибывшимъ къ нимъ французскимъ отрядомъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ—солью. Вскорѣ послѣ этого непріятель былъ прогнанъ, и крестьяне, принявшіе его съ честью, явились въ ближайшую церковь къ божественной службѣ. Когда они вмѣстѣ съ прочими прихожанами стали подходить къ кресту, священникъ, выражавшій общее настроеніе, обратился къ нимъ съ укоромъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ.

---

*) «Война и миръ» т. IV, стр. 185—190.

Сплошь и рядомъ на возвышенныхъ пунктахъ крестьяне выставляли свои посты, зорко сторожившіе появленіе непріятеля. Если подходившая команда была малочисленна, то воины-поселяне старались окружить и захватить ее; въ случаѣ же наступленія значительныхъ силъ, сторожившіе давали о томъ знать въ ближайшее село. Раздавался набатъ, и на условленномъ заблаговременно пунктѣ сходились изъ всѣхъ окрестныхъ селеній люди, вооружившіеся кто чѣмъ могъ, подъ командою мѣстныхъ начальниковъ,—отставныхъ офицеровъ, дворянъ, либо старшихъ, избранныхъ изъ своей среды крестьянами.

Изъ такихъ крестьянскихъ старшихъ особенно прославился своими удачными дѣйствіями противъ французовъ и своимъ организаторскимъ талантомъ крестьянинъ села Павлова, Волпенской волости, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Герасимъ Куринъ.

Когда въ концѣ сентября 1812 года войска Нея заняли г. Богородскъ, крестьяне села Павлова, узнавъ объ этомъ, отправили всѣхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей въ лѣса, а сами рѣшили «сразиться съ непріятелемъ, чтобы умереть или отомстить злодѣю за оскверненіе святыхъ церквей и прочихъ святынь». Своимъ начальникомъ избрали они Герасима Курина, такъ какъ онъ «во всѣхъ дѣлахъ между крестьянами имѣлъ особливую расторопность и смѣлость». Успѣхи этого народнаго атамана въ борьбѣ съ отдѣльными французскими отрядами были такъ значительны, что крестьяне, собравшіеся около него, вооруженные отобраннымъ у французовъ оружіемъ, большою толпою двинулись даже на освобожденіе Богородска, твердо вѣруя, что подъ предводительствомъ Герасима они непобѣдимы. Но они опоздали; непріятель ушелъ изъ Богородска, и имъ не пришлось помѣряться съ нимъ силами.

Однако, это озлобленіе противъ непріятеля, нарушившаго обычный ходъ мирной жизни, сплошь и рядомъ смѣнялось и жалостью къ нему, во время страшныхъ его бѣдствій при отступленіи изъ Москвы. И простой народъ и солдаты, по своему русскому добродушію, чувствовали то же самое, что чувствовалъ ихъ престарѣлый вождь, въ уста котораго Л. Н. Толстой влагаетъ слѣдующія слова, сказанныя имъ солдатамъ послѣ сраженія подъ Краснымъ:

Вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать. Потерпите; не долго осталось. Выпроводимъ гостей, отдохнемъ тогда. За вашу службу Царь васъ не забудетъ. Вамъ трудно, да все-же вы дома; а они,—видите, до чего они дошли, сказалъ онъ, указывая на плѣнныхъ, изуродованныхъ отмороженными щеками и носами.—Хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли. А теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?

А помолчавъ, и какъ бы въ недоумѣніи опустилъ голову, онъ добавилъ:

А и то сказать: кто же ихъ къ намъ звалъ? Подѣломъ...

«Лежачаго не бьютъ», говоритъ русская пословица. И русскій народъ, высоко гуманный по своей непосредственной натурѣ, примѣнялъ это мудрое правило и въ отечественную войну, видя, прежде всего, и во врагѣ человѣка. Онъ разсуждалъ такъ, какъ разсуждалъ простой, самый заурядный солдатикъ у Л. Н. Толстого, Платонъ Караваевъ:

— Вотъ поди ты... Говорятъ—нехристи, а тоже душа есть.

И тотъ же Платонъ Караваевъ простымъ, но образнымъ русскимъ языкомъ, въ разговорѣ съ Пьеромъ Безуховымъ, выразилъ ту же мысль, которую передъ занятіемъ французами Москвы, выразилъ и Кутузовъ:

— Наполеонъ въ Москвѣ расплывется,—предсказывалъ русскій главнокомандующій.

А Платонъ Караваевъ, на вопросъ Пьера, скучно ли ему жить въ плѣну у французовъ, отвѣчалъ:

— Какъ не скучать, соколикъ? Москва—она городамъ мать. Какъ не скучать—на это смотрѣть? Да червь капусту гложе, а самъ прежде того пропадае...

— Какъ, какъ это ты сказалъ? спросилъ пораженный Пьеръ.

— Я-то? спросилъ Караваевъ. Я говорилъ не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ...

Это «не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ», лежащее въ основѣ народнаго міровоззрѣнія, подъ вліяніемъ событій двѣнадцатаго года охватывало мало-по-жалу и широкіе круги русского общества. Подъемъ національнаго чувства сопровождал-

ся и подъемомъ чувства религіознаго, при чемъ религіозное чувство принимало, какъ это всегда бываетъ въ такія критическія для народа эпохи, мистическій характеръ.

И особенно рѣзко въ этомъ направленіи отразилось вліяніе событій двѣнадцатаго года на государѣ того народа, который явился исполнителемъ «суда Божьяго», на Императорѣ Александрѣ I, въ жизни котораго года 1812—1814 имѣли значеніе рѣшительнаго душевнаго перелома.

Прежде всего онъ былъ глубоко пораженъ мощью пробудившагося народнаго чувства уже въ самомъ началѣ войны, въ Москвѣ, на пути изъ Вильны въ Петербургъ. Затѣмъ, произошелъ сильный переломъ въ его религіозномъ сознаніи. Онъ самъ говорилъ, что пожаръ Москвы освѣтилъ его душу и согрѣлъ его сердце вѣрою, какой раньше онъ не ощущалъ. Мало интересовавшійся ранѣе Библіей и не знавшій ея, Александръ I теперь не разстается съ нею и не скрываетъ своего новаго настроенія. Онъ теперь глубоко убѣжденъ, что для народовъ и царей слава и спасеніе только въ Богѣ, а на себя онъ смотритъ, лишь какъ на орудіе Промысла, карающаго злобу Наполеона. Глубокое смиреніе было послѣдствіемъ такого перелома. Но эти новые взгляды, убѣдившіе Александра въ его высокомъ предназначеніи, вели его иногда къ необычайному упорству и раздражительности въ отстаиваніи своихъ мнѣній и желаній.

Новое настроеніе отразилось и въ правительственной дѣятельности Александра I, лишивъ ее внутренней цѣльности и наполнивъ ее противорѣчіями. Побѣда надъ Наполеономъ, какъ извѣстно, привела Европу къ Священному Союзу государей. Исправивъ карту Европы, приведенную въ безпорядокъ французской революціей и Наполеономъ, и распредѣливъ вознагражденіе державъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, главенствующіе монархи (императоры русскій и австрійскій и король прусскій) связали себя актомъ Священнаго Союза, который былъ попыткою приложить къ внутренней и внѣшней политикѣ принципы христіанства. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ Александру и вышелъ изъ его мистическаго настроенія. Цѣль Священнаго Союза заключалась въ поддержаніи только что уста-

новленнаго «законнаго порядка» въ Европѣ путемъ братскаго единенія правительствъ и патріархально-благонамѣреннаго управленія подданными. Направленный къ охраненію существующихъ политическихъ и общественныхъ формъ, Союзъ по идеѣ былъ консервативнымъ; на практикѣ же онъ сталъ вскорѣ реакціоннымъ, ибо былъ обращенъ на борьбу съ національными движеніями эпохи путемъ непрестаннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ для удержанія въ нихъ отживающихъ порядкоъ, съ которыми боролась французская революція. Стоявшій во главѣ союза Александръ, казалось, становился во главѣ европейской реакціи.

Но въ то же время въ немъ продолжали еще жить и либеральныя воззрѣнія первыхъ годовъ его царствованія, и, содѣйствую возстановленію «стараго порядка» въ Европѣ, онъ въ то же время насаждалъ въ Царствѣ Польскомъ конституціонный порядокъ, а въ 1818 году поручилъ Новосильцову воскресить проектъ Сперанскаго о введеніи конституціи и въ Россіи. Проектъ этотъ не осуществился, и вмѣсто конституціи Россія получила «аракчеевщину», съ ея военными поселеніями и со всѣми тѣми стѣсненіями общественной жизни и общественной мысли, которыя напоминали предшествующее царствованіе. Министерство народнаго просвѣщенія превратилось въ «министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія», съ помощью котораго государь—мистикъ думалъ поднять истинное благочестіе въ Россіи. Религіозный экстазъ государя содѣйствовалъ успѣхамъ въ русскомъ обществѣ и искренняго и лицемѣрнаго мистицизма, истиннаго благочестія и показного ханжества, которымъ многіе стали пользоваться для того, чтобы «дѣлать карьеру». Господство всесильнаго Аракчеева, въ роли ближайшаго совѣтника и сотрудника Государя, и мѣры къ насажденію благочестія въ русскомъ обществѣ,— принимавшіяся съ благословенія фанатика — митрополита Фотія, стояли въ глубокомъ противорѣчіи съ тѣми надеждами, съ которыми русское общество встрѣтило воцареніе Александра I, какъ зарю новой жизни. Отвращенія къ этимъ мѣрамъ, производившимъ впечатлѣніе глубокой реакціи, не скрывалъ даже такой твердый и убѣжденный представитель консер-

ватизма, какимъ былъ нашъ знаменитый историкъ Карамзинъ, когда то энергично протестовавшій въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи» противъ плановъ Александра I и Сперанскаго относительно введенія либеральныхъ реформъ въ Россіи.

Таково было вліяніе отечественной войны на Александра I.

Случилось, однако, такъ, что въ то самое время, когда правительство Александра I стало на путь реакціи и мистицизма, въ русскомъ обществѣ стали распространяться и иныя идеи.

Карамзинъ.

Отечественная война поставила въ ряды русскаго войска на защиту отечества массу дворянъ, до того времени не дорожившихъ службою, особенно военною, а войны 1813—1814 г.г., перебросивъ русскую армію за границу, познакомили эту массу дворянъ съ западно-европейскою жизнью и съ умственнымъ движеніемъ западно-европейскаго общества *).

*) Проф. Платоновъ.—Лекціи по русской исторіи. Петерб. 1907 г. стр. 618—620.

Чрезвычайныя событія 1812 года,—говоритъ современникъ этихъ событій, славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго императора французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, послѣдовавшія затѣмъ кампаніи 1813 и 1814 годовъ и взятіе Парижа,—въ которомъ наша армія принимала также дѣятельное и славное участіе,—все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ, и особенно молодыхъ офицеровъ. Въ продолженіе двухлѣтней тревожной боевой жизни, среди

Сперанскій.

безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью.

Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 году въ Петербургъ. Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за-границей, съ тѣмъ,

что имъ на каждомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ людей, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, и въ особенности съ солдатами (только что сражавшимися за спасеніе родины), всякаго рода злоупотребленія властью, повсюду царствовавшій произволъ, все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ людей и напрягало ихъ здоровое патріотическое чувство». При сравненіи своихъ порядковъ съ порядками западно-европейскими весьма многіе изъ участниковъ заграничнаго похода приходили къ убѣжденію въ необходимости коренныхъ преобразованій государственнаго и общественнаго строя Россіи и прежде всего—необходимости смягчить суровую военную дисциплину и уничтожить крѣпостное право.

Съ этого времени въ русскомъ обществѣ начинаютъ особенно быстро распространяться, какъ тогда говорили, «либеральныя» идеи, проводниками которыхъ являлись преимущественно офицеры гвардіи. Военная молодежь точно пробудилась для новой жизни, воодушевляясь всѣмъ, что было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ. При отсутствіи свободы печати стала быстро развиваться рукописная литература, посвященная не только художественному творчеству, но и политическимъ вопросамъ; а въ періодическихъ изданіяхъ,—хотя ихъ было и очень мало,—стали появляться статьи о выдающихся явленіяхъ политической жизни Европы, особенно Франціи. Создалось мало-по-малу общественное мнѣніе, навстрѣчу которому, казалось, готово было итти и правительство; по крайней мѣрѣ въ 1818 г. Александръ I при открытіи сейма въ Варшавѣ, говорилъ о своемъ намѣреніи дать Россіи представительныя учрежденія.

Проникнутая глубокимъ чувствомъ любви къ родинѣ, военная молодежь рвалась къ активому участію въ ожидаемыхъ преобразованіяхъ, мечтала о возможности оказывать содѣйствіе правительству въ его преобразовательной дѣятельности. Но ея ожиданія не оправдались. Началась реакція. Тогда стали появляться тайныя общества,—по примѣру тѣхъ, которыя устраивались въ то время въ Италіи, Франціи, Германіи, и особенно подъ вліяніемъ нѣмецкаго Тугенбунда («Союза добродѣтели»),

имѣвшаго цѣлью «создать улучшеніе нравственнаго состоянія и благосостоянія прусскаго и затѣмъ вообще всего нѣмецкаго народа единствомъ и общностью стремленій честныхъ людей». По примѣру нѣмецкаго Тугендбунда явился и у насъ «Союзъ Спасенія», или «Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», который вскорѣ принялъ характеръ тайнаго политическаго общества, и изъ котораго вышли «декабристы», пытавшіеся совершить государственный переворотъ при вступленіи на престолъ Николая I, на тѣхъ началахъ, которыя лежали въ основаніи либеральныхъ плановъ императора Александра I въ первую половину его царствованія.

Оживилась и литература послѣ Отечественной войны. Особенно сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей литературы оказало общество «Арзамасъ», къ которому принадлежали Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій и начинавшій свою литературную дѣятельность Пушкинъ.

Въ литературѣ стала развиваться народность. Въ обществѣ пробудился глубокій интересъ ко всему родному и, прежде всего, къ прошлому Россіи, къ ея исторіи, и первые томы «Исторіи Государства Россійскаго», начавшіе появляться съ 1816 года, имѣли громадный успѣхъ *).

Таковы были культурные послѣдствія Отечественной войны, пробудившей въ русскомъ обществѣ національное самосознаніе.

Но въ этомъ историческомъ процессѣ, совершившемся въ жизни русскаго народа, первенствующее значеніе имѣло спасеніе отечества отъ нахлынувшаго въ него громаднаго скопища враговъ. И какія бы противорѣчія ни были въ правительственной дѣятельности императора Александра I, перенесшаго глубокую душевную борьбу въ эти тяжелые для Россіи годы,—въ благодарной памяти потомства вѣчно будетъ жить образъ этого государя, спасшаго свое государство отъ иноземнаго господства.

---

*) Подробности см. въ соч. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I».

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 года. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Ц. 40 к.

Руководство по русской исторіи. Для старшихъ классовъ средней школы и для самообразованія. *Допущено* Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній и внесено въ списокъ книгъ для безплат. библіот. Изд. К. И. Тихомирова. Москва. Цѣна 2 р. 50 к.

Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. *Допущено* Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. І. Кнебель. Москва. Цѣна 2 р.

Очерки изъ исторіи Грузіи. *Допущено* Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученич. библіот. среднихъ учебн. завед. Тифлисъ. Цѣна 3 р.

Императрица Екатерина II. Тифлисъ. Цѣна 20 к.

Наказъ Императрицы Екатерины II. Тифлисъ. Цѣна 20 к.

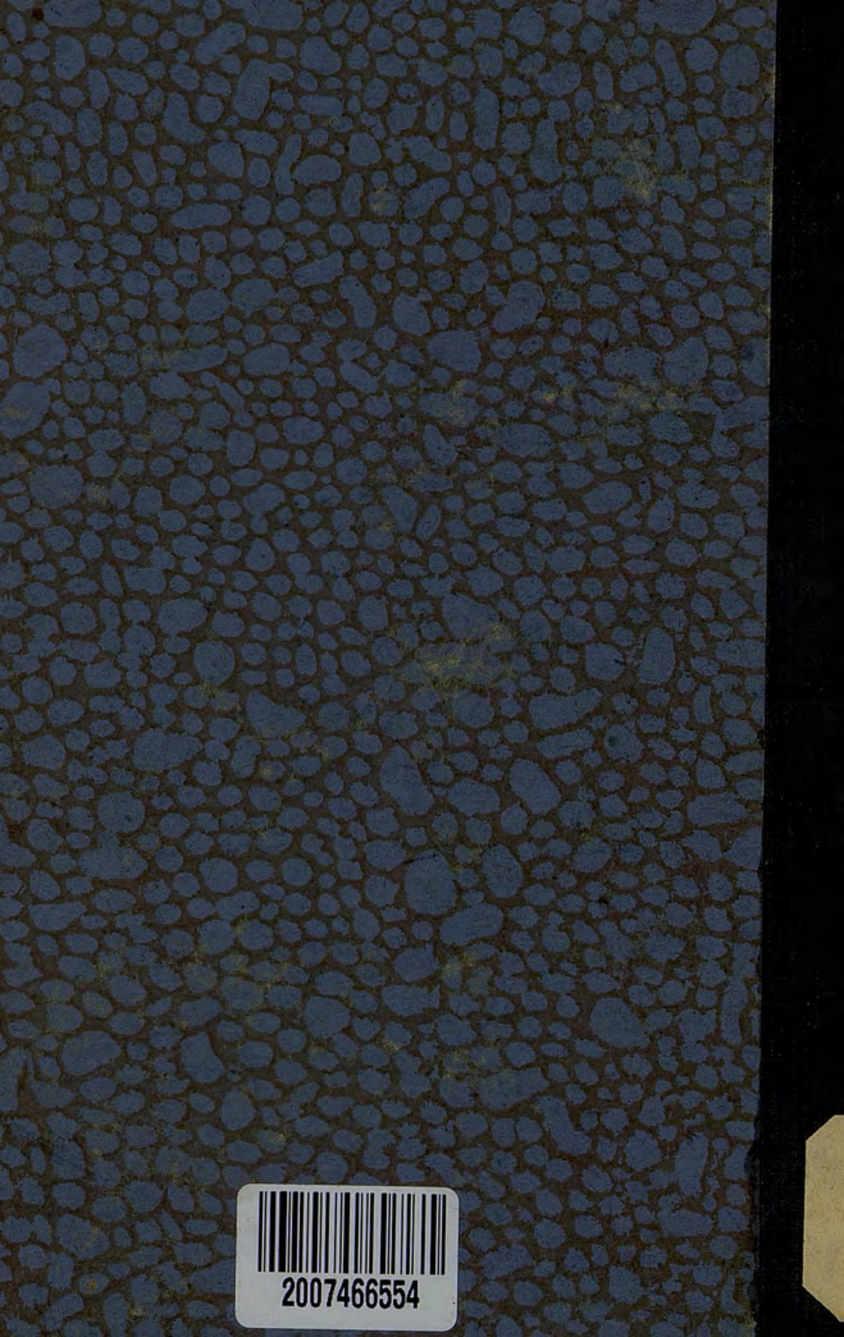
Россія. Краткіе разсказы изъ русской исторіи для народнаго чтенія. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Поэтъ-Философъ. (Шиллеръ). Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. Цѣна 25 к.

Педагогическіе этюды. Тифлисъ. Цѣна 50 к.

Замѣтки о преподаваніи исторіи. Тифлисъ. Изд. кн. маг. Хиддекель. Цѣна 50 к.

Цѣна 40 коп.

2007466554